

Н. М. Коняев

**АПОСТОЛЬСКИЙ
КОЛОКОЛ**

*Валаамские столпы
веры и духа*

Н. М. Коняев

АПОСТОЛЬСКИЙ КОЛОКОЛ

*Валаамские
столпы
веры и духа*

Москва
БЛАГО
2006

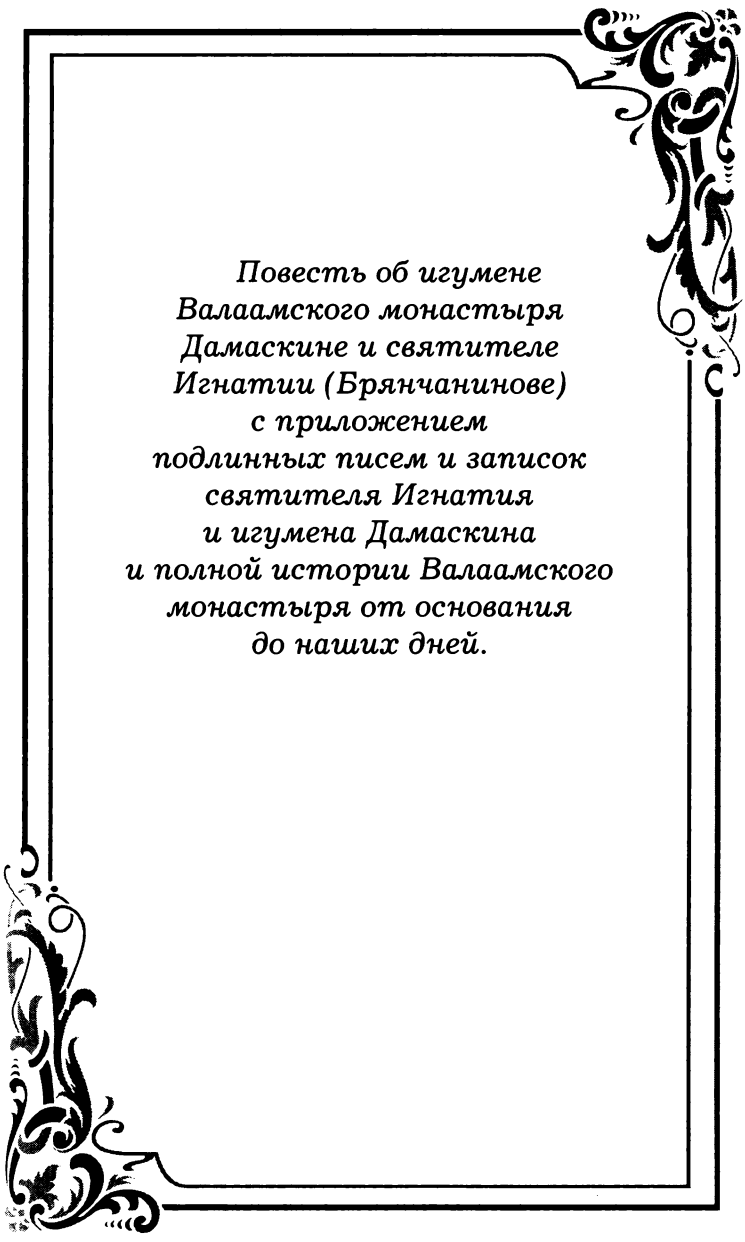

Бог по молитве Валаамских преподобных
да благословит этот труд.

КОНСТАНТИН,
Архиепископ Тихвинский,
ректор СПбДАиС

В России великое множество мест, отмеченных особой благодатью. Паломнические поездки в Троице-Сергиеву лавру, Дивеево, на Соловки уже давно стали излюбленными маршрутами. И все большее число путешествующих отправляется в поисках надежды и утешения на далекий Валаам. Великое множество святых подвизалось там, в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре: Александр Свирский, Арсений Коневский, Авраамий Ростовский, Герман и Савватий Соловецкие... Многие из них, покидая монастырь, основывали собственные обители. Самой же яркой страницей в истории обители стало пребывание на острове великого угодника Божия – игумена Дамаскина. Следуя заповедям апостольского служения, он сумел возжечь на Валааме неугасимый светильник веры.

О жизни и духовном подвиге русского подвижника вам расскажет книга Н. М. Коняева «Апостольский колокол».

*Повесть об игумене
Валаамского монастыря
Дамаскине и святителе
Игнатии (Брянчанинове)
с приложением
подлинных писем и записок
святителя Игнатия
и игумена Дамаскина
и полной истории Валаамского
монастыря от основания
до наших дней.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга известного православного писателя Николая Михайловича Коняева «Апостольский колокол» посвящена жизни великого старца Валаама игумена Дамаскина.

Это уже не первый агиографический опыт талантливой и самобытного прозаика. В 1991 году вышла книга, посвященная житию святителя Стефана Пермского, затем было опубликовано несколько статей и повестей, посвященных русским святым и великомученикам, а 1997 год ознаменовался появлением сразу двух новых книг: «Свирские святые» и «Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский».

Очевидно, что автор от издания к изданию совершенствуется агиографическое мастерство, вырабатывает свой стиль и язык житийного описания.

Особенно интересной в этом плане была книга о священномученике Вениамине. В ней Н.М. Коняев полностью отказывается от трафаретного описания жизни святых, которое выработалось в дореволюционной России синодального периода.

На страницах документального повествования перед нами встает живой, энергичный человек, великий молитвенник, искренне преданный Церкви, народу и Отечеству. Он делает все, чтобы сохранить Церковь и прихожан от лютого разорения и полного уничтожения со стороны новой

власти... И вот, чтобы спасти других, он идет умирать сам... Спокойно принимает приговор...

Перед нами, благодаря литературному мастерству писателя, возникает образ реального человека и путь, по которому он пришел к святости. Эта книга учит нас самоотверженности, решимости следовать за Христом даже до смерти и смерти крестной. Размышляя о деяниях святого, нам стоит следовать его примеру в том или ином случае.

Книга «Апостольский колокол» написана в несколько ином ключе. Здесь мы также видим путь к святости, святости преподобного. Монашеское делание, борьба со страстями, стяжание смирения и восхождение по духовной лестнице к Богу, таинство преображения души человеческой...

Как это происходит? Каковы основные моменты этого движения?

Эти вопросы волнуют каждого христианина. Личный опыт подвижника, достигшего святости, ценен для каждого православного.

Суметь раскрыть путь духовного восхождения святого — крайне сложная задача, даже если и сохранились письма, если известны реальные факты биографии. Ведь главное — понять, правильно осмыслить их и преподнести должным образом, а это редко кому удается.

Н.М. Коняеву удалось справиться с задачей.

Перед нами на страницах «Апостольского колокола» разворачивается человеческая жизнь, жизнь, увенчанная святостью: из деревенского мальчика-калеки вырастает богатырь духа. Очевиден Промысл Божий в жизни этого простого искреннего православного человека. Благо-

дать Божия через различные встречи, трудности и испытания очищает душу подвижника, готовя ее стать вместилищем Святого Духа.

Среди множества интересных и ярких встреч, талантливо описанных автором, особенно интересно соприкосновение двух будущих светил православия: игумена Дамаскина и тогда еще архимандрита Игнатия (Брянчанинова). Показано, как с течением времени и с духовным возрастом изменяется отношение будущего святителя к своеобразию подвижнической жизни Валаамского монастыря.

Большой заслугой автора является умение строить свое повествование на чисто документальных фактах истории, не выдумывая и не домысливая отсутствующего материала.

Любой вид фантазии очень опасен в житийном описании. Ведь жития святых — это не сказка или история, которая веселит и развлекает человека, это своеобразный путь ко спасению, руководство в духовной жизни, предназначенное для множества верующих. И любая ложь или фантастический домысел автора может увести от вечной жизни немало христиан.

Другой опасностью житийного описания является излишняя сухость или трафаретное (о котором мы уже говорили выше) описание духовного пути подвижника. Здесь теряется индивидуальность святого, его близость к нам, живость и притягательная сила духовной красоты аскетического подвига.

Николаю Михайловичу Коняеву в новой книге «Апостольский колокол» мастерски удалось сочетать достоверный исторический материал

с живостью художественного изложения. Тонко проследив путь духовного возрастания подвижника, он избежал привнесения фантазии или личных домыслов.

Хочется поздравить автора с большим творческим успехом и пожелать дальнейшего духовного совершенствования, а значит многих и интересных работ.

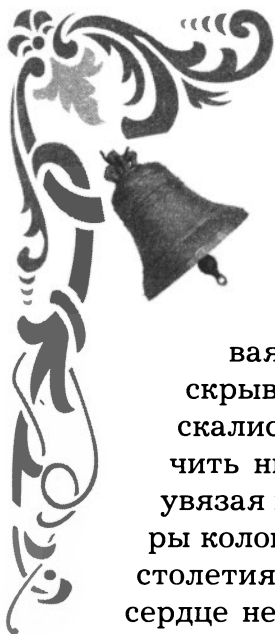
*Член Союза писателей России
священник Алексей Мороз*

АПОСТОЛЬСКИЙ КОЛОКОЛ

*Повесть об игумене Валаамского
монастыря Дамаскине
и святителе Игнатии (Брянчанинове)*

ПРОЛОГ

Пронзительные и холодные поднимаются над Ладогою туманы... Покачиваясь, плывут над озерной водой, скрывая в белесой пелене деревья, скалистый берег... И уже не различить ничего, только слабо и неясно, увязая в сыром воздухе, несутся удары колокола. Из какой дали, из какого столетия звучат они? И чье русское сердце не откликнется им, какая душа не различит ясный и теплый свет православия, разливающийся над схожим с облачным небом озером?

Монах Протасий рассказывал...

В день похорон игумена Дамаскина, утром, еще до обедни, пришел иеромонах Александр проститься и, когда стал прикладываться, то отец игумен как бы взглянул на него...

А монах Сергей 28 января, на другой день после похорон, увидел игумена в церкви, в мантии и с жезлом в руках, и очень, очень веселого.

А отец Никандр даже поговорил с игуменом во сне. Дамаскин сидел в храме у раки преподобных.

— Не надо ли тебе чего? — спросил он у Никандра. — Скажи, я дам...

Монаху Митрофану тоже снился Дамаскин... Они втроем — Митрофан, иеромонах Александр и игумен Ионафан — вошли в храм, где стоял закрытый гроб.

Игумен Ионафан велел открыть гроб.

В гробу покойный как будто спал. Лицо было благолепное и приятное.

Игумен Ионафан поклонился и приложился к руке Дамаскина. То же сделал иеромонах Александр.

Игумен Дамаскин благословил его. Потом сказал:

— Чадо, закрой меня.

Гроб закрыли и крышку закрепили по-старому.

Как легкий туман проплывают эти монастырские сны 1881 года...

И сквозь туман все яснее и четче проступала исполинская фигура игумена Дамаскина...

Послушнику Димитрию вспомнилось, как возили они покойного игумена в Назарьевскую пустынь. Из часовни они вели его под руки с келейником Александром. Димитрий тогда подумал, что игумен мог бы и сам ходить... Чего водить-то?

И тут Дамаскин остановился и сказал:

— Оставь меня, Димитрий! Александр один меня доведет!

Или такой случай, тоже в Назарьевской пустыни было...

Решили дерево посадить. Димитрий вместе с монахом Сергием выбрали саженец. Приехал игумен.

— Выбрали дерево? — спрашивает.

— Выбрали, батюшка. Вот оно...

Но игумен и не посмотрел даже на дерево, о другом заговорил. Несколько раз напоминали ему, но игумен молчал. Наконец отец Сергей сказал:

— Так как же, батюшка? Благословите это дерево посадить?

— Ну-ну... — сказал игумен Дамаскин. — Ладно...

Дерево посадили очень тщательно, но оно засохло без всякой причины... Весною 1881 года Димитрий вспомнил об этом и сообразил, что это как-то было связано с нерешительностью игумена...

А один раз Димитрий заговорил с отцом Сергием, что вот умрет игумен, напишут его биографию обязательно.

— Да-да... — закивал отец Сергей. — Как же не написать.

— Небось, там все его поступки в какую-нибудь хорошую сторону повернут...

— Повернут, конечно... — согласился Сергей. — Обязательно повернут.

Такой вот разговор был, а вскоре приехал в Назарьевскую пустынь отец игумен. Походил немного, а потом говорит:

— Приходите, дети, чай пить.

Мы пришли. Только сели, а он и говорит:

— Отец Пимен благословение просил — биографию мою писать. Я его благословил, только сказал, чтобы писал, чего хорошего есть у меня, а грехов бы не писал...

И так внимательно посмотрел на нас с отцом Сергием, что мы и глаз на него поднять не смели.

А схимонах Иоанн с Предтеченского скита вспомнил, как рыли колодец. Приехал отец игумен и, помолившись Богу, пошел выбирать место.

Долго ходили по острову, и тут предлагали рыть и там, а игумен не соглашался. Наконец, пришли за часовню и здесь, на горке, игумен и остановился.

— Здесь, — говорит, — ройте!

Засомневалась братия, какая вода тут будет, если камень один... Но, к удивлению всех, оказалось, что вода в колодце — самая лучшая, преизобильная и никогда не пересыхающая... И по сие время существует этот колодец. Каждый год, в день Преполовения, после обедни крестный ход на него идет...

В этих воспоминаниях послушника Димитрия, схимонаха Иоанна все твердо, как здешний гранит... Никакой фантазии, только то, что помнится...

Так, в туманы и в гранит Валаама вросло имя игумена Дамаскина, и не требовалось ни долгих лет, ни легенд, ни преданий.

Всем было ясно, что именем игумена Дамаскина открылась новая эпоха Валаама.

Всем было понятно, что именем игумена Дамаскина закрывается прежняя эпоха Валаама...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Словно из шума сосен, словно из плеска волн, бьющихся о береговые скалы, словно из тихого шепота молитв рождаются Валаамские предания... Словно засохшая кровь — темные пятна на суровом граните валаамской истории...

Страшной зимою 1578 года пришли на острова шведы... Тогда, 20 февраля, девятнадцать благочестивых старцев и пятнадцать послушников «потреблены были мечом» за твердость свою в православной вере.

Вот имена этих мучеников: игумен Макарий; священноинок Тит; схимонах Тихон; монахи Геласий, Варлаам, Сергей, Савва, Конон, Сильвестр, Киприан, Пимен, Иоанн, Симон, Иона, Давид, Корнилий, Нифонт, Афанасий, Серапион, Варлаам; послушники Афанасий, Антоний, Лука, Леонтий, Фома, Дионисий, Филипп, Игнатий, Василий, Пахомий, Василий, Иоанн, Федор, Иоанн...

Этим кровавым разорением завершается эпоха, начавшаяся на островах с Креста, который водрузил апостол Андрей Первозванный.

Именами великих, воженных на Валааме светильников православной веры, освещена она...

Это и Авраамий Ростовский, крестивший вместе со страстотерпцем Борисом язычников ростовской земли... Это и Корнилий Палеостровский, Арсений Коневский, Савватий и Герман Соловецкие, наконец, это — Александр Свирский, сподобившийся еще в земной жизни лицезреть Пресвятую Троицу...

И вот буйными волнами лютеранского неистовства захлестнуло Валаамские острова.

Тогда казалось, что навсегда...

Но Бог поругаем не бывает... И в мученической кончине валаамских иноков скрывается не посрамление, а торжество православной веры, прославленной новыми страстотерпцами...

Кажется, что именно об этих иноках и произнесены в те годы слова первого русского патриарха Иова:

— Подражайте бывшим прежде нас святым отцам, чьи имена помянуть бояться бесы. Не говори никто: невозможно есть в сии лета такому быти, какими были святые, великими и крепкими, и лета их добрые. Ныне же злы настали. Христолюбцы, не помышляйте и не глаголите сего, ибо той бывый Бог и тогда и ныне тот же есть и вовеки, на всех местах милует призывающих Его.

Житие патриарха Иова не связано с Валаамом, оно протекало в Старицком Успенском монастыре, куда взяли его еще ребенком. Здесь, в Старицах, принял Иов монашеский постриг, отсюда призвал его Иоанн Грозный в Москву. Бесстрашно и мужественно исполнял Иов святительское служение. Это он предал анафеме самозванца, за что и был сослан назад в Старицкий монастырь.

Лжедмитрий приказал держать его «в озлоблении скорбном».

Но все, все связано в Божием мире...

Слова святителя оказались услышанными.

Прямой ответ на них стала жизнь крестьянского мальчика Дамиана Кононова, родившегося два столетия спустя в принадлежавшей Старицкому Успенскому монастырю деревне Репинка... Этому мальчику предстояло стать игуменом Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Дамаскиным, сумевшим восстановить прежнее величие обители.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Будущий игумен родился на стыке эпох. Пройдет чуть больше года, и завершится правление императрицы Екатерины Великой, а вместе с ним эпоха первых Романовых, ярых переустроителей русской жизни, фактически до начала правления Николая I ни в чем не ограничивающих своего деспотизма и своеволия.

Увы...

Дворянская литература сосредотачивала свое внимание на грандиозных успехах, достигнутых наследниками Петра I в военном и государственном строительстве. Успехи эти, действительно, неоспоримы, и весь вопрос только в цене, которой были оплачены они. И, конечно, цели... Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя. Но для чего? В результате многочисленных реформ основная часть населения, сами русские, оказались раба-

ми в своей собственной стране. Строительство империи обернулось в результате разделением народа, и, хотя после Екатерины II и предпринимались попытки преодолеть и *этот* раскол, ликвидировать его так и не удалось.

И не могло удалиться.

Слишком разным стало все — язык, культура... Само православие и отношение к нему и то, кажется, рознилось у дворян и крестьян... Поощрялось строительство монументальных, по западным образцам, храмов. Поддерживалось внешнее благолепие... Но внутреннее, сокровенное и светоносное бытие православия было объявлено как бы вне закона.

Об этой униженности Православной церкви очень точно и верно сказал преподобный Амвросий Оптинский...

«Еще вопрос: если же, как сказано, кроме единой, святой соборной и Апостольской Церкви, каковою называется и есть Церковь Православная, так сомнительно спасение других вероисповеданий: то почему же в России не проповедуется открыто истина сия? — спрашивал великий оптинский старец. И тут же дал исчерпывающий ответ на свой вопрос. — На это ответ очень простой и ясный. В России допущена веротерпимость, и иноверцы наравне с православными занимают у нас важные должности: начальники учебных заведений по большей части иноверцы; начальники губерний и уездных городов часто бывают иноверцы; полковые и батальонные командиры — нередко иноверцы. Где ни начни духовное лицо открыто проповедовать, что вне Православной Церкви нет спасения,

сановитые иноверцы оскорбятся. От такого положения Русское Православное духовенство и получило как бы навык и укоренившееся свойство говорить об этом предмете уклончиво».

Страшные слова...

Приобрести навык и укоренившееся свойство говорить уклончиво о единой, святой, соборной и Апостольской церкви...

Как сродни это неясному, тонущему в вязком тумане звону колоколов!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Никаких сведений о родителях, хотя ученики и записывали рассказы Дамаскина, не сохранилось. Но отсутствие сведений — тоже свидетельство. По-видимому, жизнь Конона и Матроны мало чем отличалась от жизней миллионов российских крестьян и не нуждалась в конкретизации: трудились, в поте лица добывая хлеб насущный, растили детей. Когда наступал срок, мирно отходили ко Господу, чтобы их место заняли подростки дети, чтобы и они жили так же, как родители...

А с самим Дамианом в младенчестве произошло несчастье. Семилетняя сестренка вздумала покатать братика на закорках и уронила его. Дамиан поломал ногу... Ножка вскоре срослась, но срослась неправильно. Мальчик с трудом наступал на нее, и каждый шаг его сопровождался болью.

Невыносимой болью сопровождался каждый шаг и у нового царствования.

6 ноября 1796 года, вечером, едва только узнав о смерти матери, примчался из Гатчины Павел.

«Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом», — писал об этом дне Г.Р. Державин.

Через тринадцать дней по повелению императора из земли было открыто тело Петра III, захороненного в Александро-Невской лавре 34 года назад, а 25 ноября произвели «сокоронование» праха Петра с телом Екатерины. Похоронили их вместе, в Петропавловском соборе.

Торопливо, как-то судорожно, словно задыхаясь от боли, отменял Павел установленные прежними императорами законы. 5 апреля 1797 года был восстановлен отмененный Петром I закон о наследовании престола. Теперь престол должен был наследовать старший сын, женатый на владетельной особе... Этот порядок позволил отделить судьбу престола от борьбы дворцовых партий и придворной конъюнктуры...

Император совершал путешествия по России, учреждал банки и институты... В опалу попадали самые выдающиеся, самые могущественные люди, но вскоре, подобно Суворову или Аракчеву, снова возвращались на службу... Павел воювал с Францией, не позволяя превратить Средиземное море во французское озеро... Государь принял звание «великого магистра державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского»...

Можно по-разному оценивать поступки Павла, и, сколь сумасбродными бы не рисовались они в воспоминаниях дворян-крепостников,

очевидно одно: это первый русский император, попытавшийся ограничить всевластие дворян. Барщина при нем была сокращена до трех дней в неделю, крестьян было запрещено продавать без земли, отменили также хлебную подать. И разве не символично, что именно в правление Павла умирает в тюрьме помещица Дарья Салтыкова — печально знаменитая Салтычиха, что со сладострастием истязала своих крепостных?

Ограничение дворянских вольностей не могло прибавлять симпатии к Павлу офранцузившихся и англизировавшихся крепостников, именно за это был он убит и оклеветан после смерти. Но о его правлении надобно судить не по лживым свидетельствам, а по конкретным делам.

Сейчас очевидно, что Павел, первым из Романовых, попытался выправить отношения династии с православием. При императоре основываются Духовные академии в Петербурге и Казани, и — самое главное — делается первая попытка преодолеть раскол не только в русском обществе, разделенном на господ-крепостников и рабов-крестьян, но и в самом православии. В 1800 году вводится так называемое «единоверие» — компромисс между официальной церковью и староверами, делается первый шаг к прекращению гонений на древнее русское благочестие...

И вот как только совершилось это, посреди ночи, в спальню императора ворвались заговорщики. Граф П.А. Пален и князь П.А. Зубов потребовали от Павла отречения. Император отказался... И тогда в спальню вошли офицеры Яшвиль, Горданов, Татаринов, Скарятин. Как свидетельство-

вал один из очевидцев, «заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и таким образом император был удушен и задавлен, а многие из стоящих сзади не знали в точности, что происходит».

Как только все было кончено, граф П.А. Пален вместе с офицерами-убийцами отправился доложить цесаревичу Александру о «скоропостижной смерти» императора.

— Батюшка скончался апоплексическим ударом! — объявил Александр. — При мне все будет, как при бабушке.

— Ура! — закричали в ответ убийцы.

Так закончилось правление императора Павла.

Так была сорвана первая попытка преодоления раскола в обществе и Церкви. Следующую попытку предстояло сделать самому Александру...

Когда убили императора Павла, крестьянскому мальчику Дамиану Кононову исполнилось пять лет. Увечье отделило его от сверстников. Он не участвовал в детских играх, лишь со стороны наблюдал за забавами деревенских мальчишек.

— Аз окаянный и многогрешный... помню, что когда еще был весьма мал, то очень дик был, так что и людей боялся... — скажет игумен Дамаскин многие годы спустя.

Родители Дамиана были неграмотными, но нашлись в Репинке люди, которые читали Евангелие и жития святых. К такому «грамотею» сапожнику Артемию и определили Дамиана, когда он подрос.

Встреча с Артемием, который много «разговаривал от Божественного писания», переменяла жизнь Дамиана. «Человеколюбивый Господь Своим Милосердием вдохнул в сердце мое благодать Свою... И манием Вседержителя, стал я немного в себе размышлять...»

Александр I, взойдя на престол, возвратил на службу многих сановников, выгнанных отцом. Какой-то шутник написал тогда на воротах Петропавловской крепости: «Свободна от постоя».

Милости и новые свободы так и сыпались на головы подданных, которым Александр в манифесте обещал «доставить ненарушимое блаженство». Одна за другой возникают в Петербурге новые масонские ложи. Государь счел возможным разрешить одной из них быть названной его именем — «Александра благотворительности к коронованному Пеликану». Все говорили о предстоящих реформах. Даются льготы духоворам, открыто проповедует основатель секты скопцов Кондрат Селиванов...

Но это с одной стороны...

А с другой — все эти годы идет в императоре Александре I напряженная духовная работа, он посещает православные монастыри, беседует со старцами, молится...

Как-то причудливо но очень точно повторяется эта двойственность в тех бесконечных, изнуряющих страну войнах Александра I с Наполеоном. Аустерлиц... Прейсиш-Эйлау... Наконец, Тильзит и короткая передышка перед нашествием «двунадесяти языков», перед Отечественной войной 1812 года, когда снова, как во

времена Святой Руси, полки генерала Д.С. Дохтурова, прикрывавшие отход от Смоленска русской армии, уходили из города, унося Чудотворный образ Смоленской Божией Матери...

Все эти события тоже «размышления в себе»... Только это размышления всей России, пытающейся вопреки соблазнам найти свой путь и находящей его, и снова теряющей его...

О многих этих событиях, скорее всего, и не слышали в тверской деревушке Репинке... Но о нашествии двенадцати языков не слышать не могли. И, конечно же, чудесное избавление от врага, в котором так зримо проявилось заступничество за Россию Божией Матери, не могло не найти отклика в душе Дамиана.

Он тоже одерживает победу: победу над собственной немощью...

Разгорающаяся в сердце Дамиана благодать Божия помогла преодолеть отчаяние и приступить к поиску своего пути...

Первоначально этот путь увиделся крестьянскому юноше в судьбе нищих странников-богомольцев... Летом 1816 года Дамиан уходит с ними на богомолье в Киев.

Выбор места паломничества был отчасти вынужденным. Весь 1816 год бунтовали военные поселения в Новгородской губернии, и путь к северным монастырям оказался перекрыт... Но это только одна из причин, по которой был выбран Киев. Другая — в давних, исторических связях Старицкого уезда с Киевом. Ведь и сам Успенский Старицкий монастырь был основан пришедшими «из киевских пещер» иноками Трифоном и Никандром. И существовала, как

нам кажется, и третья — мистическая мотивировка. Святой апостол Андрей Первозванный, как свидетельствует предание, стоял на днепровских кручах, где предстояло подняться Киеву. Отсюда двинулся он на север и достиг Валаамских островов.

Киев и Валаам — два центра, из которых, независимо друг от друга (вспомните преподобного Авраамия, крестившего язычников ростовской земли) — распространялось по Руси православие. И немудрено, что прежде чем сделаться игуменом на Валаамских островах, побывал Дамаскин в Киеве, где уже поставлен был тогда памятник святому равноапостольному князю Владимиру, поклонился киевским святыням православия...

В 1816 году Дамиану было немногим больше двадцати. Помогать по хозяйству он не мог, иначе не отпустили бы его родители на богомолье в страдную пору, когда, как метко заметил писатель-этнограф С.В. Максимов, «крестьянин перепутан работами, как сетями. В одно и то же время столько дела, что и перекреститься некогда»... И произошло чудо исцеления!

Едва Дамиан пустился с богомольцами в путь, как «почувствовал облегчение ноги, а в Киеве у угодников Божиих получил совершенное излечение и возвратился домой здоров». К сожалению, хромота сохранилась, от нее избавиться не удалось. Но и прекращение острой боли служило великим утешением для Дамиана, уже свыкшегося с нею. Кроме того, и для него самого, и для близких чудесное исцеление явилось знаком правильности избранного пути.

На следующий год Дамиан снова отправился на богомолье. Теперь — военные поселения были усмирены — на Север, в Соловецкий монастырь.

«В 1817 году освободили меня идти к Соловецким Чудотворцам и пошел я один с Господом, и Он сподобил меня побывать. Возвращаясь обратно, весьма пожелал я побывать на Валааме».

Слова «весьма пожелал» обозначают не просто причуду молодого паломника, а и событие, определившее это желание. Событие такое, действительно, состоялось.

Возвращаясь с Соловков, Дамиан встретил белобережских старцев — схимонаха Феодора, иеросхимонаха Леонида, иеромонахов Гавриила и Иоанникия...

Но прежде чем рассказать о самой встрече, необходимо пояснить, кем были белобережские старцы, и почему решили они в 1817 году оставить Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Какую ни открой книгу о Валааме, в каждой — строгое и научное описание постепенно насыщается поэзией и выливается в славословие Бога.

«На обширных водах Ладожского озера разнообразными горами возвышается группа островов, покрытых лесом, — это остров Валаам и его дети. Образованные из кряжей темно-серого гранита, эти острова в громадных, обнаженных скалах, в гигантских, отвесных, растрескавшихся стенах, покрытых вековыми сединами

моха, в зеркальных водах своих заливов и проливов, окаймленных развесистыми соснами и елями, громоздящимися уступами по склонам гор, в сумраке лесов, при глубокой тишине пустынной, повсюду представляют картины поразительного величия, повсюду возбуждают в душе мысли благоговения перед Создателем и невольно влекут и сердце, и ум к Предвечному». Запечатленные таким высоким характером, острова Валаамские, при своей совершенной отдельности от селений мирской суеты, по глубокомысленному выражению Преосвященного Гавриила, Митрополита Новгородского, «промыслом Спасителя мира назначены для селения иноков», — говорится в «Валаамском слове о Валаамском монастыре».

Но иначе о Валааме, наверное, и невозможно писать, потому что невозможно отделить остров от монашества, от вод Ладоги, от здешнего темно-серого гранита. Наверное, нигде более так остро не постигает человек, что все вокруг — Господне...

Закончилась длившаяся целое столетие печальная ночь Валаама. Вопреки противодействию, удалось восстановить монастырь. Не прошло и полувека, а прощенным оказалось «преступление» строителя Иосифа (Шарова), «незаконно» восстановившего монастырь. Теперь в царском дворце рассуждали, что коли в ходе Северной войны России удалось вернуть Валаамские острова, то восстановленный на них монастырь и является памятником этому освобождению, а значит и всей деятельности Петра Великого.

«Заботливое сердце преосвященного Гавриила, — пишет летописец монастыря, — чувствовало скорбное положение Валамского монастыря. Желая восстановить на Валааме селение святых и тем принести Спасителю мира благоудную жертву, в 1781 году святитель вызвал из Саровской пустыни Тамбовской епархии иеромонаха Назария и определил его строителем в Валаамский монастырь».

Отец Назарий был великим старцем.

Говорят, что о делах мирских он и слов не знал говорить, зато когда отверзал уста, чтобы рассуждать о подвигах против страстей, о любви к добродетелям, слушающие забывали время, так услаждала их эта беседа. Всегда слова Назария были правдивы и прямы, а порою и резки, но это не мешало его собеседникам поучаться любви и послушанию.

Не желая лишаться отца Назария, настоятель Саровской пустыни и преосвященный Феофил попытались представить отца Назария как малоумного и неопытного в духовной жизни человека...

Однако хитрость эта не имела успеха.

— Пришлите скорее мне вашего глупца! — потребовал митрополит Новгородский, Высокопреосвященный Гавриил. — Умников у меня и своих хватает...

Отец Назарий принял Валаамскую обитель, когда там «был строитель, один монах, два белые священника, но и те все потонули...», а оставил монастырь с каменными, при нем отстроенными соборами, с возрожденными скитами, с братством, превышающим пятьдесят монахов.

Наверное, правильнее будет сказать, что Назарий не возродил Валаамский монастырь, а вымолил возрождение монастыря. Еще будучи настоятелем, он порою целые недели проводил в уединенной пустыни, занимаясь молитвою и рукоделием...

«Помолимся духом, помолимся и умом, — писал отец Назарий, уже удалившись на покой. — Взойдите-ка в слова святого Апостола Павла: *хощу рещи лучше пять слов умом, нежели тысячу языком* (1 Кор. 14, 15, 19). Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить; что за радость! Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго. Вообразите-ка: Господи, кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого все небесныя силы трепещутъ. Иисусе Христе, Сыне Божий! Ты ради меня кровь свою излиял, спас меня, сошел на землю... Ум и сердце собрать воедино, глаза закрыть, мысленныя очи возвести ко Господу. О, сладчайший и дражайший Господи Иисусе Христе Сыне Божий!».

Воистину — прямо из священных тайников умного делания восходят эти проникновенные, пропитанные небесным светом слова...

Смиранный сам, Назарий и других обучал смирению... Своей простотой и мудростью он походил на святых, просиявших на Валааме в древние времена. Вот лишь один случай из его жизни...

Однажды в Петербурге Назария пригласили к сановнику, попавшему в немилость у государя.

— Помолитесь за него, отче! — попросила Назария супруга сановника. — От горя муж уже слег совсем...

— Хорошо! — сказал Назарий. — Надо, надо помолиться Господу, чтобы наставил государя, но надо попросить и приближенных Его...

— Мы уже всех просили... — сказала супруга, думая, что Назарий говорит о начальниках мужа. — Что-то надежды мало...

— Да вы, небось, не тех и не так просите... Дай мне, матушка, несколько денег.

Супруга сановника тотчас достала кошелек, набитый золотыми монетами.

— Нет! — покачал головою Назарий. — Эти деньги мне не годятся. Нет ли медных у тебя или маленьких серебряных.

Весь день Назарий ходил по Петербургу и раздавал милостыню нищим, а вечером пришел в дом сановника.

— Слава Богу! — сказал. — Обещали все царские приближенные за вас.

Еще не отошел он от постели больного сановника, как к тому пришли с известием о благополучном разрешении дела и прекращении государственной немилости.

— Кто же, отче, из приближенных государя был ко мне более благосклонен? — спросил ободрившийся сановник.

Тут и узнал он, что это были нищие — приближенные Господа. Они, получив милостыню, молились за опального сановника и вымолили ему прощение...

Высокопреосвященный митрополит Гавриил, которому обязан Валаам появлением на островах отца Назария, чрезвычайно ценил старца. Наставляя переводчиков «Добротолубия», он предписал им советоваться во всем с духовными

старцами. Первым среди старцев назвал отца Назария.

— Они, — сказал тогда Высокопреосвященный, — хотя и не знают, как вы, греческого языка, но из опыта лучше вас понимают духовные истины, а потому правильное могут изъяснить наставления, содержащиеся в этой книге...

По словам монастырского «Валаамского слова», «со вступлением о. Назария на святые горы полились на них радостные утренние лучи»...

И это не поэтический образ, а строгий научный факт. При Назарии все каким-то чудесным образом устрояется на Валааме. Перечислить все, совершенное им, невозможно, но главное дело — Монастырский устав, созданный по образцу Саровской пустыни и прижившийся на Валааме, потому что он оказался созвучным и близким древнему уставу Спасо-Преображенского монастыря...

С Уставом игумена Назария, конечно же, произошло чудо. Назарий и предположить не мог, что привезенный им Устав окажется так близок самому древнему Уставу монастыря.

Но именно так и случилось. И подтверждение этому — «возвращение» в монастырь первых святых насельников Валаама, основателей монастыря преподобных Сергия и Германа, преподобного Александра Свирского... Ведь это при Назарии начинается возрождаться почитание их в монастыре...

Другое подтверждение правильности устройства возрожденной обители — приход на острова белобережских старцев. Они ведь искали место для свершения монашеских подвигов, и нашли — пусть и не на долгое время — на Валааме.

Когда белобережские старцы пришли на Валаам, Назарий уже покинул обитель, вернулся назад в Саровскую пустынь, из которой и был призван для устройства Валаама.

И в этой смене духовных светильников монастыря очевидна преемственность, выстроенная, как нам кажется, самим Божиим Промыслом. Самое начало девятнадцатого века... Валаам... Саровского пустынника сменяют старцы, которым суждено просиять в Оптиной пустыни...

Встреча Сарова и Оптиной на Валааме... Воистину, свет рождает свет, светом полнится и светом изливается...

«Исполненный дней, — как сказано в монастырской биографии, — отец Назарий преставился на вечный покой в Саровской пустыне 23 февраля 1809 года, 74 лет от рождения. Тело его погребено у алтаря теплой церкви...»

На могильном памятнике начертаны стихи:

*Назарий прахом здесь, душой на небесах,
И будет незабвен в чувствительных сердцах,
В которых он вместил священные те таланты,
Пред коими ничто мирские адаманты...*

Стихи, как тут не вспомнить преосвященного Феофила, вздыхавшего насчет «малоумности» Назария, простоваты, конечно, но с другой стороны сложных и умных стихов и так хватает. Без надгробия старца Назария...

Белобережские старцы — это следующий шаг в возрождении Валаамской обители.

Схимонах Феодор был учеником великого старца Паисия Величковского, архимандрита Молдо-Влахийских монастырей, с именем Феодора и связано возрождение утраченных в эпоху петровских преобразований традиций старчества в русских монастырях.

Вернувшись в Россию, схимонах Феодор подвизался в различных монастырях, пока беспокойство от посетителей, нарушавших безмолвие его пустынной жизни, не понудило его перебраться в Белобережскую обитель. Настоятелем этой пустыни был Леонид, его ученик. Он устроил своему наставнику уединенную келью в лесу, где тот и поселился вместе с иеросхимонахом Клеопою. Скоро к ним присоединился и сам Леонид, добровольно сложивший с себя настоятельство.

И снова слава о высокой жизни и мудрости отца Феодора распространилась окрест, и к дверям его кельи начали стекаться тысячи посетителей.

И снова, утомленный столь тягостной для смиренномудрия славой, отец Феодор покидает обжитую келью и уходит на север.

Новоезерский монастырь, Палеостровская пустынь, и, наконец, Валаам, где в скиту Всех Святых вновь было назначено встретиться белобережским отшельникам...

«Слава милосердому нашему Богу, что сподобил и меня недостойного и скверного сожителем со отцы моими в скиту Валаамском, — писал о. Феодор, прибыв на Валаам. — Уже теперь перед милосердым нашим Создателем и Икупителем не можем никакого извинения и оправдания принести: Он исполнил все наше

желание... привел нас в место безмолвное, спокойное, от человек удаленное, молвы свободное. Отец Леонид определен у нас в скиту смотрителем...»

Шесть лет провели белобережские старцы на Валааме. Велико было их влияние на монастырскую жизнь, ибо многие иноки ходили к ним, чтобы воспользоваться духовным руководством.

— Батюшка! — сказал однажды отцу Феодору великий любитель безмолвия, иеромонах Варлаам, живший тогда на скиту. — Блазнюсь я на вас. Как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними... Каково есть сие дело?

— Экой ты, братец, чудак... — отвечал будущему Валаамскому игумену отец Феодор. — Да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным...

Иеромонах Варлаам вразумился, как говорит житие, этим ответом «познавать различие путей смотрительных от общих».

Но далеко не все обладали подобной мудростью.

Среди братии, искавшей духовных наставлений отца Феодора и отца Леонида, был келлиарх Валаамского монастыря отец Евдоким, впоследствии ставший валаамским духовником, схимником Евфимием.

Отец Евдоким считался присным учеником настоятеля (после Назария эту должность справлял Иннокентий) и надеялся достичь духовного преуспеяния одними внешними подвигами и совершенной покорностью своему наставнику.

Внешне все выглядело благопристойно, но сам отец Евдоким не замечал в себе настоящих

плодов монашеской жизни. Не приходило ни кротости, ни любви, ни слез, ни смирения. Сухость, жестокость души, зазрение всех — томили его. Он не находил покоя, порою захлестывало отчаяние и тогда появлялись мысли о самоубийстве. «Бросься со скалы в озеро», — нашептывал ему враг.

Вот тогда-то и обратился отец Евдоким к старцам Феодору и Леониду. И старцы, действительно, помогли, открыв, что одно только внешнее делание и телесные подвиги не ведут к преуспеянию, особенно если они, являемые другим, влекут к тщеславию, гордости и, как следствие, к ожесточению, осуждению и отчаянию. Поняв «смирненную науку отцов», отец Евдоким начал возрождаться, смиряться и постепенно успокоился...

«Измена» ученика чрезвычайно возмутила игумена Иннокентия. Так случилось, что это совпало с посещением Валаама министром духовных дел, князем А.Н. Голицыным. Все время, пока он находился на острове, министр провел в келье у старцев и игумена Иннокентия приказал звать туда...

Разумеется, руководствовался Иннокентий не ревностью к учительскому дару старцев, а заботой о порядке, мире монастыря. Иннокентий исключительно много сделал для Валаама. Только за первые восемь лет его игуменства численность братии возросла почти вдвое и перевалила за сотню.

«После старца Назария, — утверждает монастырский историк, — обитель во всех отношениях цветущим своим состоянием большею частью обязана его трудам».

А сейчас помрачилось духовное зрение игумена Иннокентия... Ему показалось, что белобережские старцы специально переманивают учеников, чтобы подорвать его игуменский авторитет.

Усмотрев в их учительстве дерзкий вызов своей власти, Иннокентий пожаловался на старцев митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросию. Тот поручил коневскому строителю, благочинному над монастырями Илариону исследовать это дело. В феврале 1817 года Иларион прибыл на Валаам и допросил Феодора, Леонида и Клеопу. Впоследствии он часто говорил, что ему нигде не доводилось читать того, что высказали в своих ответах простые старцы.

Нашлись у старцев, помимо Илариона, и другие могущественные защитники — министр духовных дел, князь А.Н. Голицын, а также архимандриты (будущие святители) Филарет и Иннокентий. «Митрополит с огорчением увидел, что он едва не сделал большую несправедливость. Игумен Иннокентий был вызван и встречен грозным и бесцеремонным вопросом: “что ты, старый... со мною было сделал? По твоей милости я чуть было не осудил людей, лучших нас с тобою”».

Игумену велено было всячески покоить старцев в своей обители, с угрозой, что в случае жалобы он будет сменен. Старцам же передали, чтобы они были уверены в защите высшего духовного начальства.

Но опытные и смиренномудрые подвижники, знавшие человеческое сердце, не надеялись, что настоятель совершенно умиротворился по

отношению к ним и, сознавая, что легче нести ненависть всего братства, нежели нерасположение настоятеля, они во избежание продолжительного греха решились оставить Валаам. Вскоре после этого, в июне 1817 года, перешли в Александро-Свирский монастырь, считая себя «отребием мира и недостойными мирного жилища на земле».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Именно тогда и произошла встреча белобережских старцев с крестьянским юношей Дамианом — будущим валаамским игуменом Дамаскиным.

Он возвращался из паломничества к Соловецким Чудотворцам, и шел по дороге между Александро-Свирским монастырем и Ладогой (там Дамиану следовало заворачивать, чтобы попасть домой, в деревню Репинка Тверской губернии), когда встретил белобережских старцев...

* Монастырская рукопись «Жизнеописание отца игумена Дамаскина», а следом и изданная монастырем книга «Замечательная жизнь и деятельность настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина и поучительные его слова», считают, что встреча будущего игумена с белобережскими старцами произошла, когда Дамиан уже посетил Ондрусовскую пустынь и «возгорел желанием побывать во святой обители Валаамской, видеть ее святыни и поклониться...»

На наш взгляд, утверждение это ошибочно. Ондрусовский монастырь расположен на берегу Ладоги и здесь просто нет дороги, на которой могла произойти встреча. Кроме того, как вспоминал сам Дамаскин, он прожил в Ондрусовской пустыни четыре дня, дождался богомольцев из Ладоги и Сяйских рядков и уже с ними переправился на Валаам...

Самый старший из монахов сидел на телеге, а остальные шагали рядом. Дамиан остановился, чтобы поклониться путникам и, ожидая, пока приблизятся иноки, разглядывал их. Суровыми и отрешенными были лица погруженных в молитву монахов.

Было тихо, дул ветерок с Ладogi, чуть покачивались тонкие с еще не заглубевшими листиками ветки берез... Внезапно телега остановилась. С нее слез старец — это был схимонах Феодор — и, повернувшись к Дамиану, низко поклонился. Затем снова забрался на телегу, и процессия двинулась дальше, мимо застывшего в изумлении, сконфуженного Дамиана.

Прошло несколько мгновений, прежде чем опомнился он. Припадая на больную ногу, сделал несколько шагов следом за процессией.

— Откуда вы, святые отцы?!

— С Валаама... — обернувшись, ответил самый молодой инок Иоанникий.

Светлой и чудесной была улыбка инокa — человека, сподобившегося узреть чудо...

Машинально Дамиан прошел с версту, а потом повернулся и зашагал назад. Он должен был посетить Валаамский монастырь.

Любопытно, что сохранилось письмо преподобного Льва Оптинского, датированное 15 мая 1817 года, за месяц до встречи белобережских старцев с хромым путником.

В этом письме преподобный Лев пишет:

«Что я вам напоминал насчет игуменства, в том прощения прошу, — я вас беспокоил своим безумием. Ей, матушка, истинно вам признаюсь, и не ласкаем, и отнюдь не желаем, ниже

мыслим, чтобы вы игумению были, или бы заметили в вас склонность к любоначалию; но сердечно утешаемся вашему о сем благоприятному и решительному ответу; но надмение и тщеславное мнение внутрь вопиет, что едва ли гонзнет (избежит. — Н.К.) мать игум. Но однако, прости Бога ради, и благодушествуй, и мирствуй, потому что от безумия сия пишу. Я вам, матушка, истинно объясню, что у меня самого отнюдь не было чувства и воображения быть начальником; но Премилосердый Господь попустил искуситься, да милостию Своею и освободил...»

Нет нужды разбирать взаимоотношения преподобного Льва с «Пречестнейшей и Препочтеннейшей в монахинях» матушкой N, адресатом письма. Важно, что в мае-июне 1817 года мысли о взаимоотношениях настоятеля монастыря и старцев, обитающих в нем, занимали преподобного, да и не могли не занимать, поскольку этот вопрос становился слишком важным для иноческой судьбы и самого Леонида, и всего православного русского монашества.

Достоверно засвидетельствовано и о даре прозорливости, которым обладал преподобный Лев...

Поэтому, не опасаясь ошибиться, можно предположить, что, занятый раздумьями о устроении монастырской жизни, преподобный Лев прозрел в хромом одиноком паломнике не просто будущего Валаамского игумена, а игумена, который необходим монастырю, которого монастырь ждет. И этому долгожданному игумену и поклонился со своими спутниками.

Разумеется, все эти предположения не имели бы никакого значения, если бы не могли мы

заглянуть *внутрь* будущей судьбы Дамиана-Дамаскина.

Незримые, но удивительно прочные нити влияния преподобного Льва вплетены в нее.

Мы знаем, что духовником послушника Дамиана в Валаамском монастыре будет старец Евфимий, тот самый келлиарх Евдоким, что послужил причиной ссоры игумена Иннокентия и белобережских старцев. Через этого старца Евфимия, превращенного им из «внешнего монаха» во «внутреннего делателя», преподобному Льву предстояло воспитать и будущего игумена Валаамского монастыря Дамаскина.

Если же мы вспомним, что десять лет спустя, в 1827 году, в послушание к старцу Льву поступит в Александро-Свирском монастыре Дмитрий Брянчанинов, которому, в бытность его благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии, предстоит найти в 1837 году валаамского инокa, способного стать игуменом монастыря, и он изберет именно Дамаскина, то остается только подивиться, как чудно устраивает Всемогуций Господь судьбы Своих избранников...

Сам Дамиан, изумленный знаками почтения, оказанными валаамскими старцами, не знал и не мог знать еще ни о старце Евфимии, ни о святителе Игнатии (Брянчанинове), которому в том году, когда состоялась знаменательная встреча, исполнилось всего только десять лет....

И тем не менее встреча произвела переворот в его душе. Не колеблясь, он повернул назад, чтобы увидеть Валаамский монастырь.

За спиной Дамиана оставалось нелегкое паломничество на Соловки, никаких средств на

плату за проезд и пропитание не было у него, но, не задумываясь над этим, он всецело уповал на милость Божию...

Будучи уже игуменом, приводя в порядок прежние и отстраивая новые скиты, Дамаскин, должно быть, снова и снова вспоминал о своем давнем паломничестве, снова и снова дивился свету, воссиявшему ему на его Пути на Валаам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Такой лазурною бывает Ладога только в тихие летние дни... Подгоняемая легким ветерком, бежала по этой лазури сойма вдаль, туда, где смыкались воды Ладоги с таким же лазурным небом, туда, где скрыт Валаам...

Еще более усиливается сходство воды и неба по мере приближения к Валаамским островам. Здесь, в озерной лазури, отражаются белые стены вознесенного на плечах гранитных кряжей монастыря, и отражения эти похожи на проплывающие по небу белые облака...

«Как легкое бремя на плечах гиганта» возносится к небу Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. От него разбегаются дорожки и тропинки к монастырским скитам и пустынькам... Самый большой скит — Всех Святых...

Будущий валаамский игумен шел по лесной дороге и узнавал все... И скалистые берега протоки, врезающейся в остров... И сосны, точно на полочках, вставшие на гранитных уступах... И нагретые солнцем, выходящие из-под земли

каменные плиты-луды... И даже сумерки под лапами старых елей...

И радовалась, ликовала душа, словно узнавала самое родное.

Долго-долго стоял Дамиан возле сосны, разглядывая ее мощные корни, почти целиком вытолкнутые из скалы, но продолжающие цепко держаться за нее.

— Что, брат, — услышал он за спиною голос. — Не надумал ли остаться в монастыре?

Дамиан обернулся и увидел монаха...

Опираясь на клюку, он стоял на тропинке.

— Желаю, батюшка, остаться... — сказал Дамиан, поклонившись. — Да не знаю, где Бог благоволит.

— А ты, брат, у нас оставайся... — сказал монах. — У нас тут три рода жизни.

— Как это? — удивился Дамиан.

— Три... — подтвердил монах. — Сначала у нас в монастыре трудятся, потом — в скиту, а после — в пустыни. Оставайся, брат... Я тебе свои четки отдам. Десять раз читай «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», и один раз «Богородице Дево, радуйся...» — до конца.

И он протянул Дамиану четки.

Поклонившись, Дамиан взял их. На Валааме все старцы ходили с такими четками, и теперь и Дамиан оказывался как бы принятым в их число.

— Спасайся, брате! — сказал он, и стало так легко на душе, как никогда еще не бывало.

— Христос посреди нас! — ответил монах, осеняя себя крестным знамением.

— Есть и будет... — сказал Дамиан и тяжело вздохнул, отстраняясь от чудесного мечтания.

— Отче! — сказал он. — А с кем еще можно посоветоваться на пользу души?

— К отцу Евдокиму сходи, брате... Великий старец — отец Евдоким...

— Да станет ли говорить со мною он? Кто я такой есть — крестьянин неграмотный...

— Не бойся... — сказал монах. — Отец Евдоким сам знает, с кем говорить. Недаром его «духовной удицей» зовут...

Дамиан не мог знать, что старец Евдоким, в недавнем прошлом «внешний монах», обучался внутреннему деланию у белобережских старцев, встреченных им на пути из Соловков. И Евдоким ничего не знал о пришедшем к нему посетителе, но, подобно старцам на дороге, земным поклоном приветствовал Дамиана.

«От его смирения я так растерялся... — рассказывал годы спустя игумен Дамаскин. — Только и мог сказать: желаю спастись, научите!»

— Научим, брат, научим... — отвечивал Евдоким, и слезы «сердечного умиления» оросили его лицо.

Поговорив «на пользу», уже прощаясь, он благословил Дамиана идти к игумену Иннокентию и проситься в монастырь.

Игумен Иннокентий принял Дамиана...

До Рождества Христова Дамиан тачал в монастыре сапоги, а под Новый год отправился домой. Для пострижения в монахи требовалось «увольнение от мира» — так называли тогда крестьянскую общину.

Но Дамиан давно уже ушел из крестьянского мира, совершая паломничества по монастырям, и мир легко смирился с потерей калеки.

Как только вскрылись реки, на барках с хлебом, Дамиан отправился в Петербург. Отец благословил его на прощание иконою, а потом версты три шел по берегу, кланялся и кричал:

— Прощай, Дамианушка! Прощай!

Вот еще раз поклонился и скрылся за пригорком...

В записях рассказов игумена Дамаскина, напротив эпизода прощания с отцом, сделана приписка: «Всегда, как о. Дамаскин вспомнит про это, и заплачет».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вот так и совершилось расставание... Грустно и слезно. Зато Валаам встретил будущего игумена звоном колоколов. Получилось это так...

В Петербурге Дамиан ожидал на подворье оказии, чтобы добраться до монастыря. А тут приехал монастырский казначей Арсений за ризами, пожалованными монастырю императором Александром I.

Отец Арсений и захватил с собою Дамиана.

Царский дар, как и положено, встретили в монастыре благовестом. Под этот радостный перезвон колоколов и вошел в монастырь новый послушник.

Долги зимы на Валааме.

Уже апрель наступает, а все еще скованное льдом стоит озеро. Снег лежит и на скалах. Все бело. Из белизны — темная паутина кустов, темные вертикали гранитных плоскостей, да еще лишь припорошенные снегом ели

и сосны. Без леса совсем тоскливо было бы на Валааме.

Но трудно, трудно растут тут деревья на каменистом грунте, в северных холодах. Сто лет надобно сосне, чтобы достичь нормальной высоты и почти всегда, как утверждает «Валаамское слово», «преодолев в своей молодости тягости северной жизни, заболевает дерево сердцем, и в старости, а не редко и в зрелом возрасте, сокрушает его сильная ладожская буря».

И не только деревья.

Иные «внешние монахи» тоже не выдерживали душевных, насылаемых врагом рода человеческого бурь... И падали они, подобно заболевшим сердцами деревьям, и великая печаль наступала в монастыре.

«Был пустынник Порфирий, — пишет в своем отчете о Валаамском монастыре святитель Игнатий (Брянчанинов), — живший, как и прочие Валаамские пустынники, самочинно, занимался умною молитвою и пришел в высокое о себе мнение, якобы он свят. Однажды осенью, посетив скитских старцев, хотел возвратиться в свою пустыню и сказал старцам: пойду через озеро. Они не советовали ему пускаться по озеру, которое только лишь встало, но он ответил: “А как же древние святые отцы ходили по водам, ведь и я уже легок стал”. Сколько ни уговаривали его старцы, он не хотел послушаться; спустился на озеро, сделал несколько шагов, лед под ним подломился, и он потонул прежде, нежели могли подать ему руку помощи. Другой старец, Серафим, хотел устроить себе келию непременно в скале, в таком месте, где озеро имеет до двад-

цати сажень глубины, упал в пропасть, и тело его едва могли отыскать для погребения».

Самочиние, указывает Игнатий (Брянчанинов), губительно для монаха. Берясь по своему произволу за высокое делание, легко впасть в прелесть или пьянство и прочие слабости.

«Относительно прелести, были на Валаае разительные случаи: при игумене Иннокентии некоторый самочинный подвижник, многими почитаемый за великого святого, видел различные явления якобы Ангелов и угодников Божиих. Однажды, после такого явления взошел он на колокольню, и егда братия выходила из трапезы, вдруг подвижник бросился с колокольни и, ударившись о помост, разбился до смерти».

Не таков был Дамиан. Путь внешнего, для чужих глаз делания, был не для него.

«Поселившись окончательно в обители, по увольнительному свидетельству, Дамиан с этого 1820 года положил твердое основание своей подвижнической жизни, — сказано в его составленной на Валаае биографии. — Быстро, внимательно и разумно проходя все возлагаемые на него послушания, восходил новоначальный брат от силы в силу».

Согласно «смиренной науке отцов», нельзя достичь подлинного смирения и повеселеть евангельской детской радостью без обретения совершенной невменяемости. Невменяемость, по учению преподобного Варсонофия Великого, значила: считать себя за ничто, считать себя землею и пеплом, ни с кем не сравнивать себя, и не говорить о своем добром деле: и я это сделал (ответ 269 и 610).

Как вспоминал потом сам Дамаскин, имена отца Феодора и отца Леонида постоянно были на устах его духовного наставника, и на основании этого можно предположить, что «смирненную науку отцов» старец преподавал и новонаначальному брату, чтобы он «восходил от силы к силе».

Столь же уверенно можно предположить, что Дамиан был предрасположен к усвоению «смирненной науки» своим характером и воспитанием...

И все же, даже учитывая это, смирение молодого послушника, «совершенная невменяемость», достигнутая уже в самые первые годы монастырской жизни, поразительна...

К великому сожалению для нас, восхождение новонаначального брата от силы в силу совершалось прикровенно, и мы не можем найти никаких подробностей этого. Впрочем, понятно, что если бы все детали были зарегистрированы, вероятно, это уже и не было бы духовным восхождением.

В.И. Немирович-Данченко в книге «Мужицкое царство» приводит любопытное свидетельство монастырского старожилы, дескать, из-за кособрюхости, Дамиану поручали из черных работ самые грязные.

В достоверности этого свидетельства сомневаться не приходится, но, перечитывая воспоминания самого Дамаскина, невозможно обнаружить ни единого намека на какое-либо притеснение или обиду...

Также безропотно, как нес послушания на хлебне и в конюшне, принял Дамиан послушание рабочего нарядчика.

Можно было считать новое послушание «повышением», «признанием». Но для Дамиана оно оказалось труднее прежних. Одно дело, молча, «считать себя за ничто», и совсем другое — командовать другими послушниками... Ведь искусство и сладость монашеской жизни как раз и заключаются в полном отвержении собственной воли.

Тем не менее Дамаскин справился и с этим очень нелегким послушанием, получив следующее, еще более трудное. Игумен Иннокентий поручил ему охрану монастырского острова. Охранять остров требовалось от браконьеров и контрабандистов, везших на Валаам запрещенные здесь табак и вино...

Стоит разъяснить, что Валаам в то время служил еще и местом ссылки священников и монахов, совершивших достаточно серьезные прегрешения...

Называли их «подначальными».

Как писал святитель Игнатий (Брянчанинов), подначальные, «живя противу воли на Валааме, не перестают скучать, негодовать на продолжительность службы, на строгость устава, суровость места, износить языком разврат и кощуны, живущие в его сердце, уныние свое и расстройство переливать в душу ближнего. Ужасно и достойно сожаления образом отчаяния служат два подначальных иеродиакона Иосиф и Матвей: никогда они не исповедаются и не причащаются Святых Таин, никогда, ниже в светлый праздник Пасхи, нельзя их принудить придти в церковь: живут как чуждые Бога и веры, предаваясь гнуснейшим порокам. Лица

их — подобные случалось мне видеть между каторжными в Динабургской крепости».

В монастырском жизнеописании игумена Дамаскина сказано, что «в этом новом послушании ревностный Дамиан много раз подвергался опасностям от чухон, приезжавших тайно стрелять дичь или рубить лес на Валааме, которые нередко в него стреляли, но Господь хранил раба Своего, и Дамиан оставался невредим».

О браконьерах-«чухонцах» сам Дамаскин не вспоминал, зато любил рассказывать, что настоятель, игумен Иннокентий, вполне на него полагался. Для объезда островов в распоряжении Дамиана находилась лодка, верховая лошадь и работник, которого звали «француз».

Не однажды доводилось Дамиану пресекать ввоз на острова табака и вина, и поэтому его очень не любили «самочинники, в особенности иеромонах Иларий и подобные ему...»

Валаамские острова, расположенные в северной части Ладожского озера, в самом прямом значении этого слова, удалены от мира. Ближайшие населенные мирянами берега отстоят от монастыря на 25 верст. До ближайшего крупного поселения — 40 верст. Ни солдат, ни полиции на острове не было. И солдат, и полицию заменял на Валааме Дамиан. Оружия у него не водилось. Впрочем, оружие и не требовалось. Доставало молитвы да крепких рук.

Хотя, конечно, «подначальные» и «самочинники» доставляли охранителю острова немало хлопот. Вспоминая все того же иеромонаха Илария, Дамаскин скажет:

«Замечательно, что этот иеромонах никогда не читал по покойникам. И что же? По нем не читали и не поминали до шести недель, ибо не знали, как его помянуть — он утонул в монастырских заливах и не могли его отыскать. Уже спустя шесть недель, как всплыл, его не вносили в монастырь, а отпевали у часовни Благовещения, так он был разложен. Верно слово Божие, внюже меру мерите, возмерится и вам».

Совершенно очевидна переключка текстов святителя Игнатия (Брянчанинова) и игумена Дамаскина. Секрет в том, что они оба говорят о реальных проблемах духовного созидания, где горные вершины близко и опасно соседствуют с бездонными пропастями; где путь духовного восхождения, хотя и чрезвычайно труден, а порою и опасен, но *реален* для каждого, кто не пожалеет во славу Божию сил и терпения...

Зато авторы текста монастырского, изданного в типографии, жизнеописания чаще озабочены наведением православной приятственности, нежели правдивым рассказом о трудах и подвигах Дамаскина. Мысль, что, наводя благообразие, они обкрадывают великого подвижника, видимо, не приходила голову. И это вопрос не филологии, а самой веры в Бога.

Если Господь попускает нестроения, то, очевидно, есть в этом смысл и поучительное значение. И стыдливо не замечать нестроений, не задумываться над тем, как были устранены они — это уже неверие в Премудрость Божию.

Между тем, поучительность пути послушника Дамиана в том и заключалась, что он все

время — ступенька за ступенькой — поднимался вверх по лестнице духовного восхождения.

«По ночам в двенадцать часов приходил старец о. Евфимий под окошко (келья Дамиана находилась на втором этаже — *Н.К.*) и стучал выдвижной палкою, которую для сего носил с собою и до тех пор не отходил от окна, пока не дашь ему ответ стуком в раму. Каждую ночь до будильщика, всегда правили правило, не зажигая огня».

Ну, а с первым ударом колокола спешили в церковь к ранней утрене или полунощнице... Труд и молитва, за исключением нескольких часов сна, составляли теперь всю жизнь Дамиана...

Жили послушники чрезвычайно строго.

В кельях у них ничего не было... Только: образ, книга, стол, скамейки, которые они сами сделали, и доски, которые днем стояли в углу, а на ночь укладывались на скамейки, составляя монашескую кровать, которую дополняла мочальная подушка и войлок.... Ходили и зимою в кафтанах, шуб в это время не было ни у кого, только Дамаскин, когда поступил в нарядчики, получил старую коротенькую шубу для объезда островов, и то в виде исключения.

Был у него чулан, в котором мазали сбрую, там он «исправлял правило, клал поклоны и читал акафист Божией Матери, и была у него икона Смоленской Божией Матери, от которой ему было чудесное явление».

Четверть века спустя, в 1857 году, будучи настоятелем, Дамаскин построит в честь этого чудесного явления часовню иконы Смоленской Божией Матери на острове Бобыльке...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Неспешно текла монастырская жизнь...

«Чаю в то время на Валааме не пили, а в большие праздники после обеда в три часа варили в котле шалфей с красным медом, и этот сбитень все пили в трапезу из деревянных чашек. Каждому брату давали две таких чашки, одна заменяла стакан, а другая — блюдце. А чай начали пить уже в конце жизни о. игумена Иннокентия...»

1823 год — памятный в истории Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. В этот год соорудили серебряную раку для преподобных Сергия и Германа.

Еще этот год памятен тем, что завершилось двадцатидвухлетнее настоятельское служение игумена Иннокентия.

85 лет исполнилось ему. Почти шестьдесят из них проведены в Валаамском монастыре...

Пострижения Дамиана в рясу и камилавку — одно из последних деяний престарелого игумена. Обручение Дамиана ангельскому образу совершилось на Рождество Христово.

В «Мужицком царстве» В.И. Немировича-Данченко приводится такой диалог:

— У нас трудно, очень трудно иноческого сана добиться.

— Почему?

— Пока еще тебя послушником примут, поводишься, да в послушниках шесть лет, а если молод, то и больше. Моложе тридцати лет рясофором не сделают. Да и в рясофоре, если ты

во всем взял и обители угодил, посидишь только шесть лет. Лет пятнадцать до мантии-то промаешься.

Разговор этот — внешних людей.

Все правильно, но правильность эта внешняя, не наполненная внутренним деланием, которое одно только и превращает послушника из человека *внешнего* в настоящего инок.

Сразу после пострижения в рясофор Дамиан положил посещать каждый день старца для откровения всех помыслов. Это, заведенное в монастыре еще при игумене Назарии, обыкновение называлось «ежедневным очищением совести».

«После вечерней трапезы, — было написано в Наставлении, составленном Назарием, — ты должен пойти к духовному твоему отцу. Поклонись ему, как самому Христу, пади на колени, открой ему состояние души твоей в продолжение минувшего дня, испытывая себя во всем, что сотворил на деле. Или худо помышлял, или говорил, или дозволил себе противное совести своей, или в чем тщеславился, или чем гордился, или кого оскорбил, или сам оскорбился на ближнего, или пороптал, или осудил близкого...»

Согласно Наставлению, получив после такой тонкой, истинной исповеди разрешение и прощение, «приняв, как от самого Бога», следовало поцеловать образ и крест и, поклонившись до земли духовному отцу, молча идти в свою келью.

— Не помню, свидетель Бог, чтобы я, находясь на послушании в хлебной, — рассказывал своим ученикам игумен Дамаскин, — без благос-

ловения старшего съел хотя бы корочку, не смотря на то, что бывало очень хотелось съесть горячую горбушку только что вынутого из печи хлеба. Старец мне говорил: «Если нужно поесть, то благословись, положи три поклона, сядь и поешь, но отнюдь не тайно, ибо тайноядение бесам вход».

— Или когда бывало отпустит нас за ягодами, то не позволял съесть любую ягоду, а насбиравши, помолясь Богу, сесть и поесть... Квасу мы никогда в келью не брали, а о хлебе не смели и помянуть старцу, чтобы взять в келью. Всегда, бывало, говорил нам старец: ломай себя пока молод, чтобы враг не сломал тебя в старости...

Однажды, испытывая ученика, насколько он преуспел в нестяжании и бесстрастии к вещам, старец Евдоким обратил внимание на икону, которою благословили Дамиана родители, когда он уходил в монастырь.

— Кажется, эта икона у тебя лишняя, — сказал он. — Отдай ее в церковь.

Дамиан не стал объяснять, что икона — родительское благословение. Беспрекословно исполнил приказ.

Суровой и трудной была дорога, по которой вел Евдоким Дамиана, но радостной и светлой была эта дорога для самого «обручника ангельскому образу».

Он любил вспоминать потом, рассказывая ученикам: «Бывало, праздником перед вечерней мы собирались к старцу о. Евфимию. Помолимся Богу и сядем на пол, он читает нам на пользу или из нас кого заставит почитать: а сам слушает. Потом обще поговорит на пользу. После мы

все выйдем на коридор, и он начинает нас принимать по одному для откровения совести. О, как было легко нам тогда, будучи готовы хоть умереть...»

«Пребывая таким образом в совершенном нестяжании и отсечении своей воли, кроме самонужнейшего, в кельи своей ничего не имел, — свидетельствует монастырский биограф Дамаскина. — Вообще, проводя суровую жизнь, редко умывался, лицо же с мылом никогда не умывал, о бане стыдился и говорить, хотя под старость, будучи уже настоятелем — ради немощей телесных — и ходил сам в баню, но никогда не одобрял того, говоря многочисленным ученикам своим, что баня устроена для немощных и престарелых, а никак не для имущих здоровое телосложение и молодых. Этим не советовал он ходить в баню — ради сохранения внутренней чистоты».

Трудно сказать, когда Дамиан обучился грамоте.

Зато известно, что в 1824 году, на Покров Пресвятыя Богородицы, игумен Ионафан благословил его в череду читать в церкви Пролог.

Через месяц, 27 октября, Дамиан начал читать и в трапезной... Православная церковь празднует в этот день память святого мученика Нестора. По благословению великомученика Димитрия Солунского он вышел на схватку со злым губителем христиан Лиём и победил его.

— Бог, укрепивший некогда Давида в борьбе с Голиафом, укрепил и раба Своего Нестора против нечестивого Лия — на посрамление нечестивому царю, а верным своим на радость, — читал Дамиан в трапезной. — И действительно,

малый ростом Нестор оказался в своей храбрости сильнее великого Лия. Схватив его, как птицу, он сбросил великана с высокого помоста на острия копья. Упав на них, как крепкий дуб, Лий с позором изверг свою окаянную душу и, таким образом, погибла память его с шумом, исчезла его гордая сила и прекратилось суетное хвастовство Максимиана своим борцом. Весь народ Солунский — в особенности христиане, видя сию неожиданную и славную победу, воскликнули громким голосом: «Велик Бог Димитрия!».

О чем свидетельствует прочитанное Дамианом житие? О событиях, что происходили в 306 году в Солуни?

Или же о той борьбе, что всегда ведется между добром и злом, светом и тьмою, Богом и дьяволом...

Или о том, что каждый из нас должен победить в себе нечестивого Лия, чтобы, подобно святым мученикам Димитрию и Нестору, войти в Царствие Небесное?

Дамиану такую победу одержать удалось.

Через год, 12 декабря 1825 года, «на память преподобного отца нашего Спиридона, Епископа Тримифунтского, Господь сподобил получить монашеский чин — слава Его милосердию и неизреченной благодати! — постригли двоих с о. Моисеем за ранней обедней».

Рядом с этой записью, на полях, сделано примечание:

«Это первый раз так постригли, а прежде всегда после утрени к ряду».

Вот так и родился, облеченный в броню правды, инок Дамаскин.

Случилось это как раз накануне восстания декабристов...

И еще одно событие ознаменовало начало иноческого служения нового Христова воина...

Раньше подрясников черных на Валааме не носили, и вся братия ходила в серых. В церковь же под мантию надевали белые балахоны.

«Приятно, — вспоминал игумен Дамаскин, — было видеть этот Преображенский полк».

Почернели подрясники после похорон императора Александра Первого. Тогда сукно, которым был драпирован Казанский собор во время отпевания государя императора, поступило на Валаам. Из него и начали старцы шить черные подрясники.

Символичной была эта перемена цвета монастырского одеяния, ибо знаменует собою перемены в жизни монастыря, перемены в жизни всей Русской Православной Церкви... Похоронами Александра Первого и восстанием декабристов завершается важный этап в истории династии Романовых, истории России, истории Русской Православной церкви.

Конечно, можно говорить о случайности совпадения посвящения Дамаскина в ангельский чин с переменами, происходящими в жизни Русской Православной Церкви, но в совпадении этого события с уходом в пустынь отца Евфимия никакой случайности нет.

Духовник довел свое чадодо до высоких ступеней нравственного совершенства и мог уже не опасаться за него...

24 марта 1826 года солнце взошло на острове поутру в половине шестого... Отец Евфимий отправился в свою пустыньку...

Вскоре и Дамаскин пошел жить в скит Всех Святых. Летом возил на огород тачки с землей, зимой делал ложки, пел и читал на клиросе...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Долги зимы на Валааме, коротко лето... Здешние жители шутят, что всего два месяца отпуска имеют печи на Валааме. Уже во второй половине августа начинаются бури на озере, шум стоит по лесам — это падают там вывороченные с корнем деревья. И туманы... Резкая сырость точится из камней и проникает в тело. Многие иноки страдают жестоким ревматизмом...

В 1823 году, когда еще только постригали в рясофор Дамиана, совсем ослабел игумен Иннокентий. Министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын доложил тогда государю о просьбе Иннокентия уволить его от настоятельских обязанностей. Просьба была удовлетворена, и последние годы жизни Иннокентий посвятил возрождению Ондрусовской и Сяндемской обителей, основанных Адрианом и Афанасием — валаамскими монахами, учениками Александра Свирского.

А настоятелем монастыря братия избрала отца Ионафана.

Выходец из среды петербургских ремесленников, новый игумен отличался добрым характером, приветливостью и той особой тихостью, что дается полным отстранением от мирской суеты. «Стаж» монашеской жизни отца Ионафана уже перевалил на четвертый десяток...

Тихий и приветливый игумен много потерпел скорбей, как сказано в его биографии, от лиц, находившихся в монастыре под надзором. Число подначальных при Ионафане составляло четырнадцать человек, были среди них и поврежденные в вере, и вольного духа, и буйного нрава люди. Составляя особое общество среди монастырского братства, «закоснелые во зле, они разливали свой яд в сонме братии и нарушали святую тишину монастырской жизни».

Образумить, перевоспитать этих людей игумен Ионафан не имел сил, но не мог и смириться с их существованием. Ведь, как заметил святитель Игнатий (Брянчанинов), подначальные «и сами приходят в состояние отчаяния и подают резкий пример безнравственности братьям, соблазняют их беседами злыми, послабляют их в благочестивых подвигах. Как попечения, имеющие цель милосердия, столько похвальные для человека мирского, могут быть вредными для инока уединенного; так и пример порока и беседа злая несравненно резче действует на монаха, нежели на человека светского».

Анализируя положение дел с «подначальными» на Валааме, святитель Игнатий (Брянчанинов) отмечал, что «Валаам, лишенный штатных служителей, военной команды, отдельного приличного места для содержания людей, предавшихся буйным страстям, не может быть исправительным и ссылочным местом...»

Впрочем, все это будет сказано десятилетия спустя, уже после кончины игумена Иоанафана, а пока и игумену, и монахам предстояло своими силами да молитвами ко Господу сдерживать

агрессию высаженного на монастырский остров десанта сил зла и тьмы.

В скиту Всех Святых Дамаскин еще более увеличил свои труды, строго воздерживаясь при этом в пище. Порою ему самому казалось, что не по силам взятое бремя. Тяжкие труды так изнурили организм, что он уже не мог читать в церкви.

О болезни Дамаскин объявил приехавшему в скит игумену.

— Батюшка, — сказал он. — Как вам Бог возвестит, но я чувствую себя ослабевшим. Не благословите ли оставить послушание?..

— Отче Дамаскин! — отвечал настоятель. — А не падай ты духом! Ты ведь монах... Коли ты и помрешь на послушании, то Господь тебя не оставит.

«С тех пор, — рассказывал престарелый игумен Дамаскин, — я так и положился... Вот уже после этого сколько лет... И настоятелем был...»

Великой мудростью и поучительностью проникнута сцена. Как некогда Евфимий бережно вел Дамиана к стяжанию ангельского образа, так теперь и игумен Ионафан поддерживал пошатнувшегося в мгновение слабости инок Дамаскина. Но какую же для этого требовалось иметь духовную силу самому Ионафану?

Семь лет нес он тяжкое бремя руководства монастырем. Скорби его, как сказано в биографии, прекратила печальная кончина.

Еще при игуменстве Ионафана перешел Дамаскин в «третий род» монастырской жизни.

1 июня 1827 года о. Ионафан благословил его идти на жительство в пустынь.

Вблизи пустыни выстроили в дальнейшем Ко-невский скит, а тогда здесь была только келья, стоящая на берегу озера. Келья была разделена на четыре комнатухи. В одной Дамаскин занимался рукоделием, в другой — переписывал книги святых отцов, в третьей — совершал молитвенное правило и поклоны. В четвертой комнате стоял сосновый гроб...

Гроб служил Дамаскину постелью, а одеялом была крышка... Когда Дамаскин согревался «*могильной теплотой*», то открывал деревянное свое одеяло».

«Трудно представить себе что-либо более простое, что-либо более скромное, — писал побывавший в келье Дамаскина проф. А.А. Бронзов. — И однако эта убогая хижина вмещала в себя великого подвижника, была свидетельницей его трудов, молитв, бессонных размышлений о Боге... О многом бесконечно поучительном могла поведать она. Как назидателен уже один гроб, в котором подвижник обычно почивал, когда брэнная плоть его требовала отдыха! Бессмертный дух отца игумена, казалось, витал среди паломников, зашедших в его избушку, и поучал их... хотя бы одними лишь бездушными предметами, оставленными этим удивительнейшим иноком... и всегда, конечно, будет поучать. Огромный крест у стены — дело рук отца игумена... Посаженные им деревья, уже значительно выросшие, — все это и подобное поучительнее многих слов, многих книг...»

В.И. Немирович-Данченко, рассказывая о келье Дамаскина, приводит рассказ отца Макария...

«Раз он кленовую палочку так взял да и посадил в землю, а она из себя корень пустила. Ишь теперь дерево какое райское вышло. Гущина.... Сила-дерево. А сам-то без рук, без ног. Как кого умудрит Господь! А вот это дерево, по-моему, большая лапа зовется, потому что у него лист этакой».

Отец Макарий поведал В.И. Немировичу-Данченко, что на посещавших его келью паломников Дамаскин производил странное впечатление. Они ощущали, что, говоря с ними, Дамаскин думал о чем-то другом:

— В какую-то сокровенность прозирал...

Замечательно, что, разговаривая с посетителями, Дамаскин думал *о чем-то другом*. Хотя почему: о чем-то? Понятно — о чем.

Вспоминая свою жизнь в пустыньке, Дамаскин рассказывал, что к обедне он ходил в скит Всех Святых и, взявши антидор, спешил уйти, чтобы не вступить в разговор с кем-либо.

— Иначе, — говорил игумен Дамаскин, — неделю или две не придешь в то состояние, в котором был до этого в пустыни.

Для сохранения безмолвия Дамаскин попросил, чтобы ему клали хлеб в условленном месте.

Были у отшельника и вериги, которые достались от схимонаха Порфирия с острова Бобылька.

— Станешь, бывало, класть поклоны, — рассказывал игумен Дамаскин, — железо так нагреется, что станет совершенно горячее. А другой раз прихватит за тело, да так больно! Зато на душе весело и спокойно. Ах, если бы так всю жизнь провести!

Рубашку Дамаскин никогда не снимал, пока она сама не сваливалась с плеч от ветхости...

«Общежительный монах не имеет не только вещественной собственности, но и воли», — писал, размышляя о Валаамском монастыре, святитель Игнатий (Брянчанинов).

Насколько было развито это совершенство в иноке Дамаскине, видно из истории, приключившейся в 1827 году.

По благословению игумена его келью навестили паломники и выпросили на память несколько ложек, вырезанных Дамаскиным из дерева. Гости предлагали деньги, но Дамаскин денег не принял, отдал ложки так. Вечером, уже готовясь ко сну, он нашел возле своего гроба синенькую пятирублевую ассигнацию.

Взяв деньги, Дамаскин немедленно отправился в монастырь. Нашел в гостинице своих посетителей, вошел в номер и положил на стол деньги.

— Нехорошо, господа, монахов искушать! — сказал он и сразу же вышел из комнаты.

Сам Дамаскин никогда не преувеличивал своих подвигов. Если случалось вспоминать о жизни в пустыни, чаще рассказывал о духовных немощах и слабостях. Восхищение подвигами других пустынников и пренебрежение своими было в Дамаскине неподдельное, искреннее.

Одно время в келье с ним жил схимонах Амфилохий. Тот самый, которого несколько лет спустя святитель Игнатий (Брянчанинов) порекомендует перевести с Валаама в какой-нибудь белорусский монастырь, поскольку человек Амфилохий трезвый и с пользой может быть упот-

реблен, если представить ему должность, «могущую доставить пищу деятельности и *некоторую рассеянность*, которая... нужна для истребления признаков пустосвятства».

Вероятно, и Дамаскина смущала отвага, с которой взялся Амфилохий за умное делание. По шесть часов кряду, мог старец не вставать с места... Но и тени сомнения не возникло в Дамаскине. Ни единым жестом не выказал осуждения.

Просто, чтобы не смущать старца и не смущаться самому, прорубил еще одни двери в келью.

— Аз, грешный, так долго не мог сидеть... — сокрушенно рассказывал он. — Скучать начинал. Но когда нападет скука, выйдешь к озеру, сядешь в лодку, объедешь несколько раз кругом, пропоешь догматик да и домой... Повеселее станешь. А иногда всю ночь ложки работаешь...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы уже упоминали о иеромонахе Варлааме, встретившемся в скиту Всех Святых с белобережскими старцами. Был Варлаам учеником старца Назария и любил безмолвие.

— Блазнюсь я на вас, — говорил он поначалу старцу Феодору. — Как это вы по целым дням пребываете в молве?

— Знай, братец, — отвечал Феодор. — Из любви к ближнему я два дня побеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным.

Так от белобережского старца и обучился иеромонах Варлаам «познавать различие путей смотрительных от общих»...

«Что есть слово таковых? — говорил святой Григорий Синаит. — Да не прогневаюся, рече, не прогневайся на брата, уклонюся же осуждения и празднословия, един живуци. Не веси ли дружже, яко сия, ихже рекл еси, и подобная сим, смиряют паче и посрамляют человека, а не возвышают, якоже реша отцы: яко юности полезно есть подати. Тщеславие же и мнение, и лукавство, и сим подобная паче имут и напыщают. Сего ради лучше есть живуци с братом познавати свою немощь в меру, и за сие себя зазирающе молитися, кающесе пред Господем и очищатися вседневною благодатию Христовою, нежели тщеславие и мнение с лукавством внутрь носяще, их прикрывати и питати уединенным житием...»

В 1830 году, когда Дамаскин уже третий год жил в пустыни, Варлаама — игумен Ионафан скончался 22 января — избрали настоятелем Валаамского монастыря.

«Лишь ревность о благе родной обители, навешенной смущениями от людей, приходивших в нее “не ради Иисуса”, понудила безмолвнолюбивого Варлаама согласиться поднять на свои рамена неудобноносимое для подобных ему любителей безмолвия бремя начальства».

Однако не рассчитал своих сил Варлаам: непосильно тяжким оказалось для него настоятельское бремя. Причиною этому, прежде всего, были обстоятельства и, конечно же, характер самого Варлаама, не умевшего применяться к ним.

Всегда Варлаам говорил, что думал, и правдивость эта доставляла мучения, прежде всего, ему самому.

Однажды иеромонах Амвросий-пещерник пришел в такое неистовство на трапезе, что при всей братии, весь дрожа от ярости, начал кричать игумену:

— Мы думали о тебе, что ты блажен муж, а теперь видим, что в тебе всякую шатавшаяся языцы! Свиней бы тебе пасти, а не людей!

«Страшное, достойное слез зрелище: постник, пустынный, пещерник, затворник, старец предаётся гневу до иступления, — пишет Игнатий (Брянчанинов). — но вникнув в учение св. отцов, найдешь сие естественным... Св. Иоанн советовал некоторым безмолвникам, как сам пишет из уединения, выйти в общежитие, дабы им не претвориться из людей в бесов. Причина же всех таковых несообразностей на Валааме есть отступление от пути отцев святых и самочиние».

Среди немногих отрад, оставшихся ему после избрания, было и посещение пустыньки, где жил Дамаскин. Игумен Варлаам любил бывать здесь, отдыхая у Дамаскина от треволнений, связанных с управлением монастырем.

С улыбкою выслушивал он сетования Дамаскина на слабость, порою одолевающую его.

— Чудак ты, отче, — утешал он Дамаскина. — О какой скуке речь? Не скучай, отче... Коли уж тяжело станет, — он указал на потолок кельи, — ты сиди и считай потолочник и вся скука пройдет. Терпи, отче Дамаскин. Будешь с Антонием Великим вчинен, только терпи дьявольские искушения и не уходи из пустыни.

Игуменство Варлаама было недолгим...

Вследствие непрекращающихся жалоб он вынужден был испросить увольнения от настоятельской

должности и водворился в пустыньке вблизи скита Всех Святых. Увы... И здесь не суждено ему было насладиться покоем. Вскоре пришлось перебраться в скит Оптиной пустыни, где он снова встретится со старцем Леонидом...

Так и замкнулся круг.

А если учесть, что послушнику Василию, посланному Варлаамом к Дамаскину, суждено было, приняв монашеское имя Виктор, стать наместником Валаамского монастыря, замкнется и еще один прочерченный Божией волей круг судеб... Как звенья единой цепи, прочно сцеплены эти круги друг с другом...

Однако, завершая рассказ об игумене Варлааму, надо сказать, что и в Оптиной пустыни не позабыл Варлаам оставленную обитель.

— Хорошо, нечего сказать, хорошо у вас, — говорил старец, — а все не то, что на Валааме. Там возьмешь, бывало, краюшку хлеба за пазуху, и хоть три дня оставайся в лесу: ни дикого зверя, ни злого человека. Бог да ты, ты да Бог!

— А от бесовских-то страхований, батюшка, как спасались? — спрашивали у него.

— От бесов и в келии не уйдешь, коли не тем путем пойдешь, — отвечал старец. — Впрочем, пути спасения различны: он спасается сице, ты же по слову святого Исаака, общим путем входи на восхождение духовного пира.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1833 год памятен России кончиной великого чудотворца, преподобного Серафима Саровского...

Второго января в шестом часу утра братия Дивеевского монастыря, зайдя в его келью, увидела схимника как всегда, на коленях перед образом Божией Матери «Умиление». Крестообразно сложенные руки Серафима Саровского лежали на книге, на руках лежала голова. Казалось, старец уснул...

Преподобный отец Серафим был зрителем дивных откровений и при земной жизни созерцал небесные обители. Двенадцать раз являлась к нему Пресвятая Богородица...

Для Валаама этот год памятен назначением нового игумена — Вениамина и началом большой монастырской смуты...

В причинах ее пытался разобраться святитель Игнатий (Брянчанинов). Он составил объемный отчет — «Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем».

Как отмечает святитель*, абсолютной правоты не было ни у одной из противостоящих сторон...

«Они (валаамские старцы. — *Н.К.*) ревнуют по православию, требуют для еретиков тюрьмы и цепей... Сами возмущаются и возмущают образованных людей, к ним присылаемых, которые, видя их ревность, переходящую в жестокость и неистовство, *соблазняются* (курсив наш. — *Н.К.*) их православием. В сем фальшивом положении находится иеромонах Апполос, и, сколько видно, находился архимандрит Платон. Упомянутый иеромонах *соблазняется* небратолюбием Валаамских

* Святитель Игнатий был тогда архимандритом Сергиевой пустыни и благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии.

старцев, их интригами, — и по справедливости. Валаамские старцы тоже справедливо соблазняются его ученостью, не-которыми выражениями, так что из девятилетнего его пребывания на Валааме нельзя вывести решительного результата, православен ли он, или нет...»

К анализу смуты, охватившей монастырь, мы еще вернемся, пока же отметим, что Дамаскин поначалу тоже оказался втянутым в монастырскую распрю.

Но начнем сначала.

До Коневского монастыря Вениамин подвизался в Новоезерной обители Вологодской епархии, где проявил себя талантливым организатором и строителем. Настоятель монастыря архимандрит Феофан непрестанно занимался молитвами и словом Божиим, целиком переложив занятие внешними предметами на Вениамина.

Вениамин вполне оправдал надежды архимандрита.

«Я был в Новоезерной обители и видел работы, произведенные о. Вениамином, из коих удивился особенно ограде, — писал святитель Игнатий (Брянчанинов). — Она основана на сваях, вбитых в озеро, при глубине воды, доходящей местами до трех сажен, таковых свай опущено до 20 т, по ним в два ряда идет тесаный дикий камень, и на сем цоколе возвышается прекрасная каменная ограда»...

Забегая вперед, скажем, что и на Валааме остался памятник строительным талантам Вениамина — каменная, выложенная из цельных плит дикого камня, лестница от пристани к монасты-

рю... Зато в самом монастырском строительстве Вениамин преуспел меньше.

Новый игумен сразу обратил внимание на Дамаскина и назначил его начальником скита Всех Святых. По-видимому, таким образом Вениамин рассчитывал приобрести в лице Дамаскина помощника в своих начинаниях, опору в преобразованиях. И он бы и нашел опору в Дамаскине, если бы его начинания и преобразования были понятны тому. Но все то, что делал Вениамин, вызывало у Дамаскина, как и у других валаамских старцев, лишь недоумение и смущение.

Подобно тому, как патриарх Никон взялся за исправления якобы «неправильных» обрядов Русской Православной Церкви, Вениамин сейчас обнаружил на Валааме множество отступлений от общепринятого.

Сохранился целый перечень исправлений, сделанных Вениамином, с которыми Дамаскин был не согласен.

Большинство из них касалось церковной службы и церковного пения, но были замечания, касающиеся и других нововведений.

Очень смущало Дамаскина, что Вениамин завел «по пятницам баню, чего и в столице нет». Не нравилось, что Вениамин приказал отобрать у братии и запечатать книги святых отцов, патерики скитские, Цветники и прочие книги, в пользе и православности которых никто не сомневался, но которые раздражали Вениамина своей рукописностью...

Наконец, как и остальную братию, Дамаскина смущало, что Вениамин избран вопреки

Валаамскому уставу, запрещающему избирать настоятелей не из числа монастырской братии.

Ложность положения, в котором оказался Дамаскин, усугублялась тем, что в пустыне, рядом со скитом Всех Святых, подвизался бывший настоятель монастыря отец Варлаам, сразу сделавшийся центром кристаллизации монастырской оппозиции.

Жил Варлаам, как утверждается в книге «Валаамские подвижники», жизнью святого человека. Келью покидал только для совершения Божественной службы в скиту Всех Святых. В пустыни же преимущественно занимался молитвою и чтением Священного Писания и писаний отеческих, иногда писал по уставу; пища его была самая простая, грубая, одно кушанье варил он на целую неделю и более...

Здесь приводится и диалог, состоявшийся у Варлаама с Дамаскиным...

— Что это, батюшка, оставляете вы кушанье в котле? — спросил Дамаскин. — Оно у вас ржавчиною покрылось...

— Ничего, — ответил отец Варлаам. — Это не вредно. Котел ведь чугунный. Вот в медном — опасно...

Разговор, казалось бы, ни о чем, кроме неприхотливости Варлаама, не свидетельствует. Однако, если мы вспомним, что бывший игумен любил рассказывать, как в бытность его на поварне «молитва кипела в нем, како пища в котле», диалог приобретает дополнительное значение, и «покрывшееся в котле ржавчиною кушанье» превращается в символический знак, не заметить которого Дамаскин не мог.

Святитель Игнатий (Брянчанинов), указывая на то, что надобно сделать, чтобы прекратилась смута в монастыре, не забыл и про Варлаама.

«Заштатного игумена Варлаама полагаю не-
пременным вывезти из Валаамской обители, как
потому, что он *в бумагах своих был дерзок в вы-
ражениях о начальстве, а в доносах опромет-
чив, веря всяким слухам* (курсив наш. — Н.К.),
так и потому, что он уже не может быть спокоен
в Валаамской обители и не вмешиваться, как
сам сознается, в управление, к которому совер-
шенно не способен, что доказано опытом... При-
нимая во уважение старость о. Варлаама, и то,
что во всем деле он только орудие для других,
полагаю переместить его в Оптин скит, Калужс-
кой Епархии...»

У монаха Порфирия изъяли тетрадь, в кото-
рой он утверждал, что игумен Варлаам и его
партия (сам Порфирий принадлежал к партии
Вениамина), состоящая из семи человек, хотя
и священнодействуют и приобщаются Святых
Таин, но, находясь во вражде со многими лица-
ми монастыря, занимаясь ложными доносами,
священнодействуют и приобщаются в осужде-
ние — только для одной формы... Более того, ут-
верждал Порфирий, скитяне (насельники скита
Всех Святых) занимаются только одной наруж-
ностью, и далеки от постижения сущности или
духа религии...

Выход из ложного положения, в котором он
оказался, Дамаскин нашел. Он оставил долж-
ность начальника скита Всех Святых и удалил-
ся в Назариевскую пустынь.

Впрочем, иначе и быть не могло...

Прочно и надежно усвоил Дамаскин основы монашеской жизни, и невозможно было совратить его в противоречащую монашескому смирению монастырскую свару.

Как свидетельствует составленная в монастыре биография подвижника, приняв управление скитом, Дамаскин продолжал свою суровую подвижническую жизнь, и два раза изливался на него «неизреченный» свет от иконы Распятия Спасителя, которая досталась ему от монаха Авраамия, убившегося при ломке плиты на Германовом острове...

Любопытно, что монастырский биограф к скитоначальническому периоду жизни Дамаскина относит тот разговор, что состоялся у него с настоятелем еще до ухода в пустынь.

«Неусыпные, столь разнообразные тяжелые труды, при строгом воздержании во вкушении пищи, изнурили наконец о. Дамаскина до того, что он едва в состоянии был читать в церкви и занемог, и поэтому решил о своей болезни сказать настоятелю»^{*}.

Но перед этим автор биографии в скобочках делает примечание, что Дамаскин просил освободить его от послушания — начальствования скитом...

^{*} Речь идет об уже процитированном нами разговоре:

— Батюшка, — сказал Дамаскин. — Как вам Бог возвестит, но я чувствую себя ослабевшим. Не благословите ли оставить послушание?..

— Отче Дамаскин! — отвечал настоятель. — А не падай ты духом! Ты ведь монах... Коли ты и помрешь на послушании, то Господь тебя не оставит.

Можно понять, почему автор биографии, нарушая датировку хроники, записанной со слов самого Дамаскина, переносит этот разговор из первого, «допустынного» пребывания Дамаскина в скиту Всех Святых, в бытность его скитона начальником. Видимо, монастырского биографа смутила описка — имя настоятеля, ведущего этот разговор, не Ионафан, а Вениамин (Вениамин стал настоятелем лишь в 1833 году). Описка это или оговорка самого Дамаскина, судить трудно, но корректировать в соответствии с нею жизнь валаамского игумена — просто нелепо. Нарушается житийная логика биографии Дамаскина.

Одно дело, когда с жалобой на немощ обращается новоназначенный монах. Слабость — напомним, что у Дамаскина неправильно срослась нога и он был по сути инвалидом — вполне оправдана.

И совсем другое дело, когда о снисхождении просит прошедший через разнообразные испытания и искушения отшельник. Едва ли вериги, которые он носил в пустыни, были легче трудов в скиту Всех Святых...

Не совпадает и смысл поучения игумена с его решением все-таки освободить Дамаскина от послушания...

Все это заставляет нас думать, что не по слабости покинул Дамаскин управление скитом Всех Святых, а по мудрости, по миролюбию, столь свойственному ему, по смирению...

«Образцом общежития, — пишет в отчете святитель Игнатий (Брянчанинов), — признается Святою Церковью первое общество верных в Иерусалиме... С сожалением видел я совсем противный сему дух в Валаамском монастыре,

где согласие утрачено, где иноки боятся, подозревают, поносят друг друга. От ссор и личностей возгорелись доносы, как в этом сознались сами доносчики. Что может быть для инокa несвойственной тяжбы, говорит святой Симеон Новый Богослов... Напрасно трубят игумен Варлаам и монах Иосия, что они готовы на крест. Это слова неопытности. «Не веруй, говорит Небоявленный Василий, в подвигах великих просиять тем, кои в малых скорбех малодушествуют...»

Такое ощущение, будто Дамаскин слышал эти слова Игнатия (Брянчанинова), когда они еще не были произнесены... Он поступил именно так, как, по мнению Игнатия (Брянчанинова), должен поступать монах. Поступил так, потому что тут его мнение не расходилось с мнением святителя.

Своеволие и самочиние — ведут к прелести...

Эта мысль красной нитью проходит через все сочинение святителя Игнатия (Брянчанинова).

Когда читаешь «Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем», возникает ощущение, что автор не только рисует картины нестроений в жизни монастыря, не только осуществляет удивительный по глубине и точности анализ поступков и помыслов монахов, но рисует столкновение опыта древнерусской северной святости, (вернее того, что осталось от этого великого и сурового опыта после реформ царя Алексея Михайловича, после протестантско-синодальных преобразований Петра Первого и его преемников) и опыта, только еще набирающего силу в русском монашестве, возрожденного старчества. Опыта, которому суждено будет просиять святостью оптинских старцев, правед-

ностью Иоанна Кронштадтского, именами бесчисленных новомучеников российских...

Такое ощущение от «Описания Валаамского монастыря и смут, бывших в нем», словно присутствуешь при смене эпох русской святости. И то, что «Описание» сделано архимандритом, благочинным — святителем Игнатием (Брянчаниновым), уже принадлежащим к сонму новых российских святых, усиливает это ощущение, делает его неопровержимой реальностью.

Подводя итог своего расследования, Игнатий (Брянчанинов) скажет:

«Для прекращения самочиния и неповиновения, для предохранения по возможности от прелести наилучшим средством нахожу учредить, как и в Нямецком монастыре учредил знаменитый Паисий, от четырех до шести духовников и им вручить всех новоначальных. Духовники сии должны быть в духовном союзе с настоятелем, и в полном у него повиновении; тогда точно они будут некоторое подобие семидесяти старцев, помощников Моисея в руководстве Израиля к земле обетованной.

Способным к сей должности полагаю: Дамаскина скитоначальника, который один показался лишь довольно искусным монахом во всем Валааме...»

Так и было названо имя будущего игумена Валаамского монастыря, которому суждено возродить Святой Валаам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Словно из шума сосен,
словно из плеска бьющихся о
береговые скалы волн, из тихо-
го шепота молитв рождаются Ва-
лаамские сказания...*

*«Творец и Владыка всего сущего, ко-
торого не объявлены пути и неиз-
вестны решения, которые есть мера
и определение всему сущему в стрем-
лении к праведности, — всем подает
неоскудевающей рукой Свои благодат-
ные дары, и сохраняет каждого, и воз-
даст по достоинству его».*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Существует легенда, что самое название Ва-лаама связано с именем библейского и прорицателя Валлама.

«Кто же не удивится Божии пресильной премудрости! — восклицает автор «Сказания о Валламском монастыре», созданного во второй половине шестнадцатого века. — Откуле тем диким людям вложено есть перьскаго древняго языка именованье, Валам нарицаху остров той, ниже в их языке отнюдь таковое речение обретается...»

Современные ученые «библейскую» этимологию отвергают, но вместе с тем признают, что «удовлетворительного объяснения этимологии слова Валаам не существует». Не существует удовлетворительного объяснения и многим историческим загадкам, связанным с Валаамом...

Предание утверждает, что апостол Андрей Первозванный установил на месте языческого капища на Валааме крест, дабы свет православия озарил северные края.

Никаких документальных подтверждений этому, увы, нет, но и факты, которые бы опровергали предание, тоже отсутствуют... Все возражения насчет удаленности Валаама, что приводятся, как в светской, так и в церковной литературе, не выдерживают критики...

Совершенно справедливо говорил по этому поводу святитель Игнатий (Брянчанинов): «Почему не посетить ему (апостолу. — *Н.К.*) место, освященное для богослужения народного и там не насадить богопознания и богослужения истинного? Почему не допустить мысли, что сам Бог внушил Апостолу это высокое, святое намерение и дал силу к исполнению его? Дикость, малоизвестность страны — дальность, трудность путешествия — не могут быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною причиною, чтобы отвергнуть это предание. Немного позже времен апостольских ходили путями этими целые воинства, почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божиею и ревностью апостольскою?».

Но если вопрос о пребывании апостола Андрея Первозванного на Валааме, существует на

уровне предания и, как *предание*, важен для истории монастыря, то с непосредственными основателями монастыря преподобными Сергием и Германом, все обстоит гораздо сложнее.

Так получилось, что даже годы их земной жизни разные исследователи определяют по-разному.

Одни считают, что Сергей был учеником апостола Андрея Первозванного, а Герман — учеником Сергия... Другие считают преподобных греками, прибывшими на русскую землю в свите равноапостольной княгини Ольги, но многие историки переносят их земные жизни в тринадцатый, а кое-кто и в пятнадцатый век. Интервал разночтений и тогда растягивается без малого на пятьсот лет, покрывая едва ли не половину всей истории России...

Между тем, совершенно точно известно, что в 989 году, когда равноапостольный князь Владимир еще только крестил в Днепре киевлян, ушел из Валаамского монастыря преподобный Авраамий. Он уединился на озере Неро в Ростовской земле, и здесь вручил ему евангелист Иоанн Богослов жезл, которым предстояло Авраамию сокрушить особо почитаемое идолище — Велеса.

Как к язычникам Ростовской земли, преподобный Авраамий Ростовский приходит и к современным историкам, чтобы жезлом, который вручил ему евангелист Иоанн Богослов, разрушать капища их построений и свидетельствовать, что Валаамский монастырь существовал до крещения Руси и значит, является самым древним русским монастырем, а сам преподобный Авраамий Ростовский — первым валаамс-

ким святым, слава которого просияла по всей Руси*...

Косвенно подтверждает факт существования Валаамской обители еще во времена языческой Руси и то, что уже в начале двенадцатого века были обретены мощи основателей монастыря Сергия и Германа. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время шведского нашествия 1163–1164 года...

Увы... Чрезвычайно затрудняет изучение истории монастыря отсутствие надежных источников и этому обстоятельству, вероятно, и обязаны мы тем, что серьезные историки избегают валаамской проблематики... И возникает вопрос о причине исчезновения или изъятия из научного оборота этих источников.

Более того: ответ на этот вопрос позволяет, если не компенсировать в некоторой степени

* Одним из последних примеров псевдонаучного омолаживания истории Валаама может служить книга Н. А. Охотиной-Линд «Сказание о валаамском монастыре», («Глаголь», СПб., 1996).

Подробно разоблачая фальсификации валаамского псевдоисторика А. И. Сулакадзева и совершенно резонно настаивая на необходимости научного анализа и проверки источников, касающихся истории Валаамской обители, Н. А. Охотина-Линд сама пользуется при этом не вполне научной методикой. Она голословно лишает сертификата надежности такие источники, как, например, «Житие преподобного Авраамия Ростовского», и вместе с тем, столь же голословно присваивает знак достоверности и качества «Сказанию о Валаамском монастыре», созданному, в конце шестнадцатого века и *понаслышке* излагающему события Валаамской истории с точки зрения тогдашней официальной, государственной историографии...

утрату источников, то хотя бы предположить, какие сведения могли содержаться в них.

Пограничное месторасположение Валаамских островов сделало их, как и всю Карелу, предметом территориального спора между Новгородской республикой (а затем Русью) и Швецией. В результате, чисто научный вопрос — когда же возникло православие на Валааме? — приобрел значение политическое.

И это — принципиально важно...

Известно, что многие, связанные с валаамскими древностями, документы были вывезены в начале семнадцатого века в Швецию (так называемый «делагардиевский сундук с Новгородскими актами») и до сих пор находятся в шведских архивах... А с другой стороны, можем ли мы твердо утверждать, где — в огне вражеских нашествий или в печи новгородских владык — больше исчезло древних валаамских рукописей?..

Предположение это выглядит несколько диковатым, но если разобраться, то окажется, что оно не лишено основания...

Во-первых, древнему Новгороду зазорно было осознавать, что «Путята крестил Новгород огнем, а Добрыня — мечом», когда совсем рядом, уже целые столетия сиял светильник Валаама. Во-вторых — по важности это обстоятельство следовало бы поставить на первое место — принятое еще до крещения всей Руси православие противоречило принципам территориальной централизации истории Руси и как бы отделяло историю Валаам от русской истории, давая тем самым основания для размышлений о независимости территории островов от Новгорода...

Поэтому в Новгороде неоднократно предпринимались попытки («Сказание о Валаамском монастыре» — одна из них) «омолодить» валаамское православие, идентифицируя запись в Новгородской Кормчей книге: «В лето 6837 (1239) нача жити на острове на Валаамском озере Ладожском старец Сергей», с указанием даты основания монастыря.

Эта запись, как мы говорили, противоречит Софийской летописи, которая свидетельствует, что еще в 1163 году были обретены мощи преподобных Сергия и Германа.

Разумеется, пока спор шел в рамках православной традиции, никто не покушался на преподобного Авраамия, стоящего с посохом, дарованным ему евангелистом Иоанном Богословом, на защите древности валаамского православия...

Тогда существовало как бы две истории... Политически выверенная история Валаама, необходимая для доказательства, что Валаам исконно Новгородская, а значит и русская земля; и церковная история, которая, не опровергая историю политическую, вела отсчет истории Валаама с времен Андрея Первозванного...

Как это ни удивительно, но истории эти вполне могли существовать параллельно. Многие факты политической истории — и это как раз и доказывает искусственность ее — подходят для любой истории... Ведь, если разобраться, даже запись о позднейшем основании монастыря на Валааме ничему не противоречит. Преподобные Сергей и Герман основали (см. житие Авраамия Ростовского) монастырь во имя Живоначальных Троицы... Валаамский Спасо-Преображенский

монастырь мог быть основан и позднее, и его основание не перечеркивает предыдущей монастырской истории Валаама...

Но такое параллельное существование двух историй было возможно только во времена Святой Руси, когда высоко было уважение к церковному преданию вообще...

В послепетровские времена, когда Валаам окончательно закрепился за Российской империей, закрепили и «младшесть»^{*} Валаамского монастыря уже на уровне официальной историографии.

И хотя преподобный Авраамий Ростовский с жезлом, полученным от евангелиста Иоанна Богослова, продолжал опровергать эту ложь, на это уже не обращали внимания. В послепетровской Руси и сам Авраамий стал *преданием*...

Мы останавливаемся на спорах о древности Валаамского монастыря потому, что и сейчас они не утратили своей духовной остроты. Вглядываясь в историю Валаама, очевидно, что строительство православного государства и распространение православия отнюдь не тождественные друг другу процессы. Валаамское православие, не ощущая себя официальной идеологией, не нуждалось в «мече и огне» для укрепления и распространения.

С лучами света сходны подвизающиеся на островах подвижники.

В двенадцатом веке уходит из Валаамского монастыря преподобный Корнилий. Ему пред-

^{*} Только в конце XIX века будут сделаны попытки узаконить «древнюю» концепцию истории монастыря наравне с «поздней».

стоит основать первый на Онежском озере — Палеостровский монастырь...

В четырнадцатом веке уйдет с Валаама на другой Ладожский остров, Коневец, преподобный Арсений...

1429 год. Покинули Валаам преподобный Савватий, а следом за ним и преподобный Герман — будущие устроители Соловецкой обители...

1484 год. Узрев Великий небесный свет, что сиял в той стороне, где текла Свирь, уходит с Валаама, чтобы основать свой монастырь, преподобный Александр Свирский...

А еще подвизались в Валаамском монастыре преподобные Евфросин Синоезерский, Афанасий Сяндемский, Адриан Ондрусовский... И не будем забывать о новгородском архиерее Геннадии, выходеце из валаамских монахов, который, когда сгустились над Русью мрачные тучи ереси жидовствующих, бесстрашно обличал еретиков, скрывавшихся и в великокняжеском дворце, и в митрополичьих палатах. И был, был еще Герман Аляскинский, валаамский инок, просветитель алеутов...

13 декабря 1837 года — самый разгар смуты на Валааме — преподобный Герман попросил зажечь перед иконами свечи и во время чтения Деяний Апостолов мирно отошел ко Господу. Святитель Герман проповедовал христианство на Аляске и Алеутских островах. Подобно древним пустынникам, сорок лет вел он подвижническую жизнь на Еловом острове, переименованном им в Новый Валаам...

Валаамское предание утверждает, что, установив крест на острове, святой апостол Андрей

Первозванный обратился к местным жителям со словами проповеди. Продолжением этой великой апостольской проповеди и были деяния разошедшихся по всему русскому северу валаамских иноков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Словно из предутреннего тумана очертания береговых скал, проступают из прошлого исполинские фигуры валаамских подвижников. Как скалы, непохожи они друг на друга, и так же, как скалы, трудно различить их издалека...

В Житии преподобного Александра Свирского сказано: «от великих трудов кожа на теле его сделалась такой жесткою, что не боялась и каменного удара». И далее: «Когда он начинал класть поклоны, железо вериг так нагревалось, что становилось совершенно горячее» — из жизнеописания игумена Дамаскина...

Когда смотришь на его портрет работы Федора Ивановича Иордана, понимаешь, что никакого преувеличения нет в этих словах. Не лицо у игумена, а глыба валаамского гранита...

Мы не удивляемся, читая жития Авраамия Ростовского или Александра Свирского, отсутствию деталей, подробностей и психологических мотивировок событий, происходивших со святыми. Это древность для нас...

Жизнь игумена Дамаскина — к древностям не отнесешь. Она не удалена по времени, а свидетельств и различных документов — одних только писем около двух тысяч! — сохранилось впол-

не достаточно. И все же жизнеописание игумена Дамаскина своей откровенной чудесностью неотличимо от самых древних житий святых.

Чудесна встреча паломника Дамиана с белобережскими старцами, когда останавливаются они, чтобы поклониться будущему игумену Валаама...

Чудесно, как будто списано из древних преданий, и возвышение Дамаскина. Он не проходит никаких промежуточных ступеней... Более того, он и не помышляет об административной карьере... Но вот приезжает на остров архимандрит Игнатий (Брянчанинов), приезжает, словно только для того, чтобы разглядеть в монахе-отшельнике человека, способного возглавить монастырь на стыке эпох русской святости, способного соединить в себе их, и каким-то чудодейственным образом из монаха-отшельника является великий игумен...

Таинственно и прекрасно происходящее преображение...

«17 ноября о. игумен Вениамин получил обо мне сведение, чтобы не медля нимало выслать меня в Петербург, а мне 18-ого письмо отдал, и при том сказал, что Архипастырь тебя любит и потчивал в иеромонаха. И объявил мне ехать в Петербург того же месяца 22-ого дня...»

23 ноября 1838 года в 9 часов утра впервые за последние восемнадцать лет Дамаскин покинул Валаам.

Конец ноября — не самое благоприятное время для плаваний по Ладоге. Не так и велик путь от Валаама до Кегсольма (Приозерска), но добрались туда только через два дня. Дальше ехали

на телеге по осенней, едва стянутой морозцами грязи. Год выдался неурожайный, все лето лили дожди, не давая дозреть хлебам. Притихли в ожидании надвигающегося голода деревеньки и хутора...

Ночевали в Парголово. В Сергиеву Пустынь приехали только утром, 27 ноября.

В монастыре шла обедня, и Дамаскин «прис-тал», как он говорит сам, на кухне, не беспокоя никого и не торопя с решением своей судьбы.

Впрочем, на кухне пришлось пробыть недолго. Сразу после обедни его призвал архимандрит Игнатий (Брянчанинов) и «взял в трапезу, с братиею».

После трапезы архимандрит снова беседовал с Дамаскиным. Беседа была долгой, а «довольно побеседовав», архимандрит Игнатий велел определить гостя в Казначейской келье.

Два дня прожил Дамаскин в Сергиевой пустыни.

Во вторник, 29 ноября, архимандрит Игнатий (Брянчанинов) повез его с утра в Петербург.

В этот день с Дамаскиным беседовал Высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский, Высокопреосвященнейший Серафим, митрополит Санкт-Петербургский, викарный епископ Венедикт и, наконец, обер-прокурор Священного Синода, граф Н.А. Протасов объявил Дамаскину, что согласно монаршей воле, ему надобно готовиться к немедленному посвящению во иеродиаконы, а затем и в иеромонахи.

В рассказе Дамаскина о пребывании в Петербурге отмечены самые малозначительные подробности...

Например, посещение Духовной Консистории, где прописал Дамаскин свой билет на жительство в Петербурге... Или икра, которой угощал его наместник Александро-Невской лавры отец Аарон... И вместе с тем — о содержании двухчасовой беседы со святителем Филаретом не сказано ни слова. Между тем, именно тогда и решалось: быть Дамаскину игуменом или нет.

Более подробно монастырское жизнеописание извещает о встрече Дамаскина с другим Филаретом — митрополитом Ярославским...

«В 4 часа приехали лошади, стало уже темно и поехал я на Ярославское подворье, о. Архимандрит (Игнатий (Брянчанинов). — *Н.К.*) уже там был. Доложили обо мне Высокопреосвященнейшему. Когда я предстал перед ним, он взглянул на меня любезно, благословив, посадил близ себя, кое-что спрашивал, между прочим увещевал продолжать отеческий путь».

— Когда Владыка станет посылать тебя в начальники, смотри, не отказывайся! — сказал он.

— Благословите и вы, владыка! — попросил Дамаскин.

— Божие благословение да с тобою будет! — осеняя Дамаскина крестом, сказал Митрополит. — Возьми вот мое благословение, келейные четки. Смотри, не отдавай никому — они иерусалимские.

— Спаси Господи!

— А мне свои отдай!

— Да мои-то худенькие совсем... Совсем ветхие стали...

— Ничего-ничего... Давай сюда...

Кажется странным, что, не потратив ни одного слова на описание беседы с Филаретом,

Митрополитом Московским, так подробно рассказывает Дамаскин об обмене четками с Филаретом, митрополитом Киевским...

Но если предположить, — а это предположение весьма вероятно — что это были те четки, которые подарил Дамаскину четверть века назад монах, встреченный им на дороге в скит Всех Святых, то все становится понятным... Обмен четками превращается в символический акт и знаменует завершение важного этапа в духовном становлении Дамаскина....

В субботу Дамаскин исповедался у старца Серафима, епархиального духовника, принял, как он говорил, «присягу» и в воскресенье, 4 декабря, на память святой великомученицы Варвары и Иоанна, был посвящен во иеродиаконы, а через два дня, на память святителя Амвросия Медиоланского, в храме святого праведного Лазаря, в Александро-Невской лавре, Дамаскина рукоположили в иеромонаха.

30 января 1839 года, на память трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Дамаскин был произведен в Петропавловском соборе в игумены. 14 февраля последовал и Указ — быть Дамаскину настоятелем Валаамского монастыря.

Любопытно, что на следующий день, 15 февраля, хотя он и не мог знать об этом совпадении, отправился с Валаама в Оптину Пустынь старец игумен Варлаам.

Игумены — бывший и настоящий — встретились на подворье. Купили отцу Варлааму шубу в дорогу, и он уехал, сопровождаемый отцом Исаакием в Оптину; а игумен Дамаскин, в со-

провождении архимандрита Игнатия (Брянчанинова), поехал на Валаам...

И, хотя и случайной была встреча бывшего и нового валаамских игуменов, но как глубоко символична она, какого высокого значения исполнена!

Двадцать два года назад паломник Дамиан встретил на дороге белобережских старцев, которые поклонились ему, узнавая в нем будущего валаамского игумена... Мы рассказывали, что по сути дела, Дамаскин был возвращен благодаря молитвам и поучениям ученика этих старцев, и в игумены поставлен благодаря другому их ученику...

И вот теперь, когда завершился этот этап в жизни и самого Дамаскина, и всего Валаамского монастыря, — такая случайная и такая неслучайная встреча-прощание с игуменом Варлаамом, который уезжает с Валаама в Оптиную пустынь, где уже обосновался преподобный Лев Оптинский, завершив «белобережские» странствования по русским монастырям. В каждом из этих монастырей (на Валааме — отца Клеопы, в Александро-Свирской обители — отца Феодора) в утешение и в помощь ученикам остались белобережские могилки...

Валаам и Оптина Пустынь...

Приветствие, сделанное будущими Оптиными старцами будущему игумену Дамаскину, и прощание новоназначенного игумена Дамаскина с новоназначенным насельником Оптиной пустыни, бывшим игуменом Варлаамом...

Великие, исполненные небесным светом картины, явленные в поучение нам, притекающим к молитвенному заступлению наших святых...

Встречей и расставанием с игуменом Варлаамом и завершаются петербургские торжества по случаю поставления в игумены Дамаскина. Новый игумен отправляется на Валаам.

И снова, как и два десятка лет назад, когда в первый раз возвращался Дамаскин — тогда еще Дамиан! — в монастырь, зазвонил большой колокол...

Было это пятого марта 1839 года, в воскресенье, после ужина...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Светозарная, знакомая каждому Евангельская история о дне Пятидесятницы, когда свершилось схождение Святаго Духа на Апостолов...

«И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать...»

И изумлялся тогда народ — непостижимо было, что необразованные рыбаки из Галилеи сумели заговорить так.

И вот уже два тысячелетия дивятся люди, какие перемены совершаются в человеке по мере стяжания им Святаго Духа...

Дивимся и мы, размышляя о переменах, произошедших в монастыре с неграмотным крестья-

янским юношей Дамианом, принявшим в постриге имя Дамаскина.

Потаенно, в сокровенной тишине уединения, совершалось стяжание Святого Духа... Но пришел день 30 января 1839 года, когда был возведен Дамаскин в сан игумена, и перед всеми явился человек, свободно излагающий свои мысли, постигающий сокровенные тайны человеческой души, умеющий говорить с философами и сановниками, художниками и купцами...

Об этом убедительно свидетельствует сохранившаяся переписка Дамаскина.

«Вы ищете от меня слово утешения; вот постоянное утешение, постоянная причина спокойствия — принимать все, случающееся с нами в жизни, как от благодетельной Руки Божией, — пишет он. — Тогда не будет места ни печали, ни заботе излишней, сердце верующее тогда будет всегда в радости о Господе, благодетеле и Учителе!»

Святитель Игнатий (Брянчанинов) считал настоятельское служение самым трудным монастырским послушанием.

«Это не есть начальство сего мира... Это — время легкое и вместе с тем тяжкое. Эти рамена должны носить немощи всего братства. Какая крепость должна быть в раменах этих! Какое нужно иметь настоятелю великодушие, какое самоотвержение! Нужно полное забвение своего Я, чтоб эта угловатая и жесткая буква не ранила, тем более не убила никого из ближних».

Начиная с пятого марта 1839 года, когда приехавший с архимандритом Игнатием иеродиакон Марк прочитал указ: игумену Дамаскину принять монастырь, а игумену Вениамину, по

неспособности его править монастырем, уехать в Вологодскую епархию на покой, когда клиросные пропели тропарь и кондак преподобным Сергию и Герману, Дамаскин принял бремя монастыря и понес на своих раменах немощи всего братства. С присущей ему энергией начал он наводить порядок на Валааме.

Насколько это было непросто, свидетельствует история удаления из монастыря Феоктиста. Его увидели днем в нетрезвом виде, и необходимо было осмотреть его келью, чтобы проверить, есть ли там еще горячительные напитки.

Со словом увещевания Дамаскин пошел в келью Феоктиста. Но тот не собирался раскаиваться, начал поносить игумена нелепыми и грубыми словами, угрожать... Наконец, он бросился на Дамаскина с кулаками, и тот вынужден был уйти...

Феоктиста пришлось перевести в Коневский монастырь...

Бунт его был вызывающе нелепым, но не беспричинным. Дамаскина произвели в сан игумена и поставили настоятелем из простых монахов. Старшей братии, втайне стремившейся к власти, трудно было смириться с его возвышением, им казалось, что сорокачетырехлетний Дамаскин несправедливо обошел более старших по возрасту и способностям монастырских отцов.

Духовное неповиновение тогда, как вспоминали очевидцы, «рожном стояло».

Из двух, заключенных один в другом, периметров составлено здание Валаамского Спасо-Преображенского монастыря...

Внутренний возвели еще при отце Назарии, внешний достраивали уже на памяти Дамаскина, в игуменство Иннокентия...

Но и двойные стены не всегда защищают от бурь. Порою кажется, что всеми ладожскими ветрами продут двор монастыря. И странно, но иногда, здесь, внутри двух прямоугольников, ветер сильнее, чем на озерном берегу... И никогда, ни в пустынке, ни на скиту Всех Святых, не дули Дамаскину такие сильные ветры. И не отвернуться, не спрятаться было от них, надо было вести монастырь сквозь все бури.

«Господь не дал жезла грешных на жребий праведного, — говорит монастырская биография Дамаскина. — Господь видимо благословил труды его великие... Первее всего, приняв жезл правления, о. Дамаскин обратил свое внимание и старание на приведение в добрый порядок внутреннего монастырского духовного строя жизни и, как мудрый ловец, с самого начала наметил верно стрелу к назначенной цели, не вдруг напрягал лук, но исподволь, чтобы не оборвалась тетива и не сломался бы. Постепенно, но неуклонно и неустанно начал о. Дамаскин восстанавливать прежнее внутреннее благоустройство, сообщенное монастырю еще в 1787 году о. игуменом Назарием — старцем великой духовной опытности и мудрости, и достиг своей цели, привел обитель в самое цветущее состояние. Братство ея возросло, нравственные силы ея развились, во внутреннюю жизнь ея вдохнут был божественный огонь истинного подвижничества». Эта характеристика подтверждается цифрами и фактами. Неуклонно росла при

Дамаскине численность обители. Уже в 1852 году она составляла 172 человека. В 1868 году — 234 человека, в 1881 году, году кончины Дамаскина, — 263 человека.

При этом подчеркнем сразу, что Дамаскин гораздо более сил уделял тому, чтобы не пропустить в монастырь нежелательных людей, чем привлечению будущих иноков.

Но это ведь одно и то же.

Дамаскин ясно понимал, что удаление из монастыря подначальных и служит привлечению в него тех, кто действительно хочет найти путь спасения...

«Они (подначальные. — *Н.К.*) как адская, неистощимая картечь, помещаемая между дивными звеньями золотой монашеской цепи, потрясающими взрывами расторгают эту небесную цепь, и ужасающим треском далеко оглашают окрестности».

Снова и снова повторяет Дамаскин, что на монашество «восстают плотолюбивые протестанты. В монашестве они ищут грязных сторон, на монашество изливают они свою фанатическую злобу. Всякий монастырский человек с длинными волосами и с кожаным поясом — для них уже монах, проступки такого лица они вменяют монашеству. И как часто омерзительно грязны, поразительно скорбны бывают поступки этих лиц, — и они пластами ложатся на славу Церкви Православной, — православное монашество».

«От этого народа, Батюшка, ожидать хорошего решительно ничего нельзя. Образ мыслей у них самый развращенный, язык в высшей степени ядовит, и они здесь имеют полную возмож-

ность беседовать с братиею и посетителями, — и страшный яд у них разливается по всем концам России, ибо отовсюду приезжают богомольцы на Валаам».

Удивительно точно перекликаются эти прошения Дамаскина с уже упоминавшимся нами письмом преподобного Амвросия Оптинского, печалившегося, что где ни начни духовное лицо открыто проповедовать, что вне Православной Церкви нет спасения, сановитые иноверцы оскорбятся. От такого положения русское православное духовенство и получило как бы навек и укоренившееся свойство говорить об этом предмете уклончиво...

Перекличка тут, прежде всего, в сходности оценки положения, в котором оказалась Русская Православная Церковь после реформ, осуществленных первыми Романовыми, и в стремлении насколько возможно исправить это положение...

Конечно, Петр Первый и его последователи, превращая монастыри в психлечебницы, инвалидные дома и тюрьмы, преследовали лишь утилитарные цели, хотели, чтобы монастыри приносили практическую пользу государству.... Но невозможно не заметить, что возлагаемые на монастыри дополнительные, совершенно не свойственные им обязанности, позорят Русскую Православную Церковь. Впрочем, разве не позором Церкви была отмена Петром Первым, тайны исповеди, или приказ его внука, Петра Третьего — не считать за грех отступления от седьмой заповеди...

Дамаскин приводит поразительный пример...

Отставной флота лейтенант Николай Киреев самым оскорбительным образом поносит монашеский сан, насильно врывается в кельи посетителей, учит разнообразному злу новоначальных, а тех, кто уклоняется от общения с ним, грозит-ся зарезать. В трапезной самовольно садится на настоятельское место и площадной бранью поносит настоятеля, устраивает драки во время церковной службы.

Конечно же, освободиться от таких «насельников» монастырю было необходимо. И Дамаскину удалось достичь этого...

Бесчисленные жалобы обрушились на Дамаскина, когда он начал свою настоятельскую деятельность. Объяснения по поводу их поначалу определяли переписку Дамаскина. Польза от объяснений лишь в одном — мы ясно представляем сейчас, как жил валаамский игумен, как была устроена им монастырская жизнь...

В «Валаамском слове о Валаамском монастыре» сказано, что «богослужение совершается с точным соблюдением устава; в нем и прекрасное благоговейное чтение, и стройные умирительные тоны столпового напева, и величественные монашеские лики, и светлые сонмы священников, и многочасовая продолжительность, — одним словом, все свидетельствует, что оно составляет сущность жизни и единственную отраду обитателей Валаама. И тихие дни святого поста и торжества праздничные имеют здесь особенные, свойственные им оттенки. Дни святой Пасхи исполнены невыразимого духовного наслаждения».

«Невыразимое духовное наслаждение» доставляли и обычные, непраздничные церковные службы на Валааме.

«А пение? — писал профессор Петербургской Духовной Академии А.А. Бронзов. — Два чудесных хора... На правом — тенор необычайной, воистину редкой силы... Внушительные басы... Пение некоторых номеров соединенными — правым и левым — хорами было потрясающе величественно. Валаамские напевы не похожи на столичные и производят непередаваемое впечатление. Трудно уловить их, но они очаровательны и ближе нашему уху и сердцу, чем надоевшая всем, часто нелепая «итальянщина»... А взглянули бы вы на лица певцов... Мужественные, убежденные... Так и кажется, что их — этих иноков — ничем уже не совратить с их правого пути. Так и кажется, что кроме Бога, ничто другое уже не наполняет их души в эти минуты».

Ну, а в обычные дни, вечером, когда служили девятый час, вечерню и повечерие с акафистом, обязательным было только участие в вечернем правиле, а в остальных службах — лишь свободных от послушания иноков. Разумеется, это не значило, что они прерывают молитву, ибо ничего не делалось на Валааме без нее... Труд и молитва и составляли жизнь обитателей острова.

Вместе с братией трудился и игумен. Двери его кельи не закрывались с утра до вечера не только для монахов, но и для рабочих и других посетителей. Ничего не делалось без благословения настоятеля — это Дамаскин поддерживал строго — и ему нужно было вникать во все мелочи.

В книге «Мужицкое царство» В. Н. Немирович-Данченко пишет, что игумен сам был из крестьянской семьи, и ему больше нравились простые работающие монахи. Запах трудового пота, по мнению Немировича-Данченко, был для Дамаскина ароматом, мозолистые руки — добродетелью. И он, якобы, нарочно выдерживал образованных иноков на черной работе, чтобы узнать, есть ли в них достаточно послушания монастырскому начальству.

С этим утверждением можно согласиться лишь частично. Стоит различать подлинное образование от образованности, насыщенной модными тогда либерально-демократическими воззрениями, которые, конечно же, необходимо было сгонять, как лишний жирок, на тяжелой работе. Но это касается только необходимости «притомить» подчинившего себе человека беса либерально-демократических воззрений, а к самому образованию у Дамаскина никакого отвращения не было и быть не могло.

Среди братии монастыря были и весьма образованные люди, как, например, иеромонах Матвей, в прошлом профессор Петербургской Духовной Академии, или главный «историограф» монастыря — иеромонах Пимен.

Более того — монастырь сам был школой.

Здесь братия обучалась не только духовной грамотности, но и обычной. Вот ведомость за 1846 год. Братии тогда было 105 человек: 55 монахов и 50 послушников. 11 монахов читали хорошо, 18 — достаточно хорошо, 26 — из-за слабого голоса — в церкви читать не могли. У послушников грамотность была слабее. Хоро-

шо читало трое, довольно хорошо — 24 человека. Тринадцать послушников обучались грамоте.

Впрочем, лучше всего об образовании сказал сам игумен Дамаскин, произнося 20 октября 1865 года поучение братии:

— Отцы святые и братия, покажите делом ваши добрые дела, да видящие их прославят Отца вашего, Иже на небесах. То есть, например, когда будут посетители мирские, не будьте падки с ними много говорить, особенно протягивать руки, что-нибудь принимать от них. Тогда они, мирские, увидят, что здесь не от нужды и не по нужде сидим, но совершенно Бога ради. Если же напротив будем излишне ласкаться к ним и давать им некоторое понятие, что не поделятся ли они чем-нибудь от щедрот своих, тогда мы прямо покажем, что здесь мы сидим по нужде или от нужды — обоюду, от него же входит соблазн. Поэтому и прошу вас, возлюбленные: Бога любите, от мира бегите, в келье сидите. Келья всему добру научит, и сядя в ней Бога ради, никогда не соскучит!

Келья — вот школа игумена Дамаскина.

Господь — Учитель в ней...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Божиим чудом называется то, что удалось совершить игумену Дамаскину за сорок лет настоятельской деятельности. Словно, чтобы вразумить «разбуженное декабристами» население столицы Российской империи, расцветает вблизи нее сиянный Божественным светом архипелаг.

«Теперь на каменистых горах Валаама в обилии растут разных сортов яблони, сливы, вишни, арбузы, дыни и прочее, — восхищенно говорит современник. — По островам стадами ходят никем не тревожимые красивые северные олени. Леса превратились как бы в обширные сады, разрезанные широкими, удобными дорогами. Повсюду видны святые кресты, часовни, дома. Повсюду благоухает богоданная жизнь, повсюду слышится славословие Божие...»

1840 год. Перестройка скита Всех святых, строительство восьми одноэтажных небольших каменных корпусов и ограды.

1847 год. Начало строительства гостиничного дома на 100 номеров.

1849 год. Строительство в скиту Всех Святых двухэтажной церкви по проекту А. Горностаева.

1853 год. Строительство церкви Николая-чудотворца на Крестовом острове, переименованном по этому случаю в Никольский.

1855 год. Строительство церкви во имя святого Александра Свирского и создание Александро-Свирского скита на Святом острове.

1856 год. Строительство Странноприимного дома.

1858 год. Строительство двухэтажного корпуса на Никольском острове и создание Никольского скита.

В этом же году началось устройство Предтеченского скита на острове, называвшемся Серничаном... Для этого из Старой Ладogi перевезли на Валаам деревянную полуразрушенную церковь, выстроенную еще при царе Алексее Михайловиче. Ту самую церковь, которую воз-

вели в монастыре Василия Кесарийского валаамские иноки, уцелевшие после шведского разорения в 1611 году.

Тут, видимо, надо прервать схожий с размеренной поступью богатыря-гиганта перечень строителей, осуществленных игуменом Дамаскиным, и сказать, что он не только проявил себя мудрым наставником, решительным и вместе с тем осмотрительным руководителем, способным поддерживать и развивать отношения с влиятельными людьми и жертвователями, но и обнаружил, что ясно слышит то, чего другие не слышат; прозирает то, что остальным не дано видеть.

Ни архитектурной, ни материальной ценности полуразрушенная церковь не представляла, но хозяйственно-рачительный Дамаскин пошел на достаточно большие траты — перевоз церкви, а кроме того в Васильевском монастыре пришлось отстроить новую церковь взамен — потому что понимал: эта церковь смыкает прервавшуюся связь времен, соединяет прошлое монастыря с настоящим...

К лету 1858 года все работы, связанные с восстановлением церкви, были завершены, и 20 июня высокопреосвященнейший митрополит Григорий освятил храм.

Предшествовавшие Дамаскину валаамские игумены мало обращали внимания на историю монастыря. Как справедливо заметил Н.П. Паялин, «Самым ревностным собирателем древностей, относящихся хотя бы сколько-нибудь к Валаамскому монастырю, был известный своей строгой жизнью приснопамятный игумен монастыря отец

Дамаскин... Его заботливая рука коснулась и библиотеки. Она находилась до отца Дамаскина в запустении. Будучи библиофилом, отец игумен не жалел средств на приобретение различных рукописей и нужных книг для библиотеки.

Он поощрял литературные труды монахов, издавал их, входил в сношения с известными историками по интересующим его вопросам относительно родного ему монастыря. И самой заветной мечтой этого игумена было найти рукописное житие преподобных Сергия и Германа Валаамских Чудотворцев...»

Сколько сил и средств потрачено Дамаскиным на поиски так называемого «делагардиевского сундука с Новгородскими актами», где, как предполагается, находятся и документы, связанные с Валаамскими островами, и который был вывезен в начале семнадцатого века в Швецию.

Но словно на бесчувственные камни натывается это движение души валаамского игумена на чиновничье равнодушие.

Поразителен письменный диалог Дамаскина с Петербургской Духовной Академией.

«Не имея никаких памятников о своем прошлом, — пишет Дамаскин, — мы осмеливаемся нижайше просить Ваше Высокопреосвященство утешить нас возвращением к нам означенных Св. Четвероевангелия и Пролога, так как они не могут иметь особенного значения в археологическом отношении и потому не важны для Академии, для нас же — неоценимо дороги, как единственно родные и священные остатки нашего прошедшего. Молим, святой Владыка, обрадуйте!»

«В Академической библиотеке упомянутые рукописи, — гласит текст резолюции, начертанной тогдашним академиком Лихачевым, — надежнее сохраниться могут».

А как обрадовался Дамаскин, когда в «Православном собеседнике» в 1859 году появилось сообщение, что древнее рукописное житие валаамских чудотворцев Сергия и Германа передано из Соловецкого монастыря в Казанскую Духовную Академию.

Дамаскин буквально закидал казанских архиереев обращениями, прошениями и напоминаниями. И опять началась бесконечная волокита. Архиепископ Казанский и Свияжский препроводил прошение в Академию, а там его положили под сукно.

Дамаскин просил, требовал, умолял...

Житие Сергия и Германа было надобно ему не как исторический раритет, а как живая святыня, из которой можно черпать духовные силы для трудов на благо обители, на благо всей Русской Православной Церкви...

«Тягостно грустно полугодовое молчание Академии на такой важный вопрос монастыря... — пишет Дамаскин. — Умоляю Вас, Ваше Высокопреподобие, благословите ускорить исполнение нашего прошения, с *этим исполнением связан величайший и священнейший интерес монастыря...*» (курсив наш. — Н.К.)

Удивительно, но спокойный и мудрый голос игумена Дамаскина: «Ведь наши древности, находящиеся то там, то здесь составляют как бы одно целое с монастырем...» — по-прежнему актуален сейчас, как и многие годы назад.

Другое дело, что и жизнь игумена Дамаскина, давно уже ставшая неотъемлемой частью истории Валаамского монастыря, сейчас, когда переживает Валаам свое третье возрождение, так же плохо известна, как и та история, постигнуть которую стремился сам игумен Дамаскин...

Еще не достроен был Предтеченский скит, еще не выявился до конца замысел игумена привести в соответствие с небесным устройением топографию монастыря, а уже двинулись из глубины веков святые иноки, словно расслышав гул апостольского колокола, бьющегося пока только в груди Дамаскина.

Рассказывали о видении, бывшем валаамскому иноку.

Шел он по Назарьевской пустыне...

Вдруг вдали послышалось погребальное пение старого образца, гнусавое. Инок, изумленный, остановился. Было это среди белого дня. Вдали из зеленой чащи, залитой солнечным светом, показалось шествие черноризцев в два ряда. Шли они, сложив руки на груди, «образом же были пресветлы и очи имели кротости несказанной»...

Только когда шествие приблизилось к монаху, он увидел, что все черноризцы обрызганы кровью и покрыты ранами.

Там, где прошли они, трава оказалась нетронутой...

К этому же времени относятся первые документальные свидетельства о чудодейственной силе молитвы игумена Дамаскина.

В октябре 1860 года случилось ему быть по делам в Петербурге. Рано утром выехали на тройке с подворья. Путь лежал через Троицкий мост.

Мост — по Неве шли суда — развели, и пришлось долго ждать. Лошади озябли. Когда подняли шлагбаум, они сразу сорвались с места...

Но, о ужас! — оказалось, что шлагбаум подняли слишком рано, еще не сведены были плашкоты. Гибель казалась неминуемой. Однако, «в эту невыразимо ужасную минуту» Дамаскин не растерялся.

Он перекрестил несущихся лошадей, и тут же пристяжная поскользнулась и упала под ноги коренной. Та остановилась.

«Это было просто чудо, даже страшно и вспоминать про эту потрясающую душу картину. Подождав немного, благополучно переехали через мост, только пристяжная лошадь пострадала, потому что ее помяло».

А вот другой случай...

Произошел он 25 мая 1871 года, в день обретения главы Иоанна Крестителя.

В час пополудни игумен Дамаскин выехал на своем пароходе из монастыря на остров Воценой. Не доехали до него верст восемь, как вдруг поднялся шквал. Заревел, засвистел ветер. Вода поднималась пылью, и в воздухе сразу стало темно. Острова пропали из глаз. В течение получаса переменилось четыре ветра. Шкипер растерялся, не зная, что делать...

Положение усугублялось тем, что пароход буксировал большую лодку, нагруженную рабочими. Все они кричали от испуга. Необыкновенно сильный гром с треском разрывал небо над головой. Страшные молнии освещали темную воду... Волны подымались и рвались на пароход.

Шум разбушевавшейся стихии, крики людей сливались в одно.

И вот, посреди этого разгула стихии, посреди криков о помощи, игумен Дамаскин как бы на минуту погрузился в себя, потом перекрестился и начал ограждать крестным знамением все четыре стороны. Погода начала стихать и совершенно стихла... Благополучно возвратились в монастырь.

Будучи простым иноком, семь лет провел Дамаскин в пустыни. Немало потерпел здесь от искушений бесовских... Нередко в осенние ночи являлся к нему враг в виде исходящего из озера с растрепанными волосами человека... Иногда враг нападал, нагоняя уныние и скуку. Молитвою и крестным знамением оборонял себя инок Дамаскин.

Молитва и крестное знамение защищали и игумена Дамаскина.

Его административно-хозяйственная деятельность — тоже непрерывная молитва, славящая Творца, и дивную красоту этой молитвы доныне хранит Валаам.

«Благодарение Богу — собор наш украсился вполне; засеребрились прежде мрачные его главы и купола, и очерневшие доселе кресты его великолепно заблистали золотом. Радостен он, когда в золоте крестов и в серебристых главах играют лучи солнечные и обливает их тихим сиянием луны, и по ним бегут светлые облака. Величественен, когда повивает их белым густым туманом и когда отражается в них синева небес. Во всех переменах времени, днем и ночью, собор прекрасен, и наполняет радостию сердца всех нас».

Это не стихотворение в прозе. Это письмо игумена Дамаскина В. М. Никитину, купцу, с помощью которого золотились кресты и серебрились купола соборного храма.

Великая тайна Дамаскина в том и состояла, что он возвышал жертвователей до своей молитвы, делал их участниками этой молитвы...

1858 год. В главном монастырском заливе, на отвесной гранитной скале противоположного от монастыря берега, вырублен футшток для производства наблюдений над уровнем воды в Ладоге.

1859 год. С первого января заведены на Валааме ежедневные наблюдения за колебанием воды Ладожского озера. Они велись непрерывно восемьдесят лет до первого декабря 1939 года.

1863 год. Выстроено и оборудовано каменное здание водопровода и слесарно-механических мастерских. В войну 1939 — 1940 гг. это здание было сожжено и разрушено, сам водопровод испорчен.

1871 год. Выстроен каменный дом для рабочих с конюшнями для лошадей и сеновалом.

1877 год. Устроена каменная гранитная лестница к паровой пристани в 62 ступени, а также и чугунная решетка с гранитными столбами по берегу главной площадки пред святыми воротами.

На крутой скале, возвышающейся над Монастырской бухтой, вырос водопроводный дом. В нем поместилась водоподъемная паровая машина, кузница, столярка, литейная мастерская, мельница, прачечная... Вода поднималась из колодца, соединенного трубой с проливом. По трубам, проложенным в туннеле, вода подавалась во все жилые монастырские помещения, на кухню, в погреба, в хлебную и больницу.

Приобретаются, вопреки сопротивлению финских властей, старые монастырские острова.

Остров Суска-салми становится островом Святого Германа.

Остров Пуутсари — островом Святого Сергия.
Воссинансаари — Тихвинским.

В 1867 году остров Лембос преобразился в Ильинский остров. Здесь вырос деревянный храм и Ильинский скит.

В 1870 году, недалеко от пустыньки, где в совершенном уединении семь лет работал Господу немолчною молитвою и строгим постом инок Дамаскин, вырос Коневской скит. 25 сентября освятили деревянный храм во имя Коневской иконы Божией Матери.

В 1873 году устроен скит святого преподобного Авраамия Ростовского. 9 октября здесь освящена деревянная церковь.

В этот же год для монастырского соборного храма на заводе госпожи Стуколкиной в Санкт-Петербурге отлили тысячепудовый колокол. В память святого Апостола, водрузившего на Валааме крест, назван был этот колокол Андреевским.

Дивной была работа литейщиков... На колоколе разместились барельефы Святой Троицы, Преображения Господня, Успения Божией Матери, святителя Николая, преподобных Сергия и Германа и самого святого апостола Андрея Первозванного с крестом, который он установил на Валааме.

Когда колокол подняли на колокольню, услышали и его голос.

«Как от апостола Андрея во всю землю изыде вещание и в концы вселенной глаголы его, —

восхищенно записывал современник, — так и от колокола этого не только на всю Валаамскую землю исходит вещание, но и за пределы озера: в Финляндии и Карелии, за сорок верст слышится звон его, причем всякий верующий, огласившись благодатным звуком его, молитвенно сердцем и умом славит Бога!»

И откликнулись апостольскому колоколу колокола Никольского скита, этого маяка и стража Валаама, вставшего на островке, на отлете, у входа в Монастырскую бухту...

И откликнулись колокола похожего на крепость скита Всех Святых.

И в Предтеченском скиту, суровым утесом, выдвинувшемся в озеро, заговорил колокол...

А следом зазвенели колокола в скиту на Святом острове, где подвизался преподобный Александр Свирский...

В Коневском скиту...

В Авраамиевом скиту, строительство которого только что завершилось...

Неземной гармонией и подлинным величием был исполнен замысел монастырского строительства, затеянного Дамаскиным. Теперь, когда зазвучали колокола, это стало явно всем.

Говорил «Апостол Андрей Первозванный», и откликались на его голос святые ученики и последователи. Ликующе звенели над Валаамом колокола...

Считается, что колокольный звон очищает воздух... Перезвон валаамских колоколов очищал воздух нашей истории. Трудно удержаться и не процитировать еще раз слова профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии

А.А. Бронзова, сказанные им в начале двадцатого века о валаамских святых и подвижниках.

«Их имена, относящиеся почти исключительно к прошедшему столетию, конечно, ничего не говорят людям, неизвестным с историей Валаама... А если бы они были широко обнародованы, вызвали бы массу подражаний, кто как мог бы, конечно, уподобиться этим великим героям духовным. О таком опубликовании следовало бы, очень следовало бы позаботиться не ради самих подвижников, которые вовсе не нуждаются, разумеется, в людском их прославлении, а ради — повторяю — того благотворного влияния, какое их высокая жизнь могла бы оказать и оказала бы на массу народную. Ей обычно суют разные глупые просветители биографии безмозглых Марксов, Прудонов, Бебелей, Каутских, Лафаргов, Кропоткиных и т. п. с придачей пресловутых Толстых, Михайловских и пр. Хорошему — нечего сказать, — научат да уже и научили эти господа! А биографии Валаамских подвижников научили бы только добру, любви христианской, терпению, воздержанию, прощению, нестяжательности, трудолюбию, терпению, послушанию... И жизнь «мирская» в конце концов устроилась бы совсем иначе, бесконечно лучше. Легче всем бы и дышалось. Не знали бы хулиганства и людского озверения. Ложь не была бы возведена даже в принцип в жидовских и жидовствующих листках и изданиях».

В этом высказывании можно не согласиться лишь с утверждением насчет подвижников «исключительно прошедшего столетия». Как заметил святитель Игнатий (Брянчанинов): «Во все

исторические просветы, в которые от времени до времени проявляется существование Валаамского монастыря, видно, что иноки его проводили жизнь самую строгую...»

И примером этому, прежде всего, сам Дамаскин...

Семь лет спасался в пустыни инок Дамаскин.

Сорок лет учил спасаться других... Он шел по пути, проложенному апостолом Андреем Первозванным, преподобными Сергием и Германом Валаамскими, Авраамием Ростовским, Арсением Коневским, Корнилием Палеостровским, Савватием и Германом Соловецкими, Александром Свирским, Адрианом Ондрусовским, Афанасием Сяндемским, Германом Аляскинским...

Вместе с их голосами и его голос звучал в разносящемся по окрестным странам звоне большого Апостольского колокола...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда всматриваешься в схожее твердостью со скалами валаамского архипелага лицо Дамаскина, когда знакомишься со свидетельствами его жизни, прежде всего, поражает абсолютное отречение от своей воли, которое всегда присутствовало в игумене.

Монастырский биограф называет Дамаскина — Иовом XIX века, имея в виду библейского Иова. Если бы ему было известно о том, что первый русский Патриарх и нынешний настоятель Валаамского монастыря — земляки, он бы лишь укрепился в своем сравнении.

«Смирение и самоотречение воли о. игумена Дамаскина были поистине замечательны. Сделавшись настоятелем первоклассного монастыря, игуменом Валаамской обители, мощным главою ее, о. Дамаскин ничем себя не выделяет от братии монастырской. Вместе с братией ходит за общую трапезу, довольствуется общею братскою пищею, одевается одинаково со всею братиею и неуклонно исполняет общее монастырское, молитвенное церковное правило...»

Никогда Дамаскин не спрашивал себе ничего определенного из пищи, всегда довольствовался тем, что дадут.

Известен такой случай. Подали обед, игумен пообедал, а потом выяснилось, что пища была несолена.

— Батюшка! — говорили ему. — Что же вы не посолили или не приказали посолить?

— Не скорбите, дети... — отвечал престарелый настоятель. — Видно так Богу угодно было, чтобы я несоленое ел...

В абсолютном самоотречении от своей воли и заключен, может быть, главный «секрет» успехов Дамаскина-игумена.

Воздвигая храмы, прокладывая дороги, покупая новые острова, разбивая сады, поучая братию, он как бы самоустраняется, не искажая никаким своеволием Господней Воли.

И это очень важно понимать, потому что некоторые предприятия игумена Дамаскина кажутся обременительными, а порою разорительными для монастыря. Это касается и благотворительности, которой Валаамский монастырь занимался при Дамаскине необычайно широко, и изда-

тельских, и научных предприятий Дамаскина, и его архитектурных идей....

Мы уже говорили о «нерациональной» перевозке на остров полуразрушенной церкви из Старой Ладogi...

Но Дамаскин пошел на «ненужные» траты. Восстановить историческую преемственность ему казалось важнее. Когда в 1873 году одновременно с установкой тысячепудового «апостольского» колокола выстроили скит Авраамия Ростовского, особой нужды у монастыря в этом — еще одном — ските не было. Но игумен все же выстроил скит, потому что ему важно было опираться на молитвенную поддержку и представительство пред Господом всех святых, просиявших в монастыре.

Да и как было обойтись без святого, который «ища же себе места уединеннаго, отыде по реце Волхов и дошед Ладожского озера, где услыша о обители Живоначальные Троице Валаамской, достиже оной...», чтобы помимо всего прочего встать, как мы уже и говорили, на защите истории Валаамского монастыря от недобросовестных исследователей...

Незримо, неприметно для человеческих глаз творятся чудеса Господни, и только когда совершаются они, дивится человек тому, что видит...

Неприметно преобразился Валаам...

Заметили вдруг, что появилось благорасстворение воздуха на островах, и исходящая из скал сырость стала терять губительную пронзительность...

Заметили, что появились на островах горлицы и соловьи, кои никогда не жили здесь....

Еще разительнее преображались души людей на Валааме.

Редко говорил Дамаскин поучения братии, и если и говорил, то говорил просто...

Вот проповедь, сказанная им 31 октября 1866 года в скиту Всех Святых...

— Отцы святии и братия! Надо нам быть благодарным пред Спасителем нашим, и не забывать, с каким намерением мы вступили в Монастырь. Намерение наше было, сколько можно быть подражателями угодивших Господу. Спросим, чем они угодили? Знаем, смирением, постом и бдением, они алкали и жаждали, и все беды претерпевали, ради Царства Небеснаго. И нам, возлюбленным, не надо ли о себе подумать. Мы живем в покое и всем обеспечены, и все у нас готово: пища, одежда, келья, дрова, словом, всем успокоены. То и осталось нам грешным быть благодарным пред Создателем нашим, молить милосердаго Господа за наших благодетелей, и смирять себя пред Богом и пред всеми людьми.

Так просты, так незамысловаты поучения игумена, что и проповедями их трудно назвать...

И утешал братьев игумен Дамаскин тоже по-своему...

— Из одной книги возьмет цветочек, из другой... Смотришь, а скорби, как не бывало. Точно туча прошла...

Так рассказывали уже после кончины игумена валаамские старцы.

И всегда добавляли:

— Всех нас вырастил...

То, что удалось совершить благодаря молитвам и неустанным трудам игумена Дамаскина,

точнее других определил профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии А.А. Бронзов.

«Разумею такое место, где жили бы только по-Божьи, только для Бога, где только Бог был бы у людей и на уме, и на языке, — где, поэтому, не было бы ни злобы, ни зависти, ни недоброжелательства, проявлений грубого эгоизма, гордости и прочих подобных страстей и пороков.

Такое место было бы раем земным. И оно существует. Это — Валаамская обитель».

И еще...

«На Валааме приходится лишь смотреть, удивляться и... поучаться. Каждому посетителю становится просто стыдно за свою лень».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мы уже рассказывали, какую роль в судьбе Дамаскина сыграл святитель Игнатий (Брянчанинов) в бытность свою благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии.

Но отношения между подвижниками Русской Православной Церкви не прервались и после того, как Игнатий (Брянчанинов) был возведен на епископскую кафедру и перестал непосредственно заниматься Валаамским монастырем.

Можно говорить уже о влиянии, которое оказывал Дамаскин, или, вернее, Валаамский монастырь, созидаемый им, на судьбу святителя Игнатия (Брянчанинова)... Можно говорить и о том благотворном влиянии, которое оказывал святитель на созидание Валаамского монастыря. Говорить о том, как вливалось

серебро святительского голоса в расплавленную, колокольную медь...

Сохранилась переписка Игнатия (Брянчанинова) и Дамаскина, и когда перечитываешь эти письма, возникает ощущение, словно слышишь голоса, несущиеся откуда-то из заоблачных высей...

«...В тихой обители преподобных Сергия и Германа тихо; подначальных из духовного и светского звания — слава Богу! — нет; братья проживают мирно, — пишет игумен Дамаскин. — Отец Герман помаленьку привыкает благодушно переносить свою скорбь. Отец Ионафан определен на днях в монастырского казначея, отец Макарий — в братского духовника вместо отца Игнатия, скончавшегося в больнице в С. Петербурге в 1860 году. Схимонах Сергей и Серафим отошли ко Господу. Монах Ириной, бывший келлиарх, безмолвствует уже другой год на Предтеченском острове...

В радостные дни благочиния Вашего, Владыко, на острове св. Предтечи хлопотал я поставить деревянную церковь Преображения Господня, которая построена была в первой половине XVII столетия в Васильевском погосте близ Ладоги, иноками Валаамского монастыря, удалившимися тогда из обители, разоренной войсками Де-ла-Гарди. Теперь она поставлена... На острове находится несколько пустынных деревянных келий, в одной из них и безмолвствует монах Ириной, в другой подвизается схимонах Феоктистский, прочие ожидают ревностных обитателей, которые благодаря Господа, уже и есть в виду. Так на

этом острову воскресает пустынный скит, находившийся, должно быть, на нем во дни преподобного Александра, от чего и самый остров, думаем, назывался прежде монашеским.

На Никольском острове, при церкви Святителя Николая, построенной иждивением Солодовникова, отстроен теперь каменный двухэтажный дом — четвертый скитский рассадник после скитов: Большого, Свято-Островского и Предтеченского. В нем под покровом святителя посажено также несколько духовных леторослей.

Так Валаамская обитель пустила несколько пустынных ветвей. Благодать Всеблагаго да сохранит их и да возрастит в великие деревья! Впрочем, делаю, что благопоспешает милосердый Господь; дальнейшее в Руце Божией!

...Простите, святой Владыко, что затруднил Вас моим письмом: любвеобильное вопрошение Ваше вызвало все его содержание.

Характер радостей и скорбей выражен Вами прекрасно; небольшой искус моей маленькой невнимательной жизни убеждает меня в верности его выражения. Скорби, действительно, величайшая Благодать Божия; они источник главнейший духовной мудрости и нравственного совершенства. Если кого хочет Господь преумудрить, то послет на него присно печали. Чаша скорбей — чаша Господня и подается возлюбившим Его, как залог вечного, блаженного упокоения»...

«Часто помышляя о том, сколько душеполезно окончить жизнь в уединении, вдали от

почестей, в покаянии и плаче, переношусь мыслию к Валааму, — отвечает святитель Игнатий (Брянчанинов), — и ощущаю в душе стремление к его величественным пустыням; но в состоянии моего здоровья вижу непреодолимое препятствие к исполнению моего желания.

Вы спрашиваете о моем здравии? Только ныне летом начал чувствовать некоторое облегчение от болезни, так сильно было мое расстройство во всем организме. До сих пор принимаемая лекарства и обильно употребляемые воды минеральные производили только расслабление и гнали золотушную и ревматическую мокроту, которой из меня вышло много ведер. Нет надежды, чтоб я получил полное выздоровление по преклонности лет моих, но и облегчение уже должен признавать великою милостию Божиею.

С особенною приятностию читал я преуспевание святой обители в материальном отношении. Конечно, она при наружном развитии устрояется и духовно, несмотря на слабость сил душевных и телесных современного поколения. Не без причины Промысл Божий попускал Вам много опытов, из коих иные были очень горьки. Полагаю, что Вы сами теперь замечаете, что образ правления Вашего много изменился и усовершенствовался: почему и духовное воспитание и окормление братства должно произносить более... существенных плодов...

Мой архиерейский дом очень похож на скит, кругом в садах и рощах. Вид из моего кабинета несколько напоминает вид на гору за губою из

тех келлий Валаамского монастыря, в которых я останавливался.

Живу уединенно, и должен благодарить Милосердного Бога за бесчисленные милости, на меня излинные.

Призывая на Вас благословение Божие и паки благодаря Вас за письмо Ваше, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть...»

К сожалению, не все письма игумена Дамаскина сохранились, и о содержании их можно догадываться только по письмам святителя Игнатия (Брянчанинова).

Любопытно проследить, как постепенно меняется взгляд святителя на такие важные предметы, как, например, Валаамский устав.

Мы упоминали о суровом и категоричном мнении архимандрита Игнатия, изложенном в отчете о результатах ревизии Валаамского монастыря:

«Устав, принятый церковью, есть устав Лавры Саввы Освященного, Валаамский устав есть список с Саровского сочинения какого-то иеромонаха Исаакия... Великие Российские светильники: Антоний, Феодосий Печерские, Сергей Радонежский не выдумывали своих уставов!.. В южных обителях Площанской, Оптиной, Белых берегах, Софрониевой, Глинской церковный устав наблюдается с точностью подобно Киево-Печерской Лавры. Сии обители, кроме Софрониевой, отставая средствами к содержанию от Валаама, чином церковного богослужения,

чином трапезы, чином послушания, далеко опередили Валаам; вознесоша свой устав превыше всего, и им превознесишсь выше всех, валаамцы отступили от единства церковного...»

И вот прошло двадцать три года...

«Всеблагий Бог, по неизреченной милости Своей, даровал мне то, чего я давно искал и о чем всегда помышлял. Общежительный монастырь святителя Николая, именуемый Бабаевским, послужил мне тихую пристаню после продолжительного и опасного обуревания в житейском море.

Обитель эта очень уединенна, на весьма здоровом, сухом месте, с превосходными водами. Братство — простое и с монашеским настроением... Устав монастыря схож на валаамский: ибо порядок здесь введен настоятелем, воспитанником Саровской пустыни. По времени этот порядок несколько изменен, даже слишком изменен другими настоятелями. Мне хочется в некоторой степени, наиболее в духовном отношении, восстановить Саровский устав. По сей причине утруждаю Вас покорнейшею просьбою: прикажите переписать для меня Валаамский устав, не славянскими буквами, но скорописью, мне бы переписано было верно, без ошибок и пропусков (подчеркнуто нами. — Н.К.)...

Епископ Игнатий».

Конечно, можно было бы объяснить перемену взглядов Игнатия (Брянчанинова) на Валаамский устав тем, что в первом случае он являлся

проверяющим и выражал официальную, синодальную точку зрения на любую русскую старину, а письмо пишет уже, как устроитель отдельного монастыря. Отчасти это справедливо, но только отчасти. Не случайно ведь святитель завершает свое предельно-деловое письмо сокровенными словами о человеке, которому Бог дарует время и способ к покаянию.

Еще резче обозначилась перемена, произошедшая в святителе Игнатии (Брянчанинове), по отношению к валаамскому пению.

«Ревнители устава Валаамского сохраняют и сию святыню во всей нерушимости: дерут отвратительно в нос без всякого согласия и чина, столько свойственных церкви — сем земном небе», — писал он в 1838 году.

Теперь он пишет иначе... «Тоны этого напева величественны, протяжны, заунывны; изображают стоны души кающейся, вздыхающей в стране своего временного изгнания о блаженной желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого. Так! Эти самые тоны, а не иные, должны раздаваться в этой обители, которой самые здания имеют образ темницы, жилища, назначенного для рыданий, для душ важных и глубоких, для размышлений о вечности. Эти тоны — в гармонии с дикою, строгою природою, с громадными массами гранита, с темным лесом, с глубокими водами».

Подобные перемены объяснить только изменением служебного положения невозможно. За ними — работа души, превратившая религиозно, мистически настроенного молодого аристократа в великого святителя.

Путь святителя Игнатия (Брянчанинова) достаточно необычен.

Он происходил из дворян, получил прекрасное домашнее образование, учился в главном инженерном училище в Петербурге, где обратил на себя милостивое внимание великого князя Николая Павловича — будущего императора Николая I.

Перед Дмитрием Брянчаниновым открывалась блистательная карьера, и он непременно бы совершил ее, если бы не решил еще в детстве уйти в монастырь. В восемнадцать лет, выпущенный из училища в звании инженер-прапорщика, будущий святитель объявил родителям о своих планах.

От ухода в монастырь тогда его удержал сам государь, но прошло еще несколько лет, и Брянчанинов осуществил свое намерение. В 1831 году он принял монашеский постриг.

Однако суета мира, от которой стремился укрыться он, и за стенами монастыря не оставила иеромонаха Игнатия. По указанию государя он был возведен в сан архимандрита и назначен игуменом Сергиевой пустыни под Петербургом.

Из писем святителя видно, как угнетала его необходимость участвовать в суете дворцовой жизни. Игнатий (Брянчанинов) стремился уйти от внешнего православия, к православию внутреннему, подлинному. И он прошел свой путь, невзирая на все соблазны и препятствия. Помимо внешних препятствий на этом пути ему приходилось преодолевать и препятствия внутренние, образованные самой системой заложенного в нем воспитания.

Какую гигантскую работу пришлось проделать для этого, видно из писем святителя...

«В то время душа моя была омрачена пагубным развлечением, — пишет святитель. — Сердце грубело в ожесточении и нечувствии неизбежных свойств сердца, при отсутствии покаяния. От покаяния рождается умиление; умиление освещает клеть душевную, внося в нее свет духовный от Света Христа. Не было этого света в душе моей, — нет его и теперь. Уединение дает, по крайней мере, возможность вспомнить о его существовании. Одно воспоминание о Свете уже просвещает!»

Мы знаем из письма архимандрита Игнатия (Брянчанинова), от 25 сентября 1855 года, что он обдумывал и обсуждал с Дамаскиным возможности и условия перехода его в Валаамский монастырь.

«Посему предоставив Самому и Единому Господу исполнить во благих желание раба Его и устроить мою судьбу по святой Его воле, с моей стороны считаю существеннейшею необходимостью для благаго начала и окончания этого дела войти в предварительное объяснение, а за объяснением и соглашение с Вами, отец игумен. Как лично я Вам говорил, так и теперь повторяю, что все доброе, все душеполезное, которое по милости Божией может произойти от сего начинания, вполне зависит от нашего единодушия о Господе, то есть единодушия Вашего и моего...»

Во-первых, скажу Вам, что из всех известных мне настоятелей по образу мыслей и по

взгляду на монашество, также по естественным способностям, более всех прочих мне нравитесь Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным как я Вам, так и Вы мне, давно известны. Сверх того, я убежден, что Вы не ищете никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхочет продлить дни Ваши.

Далее: как я выше сказал, по моей болезненности долговременной и сообразно ей сделанному навыку, я выхожу из келлии только в лучшие летние дни, а в сырую погоду и холодную пребываю в ней не исходно: то посему самому жительство в скиту было бы для меня более сродным и удобным. Самая тишина скита, в которой навсегда воспрещен вход женскому полу, совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению...

При Вашей опытности, Вам понятно, что вслед за помещением моим в скит, многие захотят в оный поместиться. Следовательно, если Вам внушит Господь расположение поместить меня в скит: то необходимо Вам снизить немощи моей и может быть и других, подобных мне немощию. Испытав себя, я убедился, что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в разслаблении...

Поелику же Вам безызвестно, что суббота, пост и прочие внешние подвиги и наблюдения установлены для них, то не заблагоразсудите ли ввести в скит Валаамский постановления

Оптинского скита, основательность которых и благоразумная сообразность с немощию настоящего поколения доказывается тем, что Оптин скит — изобилует избраннейшим братством, весьма много способствующим к цветущему благосостоянию скита и самого монастыря. Это избранное братство состоит из нескольких настоятелей, живущих на покое, и из нескольких лиц образованного светского круга. Будучи слабее телосложением, нежели простолудины, они неспособны к сильным телесным трудам и подвигам, за то способнее к подвигу душевному и к занятиям, требующим умственного развития...

Если нынешняя братия Валаамского скита, состоящая единственно из простолудинов, не в состоянии поддерживать силы свои исключительно растительною пищею, а для укрепления сил своих стремится к трапезе монастырской, то для истощенного моего телосложения и для телосложения людей неясного воспитания, питание одною растительною пищею вполне невозможно...

Общежитие Валаамское должно оставаться надолго в настоящем виде: оно необходимо для натур дебелих, долженствующих многим телесным трудом и телесным смирением, косно, как выражается святой Иоанн пророк, ученик Великаго Варсонофия, войти в духовное, или, по крайней мере, душевное делание. В материальном отношении братия Валаамского монастыря снабжены несравненно обильнее вышеупомянутых общежитий и одеждою,

и пищею. В Пасху там братия не кушают такой ухи, какую кушают Валаамские иноки в обыкновенный недельный день, также и одеждою братия Валаамскаго общежития снабжены гораздо удовлетворительнее, нежели братия означенных общежитий.

Начертав пред Вами состояние Валаамскаго монастыря и скита, какими они представляются моим взорам — взорам, впрочем, очевидца их — я перехожу теперь к начертанию моего грешнаго и недостойнаго лица пред сими св. Обителями. Вам известна моя немощь, — мое происхождение и нежность воспитания. Для них принятие и того устава, который я Вам предлагаю по образцу скита Оптина, есть уже великий подвиг и распятие...

Все сие представляя на благоусмотрение Ваше, прошу Вас снизить моей немощи и единодушных со мною братии, которым подвигов общежития не понести, и которые могут понести подвиг скитский, по растворении его благоразумною умеренностию...

Бог является простоте и смирению и нельзя соединить служение Ему со служением славе человеческой.

Чувствую себя, по приезду в свой монастырь, столько же немощным, как чувствовал в бытность мою в святой обители Вашей. Но при удалении моем от должности и при перемещении в уединение Вашего скита, может быть, по особенной милости Божией, дастся мне время на покаяние и я потянусь несколько годов. В таком случае Валаамский скит может понаселиться расположенными ко мне инока-

ми, как населился Оптин при пришествии туда о. Леонида.

На сие письмо мое покорнейше прошу ответа Вашего, сообразно ему буду заботиться о дальнейшем устройении сего дела. С понедельника думаю отправиться в Ладожский монастырь недели на три.

Вашего Высокопреподобия
Всепокорнейший послушник
Подлинное подписал
Архимандрит Игнатий

25 сентября 1855».

Разумеется, Дамаскин готов был пойти на послабления для такого насельника, коим стал бы архимандрит Игнатий, и пошел бы, но Господь назначил другой путь святителю.

И, в общем-то, можно понять, почему не попущено было, чтобы расколота православная Россия, хотя бы в лице святителя Игнатия (Брянчанинова), воплотившего в себе культуру дворянской России с ее горными вершинами и пропастями порока, с ее благородством и вольнодумством, с ее самоотверженностью и гордыней, соединилась с Валаамом, олицетворяющим народную Россию, оболганную на Церковных Соборах XVII века, униженную петровскими реформами, но и в униженности, в оклеветанности сохраняющую православие, как единственное богатство свое...

О если бы встретились эти две России!

Увы... Не было на то Божией воли...

И не могло быть, потому что — это и видно из письма святителя! — пока искался путь внешний, пока для соединения оговаривались внешние уступки и послабления, а соединение такое может быть только внутренним, соединением в самых сокровенных глубинах души....

В каком-то смысле весь земной путь святителя Игнатия (Брянчанинова), с его епископским служением, с его литературными работами, с устройением Никольского Бабаевского монастыря — это путь к внутреннему соединению с православием народной России. А оно с каждым годом все яснее и яснее олицетворялась для святителя Игнатия с Валаамским монастырем, с его игуменом Дамаскиным...

*«...Спаси Господи за приглашение на Валаам! Нет, **родной** (подчеркнуто нами — Н.К.) мой! Видно я простился навсегда с Валаамом, так сужу по болезненности моей. Надо собираться в путешествие иное уже не по водам, а по воздуху. На все свое время и за все слава Богу! — пишет святитель Игнатий игумену Дамаскину 27 февраля 1862 года. — Здесь вводим многое по Валаамскому и Саровскому образцу. Столбовое пение заведено; откровение помыслов старцам заводим, особливо для новоначальных, старожил же не принуждаем...»*

Последнее письмо Дамаскину святитель Игнатий (Брянчанинов) написал за год до своей кончины. Он не знал (или знал?), что это письмо последнее, но печаль расставания пронизывает каждую строку его.

«Здоровье мое было потрясваемо с детства многими тяжкими потрясениями, а потому в старости не может уже поправиться, и постепенно разрушается более и более. Особливо истощание сил — необыкновенное! По этой причине почти не выхожу из келлий и ничем не занимаюсь. Взирая на окончательную участь многих знакомых и родственников, проводивших жизнь среди мира в служении ему и внезапно восхищенных смертью, благодарю Бога, приведшаго меня в монастырь. Хотя в монастыре живу весьма недостаточно, но в миру наверно жил бы еще хуже, и, занявшись суетностью, не получил бы никакого живаго понятия о Боге...»

И сразу же следом, как будто не имеющая отношения к этим высоким рассуждениям, но тем не менее прямо вытекающая из них, чисто-деловая информация:

«Родственная Валааму Саровская пустыня приняла с особенною благосклонностью «Аскетические опыты». Туда выписано одиннадцать экземпляров...»

Аскетические опыты — главный труд земной жизни святителя Игнатия (Брянчанинова). Точно так же как возрожденный Валаамский монастырь — главный труд жизни игумена Дамаскина. Святитель как бы подчеркивает внутреннюю родственность этих главных трудов.

И абсолютно логично, после этого, звучит приглашение Дамаскину посетить Бабаевский монастырь...

«Если вздумаете посетить Бабаевский монастырь, то я желал бы, чтобы Вы пожаловали

в то время, как собор будет окончен вчерне, что, уповаю, совершится в лето 1867 года...»

Поразительно, но хотя тут же святитель Игнатий приводит объяснение, почему назначена эта дата: «Желаю сего с тою целию, чтоб Вы, увидав в натуре сие здание, воздвигли подобное еще в лучшем виде на горах Валаамских», — это пояснение никак не отменяет того факта, что по сути дела, святитель пригласил игумена Дамаскина на свое — он почил о Господе 30 апреля 1867 года — отпевание, на поминавание себя....

Этим он и завершил свое прощальное письмо:

«Поручая себя святым молитвам Вашим и вверенного Вам братства, призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий

7-го марта 1866 года.

Мой адрес: в Ярославль, а не в Кострому».

То есть доезжать надо до Ярославля, а не до Костромы...

И на этом и надо бы завершить главу, посвященную отношениям игумена Дамаскина со святителем Игнатием (Брянчаниновым), но невозможно не привести тут еще одно письмо святителя от 4 февраля 1864 года, которое может служить образцом святительской прозорливости и попечения...

Исполнение советов, данных в этом письме, помогло Валаамскому монастырю устоять и в страшные годы революции.

«Вам нужно особенно озаботиться о том, в какое положение будет поставлен Валаамский монастырь при настоящей реформе в Финляндии. При таких реформах обыкновенно всякая страна заботится о том, чтоб упрочить основания своей национальности, то есть чтоб народ сохранил свой язык, свои обычаи, свою религию, и по этой причине всегда пребыл бы отдельным народом. С стремлением упрочить свою религию естественно соединено стремление уничтожить влияние других религий на свою страну. И потому Вам необходимо, насколько не медля, самим лично побывать в том месте, где происходят совещания, и мерами любви склонить, чтоб Вам была открыта мысль о православных обителях. Затем такими же мерами любви склонить совещающихся лица, чтоб они не сделали ничего отяготительного для обителей. Иногда какая-либо безделица может быть чрезвычайно отяготительною и расстроить не только спокойствие, но и благосостояние монастыря. Гораздо лучше обделывать такие дела соглашением, нежели столкновением. При том, когда все будет утверждено высшею властью, тогда трудно, а может быть и невозможно что либо изменить.

О себе скажу Вам, что благодарю и славлю Господа за настоящее мое положение. Чем более живу в устраниении от шумного и суетного мира и дел его, тем более и более чувствую, что дух мой успокаивается. Слабость телесных сил постепенно умножается, почему из комнат выхожу очень редко; иногда служу, но глас мой едва слышен по причине ослабления

*груди и легких, а длинных молитв на молебнах
вовсе и читать не могу. На все свое время. Вре-
мя **начинать** земное странствование; время
быть на **средине** его и время **оканчивать** его...*

*Вашего Высокопреподобия
покорнейшим слугою
Епископ Игнатий 4-го февраля 1864 года».*

И словно эхо святительского голоса, словно ответ на его предостережения и прозрения звучат записи, сделанные летописцем Валаама, монахом Иувианом (Красноперовым) в роковые для истории Валаама и всей России послереволюционные годы...

«10 февраля 1919 года. Получено письменное извещение от преосвященного Финляндского Серафима об убиении преосвященнейших архипастырей: митрополита Киевского Владимира, архиепископа Черниговского Василия, епископов: Саратовского Гермогена, Пермского Андроника, Орловского Макария, викария Новгородского Варсонофия, викария Нижегородского Лаврентия, Забайкальского Ефрема, викария Вятского Амвросия, викария Ревельского Платона и викария Рязанского Исидора, жившего на покое в Валаамском монастыре в 1911 г.

Великою скорбью поразило сердце наше, когда мы узнали об убиении этих архипастырей. Страшно становится за дальнейшую судьбу русского народа, допустившего такое злодеяние на Руси, когда-то святой, а ныне зело грешной, — злодеяние, которому нет названия и соответствующей законной кары, ибо в русском кодексе

даже не предусмотрено убийство архиерея, т. к. составители российского свода законов вовсе не допускали возможности подобного злодеяния.

До праха земного преклоняясь пред мученическим подвигом преосвященнейших архипастырей, страдальчески венчавшихся, мы мним имети в лице их новых священномучеников и предстателей за их родину земную.

Они пошли на эти страдания и даже на смерть за гонимую св. Церковь, послушные зову Святейшего Патриарха Тихона... В начале мая на Валаам прибыло двое иноков из разоренного большевиками Александро-Свирского монастыря: нет слов к выражению негодования по поводу тех кощунств и надругательств, что творят большевики на Руси.

История должна будет отметить одну ужасную черту современной нам всемирной войны, как прогресс бесчеловечия того народа, который явился виновником этой войны: это сатанинскую бессовестность немцев. Ибо только немцы додумались до такого дьявольского плана, как победить врага посредством отравления его души, убить народную душу, подменить идеалы народа, заразить его самыми губительными учениями, дабы сделать его негодным для дальнейшей государственной жизни. И вот последствия такой сатанинской войны налицо: наша армия и флот, наша учащаяся молодежь отравлены безумными учениями социализма в самых крайних его видах — солдаты кощунствуют над родными святынями православия, убивают архипастырей и пастырей, попирают все законы и творят разные бесчинства, их же и не лет есть

глаголати. Россия совершает над собою самоубийство. Россия добровольно хочет исчезнуть с лица земли. Русский народ — народ, которому один из лучших сынов его дал имя “богоносца”, — этот народ будто испил яду из отравленной чаши, вдруг в лице немалой части своих сынов отрекся от Христа, превратился в лютого зверя, обезумел, скажу сильнее — осатанел, и слов нет на бедном языке человеческом, чтобы выразить то, что случилось с нашим русским человеком...

Воистину нет пределов падению души человеческой!

Страшна была для всех врагов святая Русь, пока она была верна Господу Богу, но как только она отвратилась от родной веры, от родных заветов, допустила отравить насмерть душу народную, и вот теперь она умирает, Россия гибнет, Россия прогневала Господа Бога отцов своих и удивляет мир своим самоубийством!..

Так совершается суд Божий над нами, грешными. Но праведен Господь, и страшны будут суды Его и над бессовестным врагом нашим.

11 мая отправлены в Финляндское церковное управление, бывшую духовную консисторию, прошения лиц, приемлющих финляндское подданство, и таковые же прошения пожелавших остаться в родном российском подданстве: первых набралось 71 человек, а вторых — 189. Подписка в местное подданство продолжалась целых три месяца, с 9 февраля и по 9 мая, и дала в результате 71, подписка же в русское подданство длилась только три дня, с 6 по 9 мая, и дала 189. Факт этот красноречивее всяких слов ясно и определенно говорит сам за себя!

Сего же числа, по предложению епископа Серафима, отправлено на содержание Финляндского архиерейского дома пять тысяч финских м. и гербовых пошлин на оплату прошений в подданство и о разрешении проживать в монастыре в состоянии российского гражданства 4160 ф. м. При предоставлении сих прошений в Финляндское православное церковное управление (бывшая духовная консистория) выяснилось, что монашествующие от уплаты сих пошлин освобождены, поэтому указанные выше 4160 ф. м. платить монастырю не пришлось.

11/24 июня, лютеранский Иванов день. По случаю этого праздника местный гарнизон украсил национальными флагами всю местность от паровой пристани до конюшенного здания. Подъезд главной гостиницы был декорирован флагами и зеленью. Было до 200 приезжих финнов, которые всюду гуляли и занимались зрелищем олимпийских игр, устроенных местными солдатами. Торжество в общем прошло корректно и мирно.

19 июня прибыл иеромонах Исаакий Трофимов, с громадным риском пробравшийся через границу, и поведал нам много сведений, совершенно необычных для нас, из жизни «Совдепии», возглавляемой большевиками.

Большевистский фронт приблизился к нашей местности, ибо большевиками взяты уже Видлицы и прилегающие к этому селу местности; гром артиллерийского сражения уже достигает Валаама, мощно потрясая воздух, наподобие отдаленного грозного рокота.

24 июня в два часа утра насельники Валаама были разбужены громом орудийных выстрелов,

неслыханной доселе силы. Грохот выстрелов настолько был силен, что напоминал подобие грома. Утро было пасмурное и туман густою пеленою покрыл весь остров. Казалось, что за Предтеченским островом происходил ожесточенный артиллерийский поединок. Жутко было слышать эти оглушительные выстрелы невидимых для нас противников...

17 сентября автор этой летописи ходил в Никонно, к мысу «Красная щель», с западной стороны о. Валаама наиболее вдающемся в озеро. Здесь финляндским правительством, как и на Авраамиевском острове, строится батарея для 6 или 8-дюймовых орудий. В Красной щели работают до 70 человек, получающих ежедневно от 30 до 50 марок, на своей пище. Работы производятся внушительные. По беглому осмотру эта батарея будет защищать подступы к Финляндии... от России. Какая злая ирония судьбы! На устройство батарей в Карельском перешейке, куда именно входят Валаамские острова, правительством Финляндии ассигновано 50 миллионов финских марок...

К половине сентября качество пищи у нас настолько улучшено, что ощущение голода утратилось совсем. Как результат улучшения пищевого довольствия является очень малый процент больных: последних в данное время находится в монастырской больнице всего восемь человек, включая сюда находящихся на излечении хроников и престарелых. Слава и благодарение Господу Богу, не оставляющему нас Своими богатыми милостями!

Нынешняя осень богата северными полярными сияниями, которые начались с 20 августа:

этого числа было великолепное северное сияние в виде огромной радуги, покрывавшей собою всю северную часть небосклона; это сияние повторилось затем неоднократно в следующие ночи. В ночь на 19 сентября северное сияние опять наблюдалось большой яркости, световой насыщенности и продолжительности. В ночь на 23 сентября северное сияние вновь повторилось и на следующую ночь опять наблюдалось при чрезвычайно редких условиях в очень благоприятных атмосферных условиях: северный небосклон пылал всеми цветами радуги в виде столбов, лучей и световых пятен, противоположная часть неба была освещена луною. Зрелище было чудное и редкое!

29 сентября после долгих мытарств и разнообразных проволочек от финского правительства получены наконец по третейскому суду деньги за разные реквизиции, произведенные в монастыре в разное время. Деньги эти получены в сумме 433 157 финских марок 34 пенни.

31 декабря. Вот отошел в вечность и 1919 год, проведенный нами, как и предыдущий 1918-й, в условиях абсолютного и непрерывного разобщения с Россиею, многих трудов и лишений. В продолжение всего этого года мы также ничего не получали из родной России: ни писем от близких и родных лиц, ни казенной корреспонденции, ни газет и ни иных других сообщений. Из посторонних посетителей также никто не посещал Валаам за это время, кроме одних финнов.

12 января 1920 года истекала вторая годовщина полного разобщения нашей обители с Россиею.

18 января автору сей летописи исполнилось 20 лет непрерывного пребывания его в трудах монастырской письменности в канцелярии Валаамского монастыря.

В ночь на 30-е января настоятель монастыря, возвращаясь из Сердоболя в обитель, едва не погиб на озере, неоднократно проваливаясь вместе с лошастью под лед.

8 февраля вновь возобновлено служение заказных литургий в Успенском храме.

26 и 27 мая прошел небольшой дождь в 120 миллиметров, по случаю чего был совершен благодарственный Господу Богу молебен.

В течение мая 1920 года автор сей летописи производил некоторые изыскания в архиве канцелярии монастыря. *Между прочим посчастливилось найти полностью письма преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова) к настоятелю сего монастыря о. игумену Дамаскину.* Ввиду высокой ценности этой замечательной в истории нашей обители переписки все письма праведного святителя Божия Игнатия выделены в особую папку, кроме того, со всех сняты копии и помещены в особой машинописи, там же помещено благодарственное слово от Валаамской обители святителю Игнатию за все его многие и плодотворные труды, подъятые им к духовному совершенствованию и процветанию нашей обители...

Среди настоятелей Валаамского монастыря последнего времени особенно ценностью выделяется переписка о. игумена Дамаскина»...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Разумно, по-крестьянски рачительно, вел Дамаскин монастырское хозяйство, но никогда никакая возможность обогатить монастырь не заслоняла для него главного назначения обители — спасения души насельника.

— Батюшка! — попросил его один из новоначальных монахов. — Позвольте в Петербург съездить. Мне долг надобно привезти.

— Нет... — сказал игумен Дамаскин. — Не надобно тебе ехать.

— Отчего же, батюшка?.. Ведь сто пятьдесят рублей в долгу пропадет. Монастырю они лишними не будут.

— Брат! — сказал Дамаскин. — Да если бы ты мне сказал, что не сто пятьдесят рублей привезешь, а сто пятьдесят тысяч, и то бы я не благословил тебя ехать. Душа твоя, которую ты повезешь в мир, дороже денег. Оставайся, брат, в монастыре. Пусть деньги пропадут, да душа цела останется.

Инок послушался настоятельского совета и остался в монастыре и, пожив полгода, скончался в добром исповедании.

Этой же заботой о душевной пользе для братии проникнуты проповеди игумена Дамаскина.

Они всегда необыкновенно просты и как бы безыскусны, но вместе с тем наполнены глубокою мыслью и согреты теплом великого исповедника...

«Мы идем в монастырь, и по-видимому, оставили мир и яже в мире... Но — увы! — по пристрастию

к ничтожным вещам привязываем себя паки к миру и бывает нам последнее горше первых.

Отчего же так бывает?

Да потому что мы приходим в монастырь подражать житию святых угодников Божиих, но вскоре цель свою забываем, мало-помалу и прежде всего начинает диавол показывать нам чужие недостатки, а себя дает видеть, будто я живу хорошо... Если человек в то время не пойдет к духовному отцу и не откроет своих душепагубных мыслей и оне мало-помалу в нем укрепятся, тогда Бог от него отступает и он весь совершенно отдается врагу, сиречь, диаволу.

Увы! Тогда начинает человек зле созидать то, что прежде добре разорил. Бес лютый закроет тогда ему душевные очи, сядет на гордую выю его — повесит ноги наперед, вложит в уста его гнуздало и управляет им амо же хочет. Начинает он отводить мало-помалу и так тонко, что уму не приобученному невозможно и понять.

Вначале внушает бес своей жертве что-нибудь утаить от денег или вещей. И вот уже одним пальцем и поймал! И совесть человека уже затемнена.

Потом бес внушает причесать головку, а нет так и косу заплести, показаться красивым, потом выйти за ворота, пройтись вокруг монастыря, да еще не одному, а товарища прихватив: — да какого?! — такого, чтобы отцам не открывался.

Что же они говорят, о чем беседуют, идучи?!

Обыкновенно смех неподобный, дерзкие осудительные слова, а не то так вынет какой-либо разращенный и тавлинку, начинает подчивать своих товарищей, которые если не вкусили сего яда, то их

начинает принуждать и пользу от него открывать: «ты хотя раз понюхай, то сам уверишься о его пользе», а нет — так иной и пузырек из кармана вынет: «на, выпей-ка ты, брат, я знаю — ты здоровее будешь и веселее!» и человек, не подкрепленный благодатию Божиею, неподдерживаемый отеческими советами, на все сие решается и в привычку приходит, и привычку приобидеть трудно.

Что же еще дальше?!

Начинает от всех человек тот таиться, показывать себя порядочным, даже и хорошим, а тайно на вся злая готов...

Вот, любимая моя братия, дочего доводит нерадение о малых, потому-то Писание и говорит: аще кто о малых не радит, не верь ему и в большем, и еще, друже, в малом был еси верен — над многими ты поставлю, вниди в радость Господа твоего.

В сей вышеозначенной гибели есть причина — безсоветие и самочинная жизнь, ни о ком диавол не радуется так, как о самочиннике, самочинник хотя повидимому и добродетели творит, а сам погибает...

*Итак, братия, мира бегите,
Бога любите,
С советом живите,
Своей воли не творите!
Молвы и рассеянности себя удаляйте,
в пустыню водворяйтесь!
Кто Бога и пустыню любит, —
Того и Бог полюбит...
А кто к миру пристрастился,
тот и с пустынею простится
да и Бог тогда от него удалится!*

*И останется человек, яко вертоград не огражденный
на расхищение птицам и зверям;
да и сам будешь для других ловушкой.
Он всегда празднословием своим всякого готов занимать
И молитву к Богу от нас отнимать;
Ему скучно о спасении души говорить,
Нелюбит он постом и поклонами тело свое утруждать,
Да не хочет и молитву творить,
А всячески старается время всеу провождать;
Он в том и находит себе утеху,
Как бы наделать людям побольше смеху...
Много сегодня я, братия, грешный говорил,
И сам ничтоже пред Господом благо сотворил
горе мне грешному и сущу,
благих дел неимущу,
глаголющу, а не творящу;
учай другога — себе не учиши, —
увы, увы! душе моя, горе тебе».*

С годами все сильнее развивался в игумене Дамаскине дар прозорливости.

— Старец Божий! — попросил его архимандрит Иоанн, благочинный Санкт-Петербургской епархии. — Скажи мне слово на пользу!

— Читайте «Пролог», там все есть! — ответил Дамаскин.

Архимандрит Иоанн был поражен. Никто не знал, что он уже много времени, за делами, все откладывает чтение «Пролога».

Еще более поразительна история иеромонаха Агафангела, ставшего ризничным монастыря. Начинал он подвизаться в Валаамском монастыре, но потом сподобился посетить Веркольскую

общежительную пустынь святого праведного Артемия в Архангельской губернии. Тихая, благодатная жизнь смиренных иноков пустыни так полюбила ему, что он остался пожить тут. Братия тоже полюбила Агафангела и, когда он задумал возвращаться на Валаам, куда его с ранней юности влекла неведомая сила, уговорили, помолясь Пресвятой Богородице и праведному Артемию, бросить жребий, где Агафангелу следует, оставив мир, посвятить себя служению Богу. Выпало — оставаться в Веркольской пустыни...

Но прошло два года и снова возникло в Агафангеле непреодолимое желание идти в Валаамский монастырь. Под уважительным предлогом Агафангел оставил Веркольский монастырь и вернулся на Валаам.

И опять, едва только попросил Агафангел игумена Дамаскина принять его в число братии, Господь послал новое испытание. Внутренний голос начал внушать, что он — преслушник воли небесной... Ведь жребий указал ему оставаться в Веркольской пустыни. Более того — он обманывает и игумена, ведь он ничего не сказал ему о жребии.

— Батюшка очень внимательно посмотрел на меня, — рассказывал Агафангел, — как бы проникая пытливым взором своим вглубь сердца и ума моего и, склонив голову, в глубоком молчании, просидел минут пять, затем поднял голову и сказал с весьма веселым видом: «Ну, ладно, чадо, не скорби! Владычица наша Милостивая и праведный Артемий простят, что ушел ты из их обители, оставайся у нас в монастыре, а теперь ступай помолись Всеблагой Царице

небеси и земли и преподобным отцам нашим
преблаженным Сергию и Герману, Валаамским
чудотворцам...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

19 ноября 1871 года, в пятницу, в шесть часов утра, игумен Дамаскин готовился исповедовать братию... Тут и случился с ним первый паралич-ный удар.

Келейник Сергей успел подхватить игумена и усадить на диван. Сейчас же позвали наместника и доктора. Игумен был в памяти, но не мог говорить.

Только когда перевели в спальню, речь вернулась к нему.

— Ну, слава Богу! — сказал Дамаскин и перекрестился. Сразу же после этого он исповедался и приобщился Святых Христовых Таин и со всеми простился...

Исповедовал и приобщал Дамаскина отец Галактион.

Дамаскин попросил келейника Александра прочитать молитву «Величая величаю Тя, Господи...»

Когда келейник закончил читать, по лицу Дамаскина текли слезы.

— Отныне... — сказал он, — прошу всегда после келейного правила читать эту молитву...

12 декабря, приобщившись дома запасными Святыми Дарами, игумен Дамаскин в присутствии казначея, ризничного и иеродиакона Памвы подписал духовное завещание...

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Благоволением Божиим достигнув дней глубокой старости, с часу на час ожидал я часа смертного, часа страшного и вожделенного, теперь же, на самом пороге вечности: почему, пока еще нахожусь в совершенной памяти, желаю я, грешный, сказать последнее мое слово вам, дражайшие мои чада, отцы и братия о Господе.

Прежде всего, припадая, прошу простить меня, если кто из вас какое-либо имеет на меня поречение: я всю жизнь любил Валаам — это святое место, место нашего обитания, любил каждого из вас и по мере моих сил и разумения, от всей души старался о процветании обители и о спасении и малого и большого ея сына; двери келлии моей и мое сердце были всегда отверзты для нужд ваших; но я был человек грубый, простой, необразованный, — естественно, что искренняя, глубокая моя любовь к вам иногда и не находила себе приличных внешних выражений; молю, будьте ко мне снисходительны, — простите!

Расставаясь с вами, братия, вручаю вас Господу и покрову преподобных и богоносных отец наших. Преемника себе не назначаю, но кого из среды своей общим, единомышленным изволением о Господе изберете вы себе во игумена, того избираю и я. Всесильный Господь молитвами святых да подкрепит избранного в его служении на прославление имени Господня! С своей же стороны все вы, отцы и братия, храните мир и единение духа с вашим настоятелем; терпеливо переносите неизбежные взаимные тяготы и памятуя, что вас избрал Господь на служение

Себе, в чувстве благодарного сердца всеми силами старайтесь быть достойными небесного звания вашего.

Живя среди вас, по закону общежития, я пользовался всем необходимым от монастыря и не стяжал никакой собственности: поэтому не стесняйтесь составлением описи и хранением оставшихся в келлии моих вещей: но немедленно, по кончине моей, возвратите по хозяйствам.

Прощайте, мои драгоценные братья и отцы! Господь да благословит вас всех! От глубины души благодарю вас за обилие вашей любви и уважения ко мне недостойному, поминайте, молю, меня в ваших святых молитвах.

Прощайте! Мир вам! Аминь!»

Завещание, как и положено, будет оглашено после кончины Дамаскина.

Целое десятилетие предстояло ему пролежать запечатанному, среди важнейших монастырских бумаг.

Три рода жизни — общежитское, скитское и пустынное — было в монастыре...

Игуменское послушание можно приравнять к четвертому...

А сейчас Дамаскин вступал в пятый род, дарованной ему жизни.

Параличный удар, полученный на семьдесят шестом году жизни, был началом постепенного угасания внешней стороны жизни Дамаскина и его деятельности.

Постепенно отстраняется он от внешних попечений и погружается в мир безмолвия...

Нельзя без душевного волнения перечитывать записи келейников игумена Дамаскина о последних его годах:

1872 год. 1 января. Приобщался в алтаре за ранней обедней, и так каждую субботу приобщался до самой своей кончины за ранней обедней. Сначала еще сам ходил с палочкой, а потом уже его носили в креслах... После причастия, бывало, наклонится головою на стол, весь в себя уйдет, погрузясь в размышление. И, после этого размышления, всегда у него лицо было особенно-радостное и спокойное.

1874 год. 16 декабря. Отец игумен только что приехал и взошел на лестницу, как почувствовал — язык отнялся...

Позвали доктора и взяты были все возможные меры. Батюшка все понимал, только не говорил.

После вечерни ему читали акафист Божией Матери.

Ночь провел беспокойно; а утром прочитали правило.

После ранней обедни приобщался Святых Христовых Таин. Потом уже стал говорить...

Когда в пять часов читали акафист Божией Матери, отец игумен сам пел:

— Радуйся, Невесто Невестная...

1874 год. 18 декабря. В 11 часов ночи о. игумен проснулся, встал, умылся, одел чистое белье, причесал голову и велел читать правило. По окончании в двенадцать часов ночи приобщился Святых Христовых Таин, с умилением

и со слезами, в мантии и епитрахили. После Причастия наклонил голову на стол, и долго так пробыл; потом сказал: «Слава Тебе Господи, слава Тебе Боже наш!» — и велел читать благодарственные молитвы. Сделался очень весел и говорил; попросил чаю и выпил две чашки.

Потом велел читать книгу «Валаамские подвижники», а сам слушал, иногда говорил, что очень мало написано. В три часа лег отдохнуть, и велел идти келейнику о. Александру тоже отдохнуть...

20 декабря. Утро провел весело и много говорил. Позвал келейника Александра и благословил резным крестом с Афона.

Днем поехали в Назарьевскую пустынь, там служили молебен: о. игумен молился с особенным усердием, а когда стали читать Евангелие, то он подошел и наклонил под него голову и простоял все чтения Евангелия. По окончании же молебна подошел к образу Божией Матери, сделал поклон, снял камилавку, и долго смотрел на икону Богоматери; потом приложился и обратясь сказал: «Спаси Господи!» У него на глазах слезы, он плакал.

С крыльца часовни о. игумен любовался природою. Потом пошли в настоятельские кельи, при входе в них, велел петь: «Достойно есть», а сам пошел в спальню.

Отпуст сделал в спальне.

Сел в кресла и спросил, обращаясь к послушнику Димитрию:

— Вы не заметили, что я вчера у вас был?

— Нет, не заметили... — удивленно ответил Димитрий.

— Ну, а я был...— сказал игумен и, подумав, проговорил задумчиво. — Живите, дети, хорошенько, ради Бога, помните, зачем пришли в Обитель. Прошу вас, ходите как можно чаще к духовному отцу, а что с возу упало, то уже пропало, только не отчаяться бы, а то Господь милостив.

16 декабря. Сделался с Дамаскиным второй удар. Хотели послать на берег лодку, дабы дать знать в Петербург, наместнику отцу Виктору, но Дамаскин не благословил. Его долго уговаривали и, наконец, он как бы нехотя согласился. А когда ушли, сказал келейнику:

— Собираются послать лодку на берег; но напрасно. Она не попадет, и наместник не приедет — ему надо славить. Ну, буди на то воля Божия!

Действительно, на другой день озеро стало мерзнуть, и никак нельзя было послать лодку.

В 6 часов вечера отец игумен пел: «Днесь спасения нашего...», «Честнейшую Херувим» и еще говорил:

— Я уйду, а вы останетесь, и назад...

Видимо, он хотел сказать «не приду», но не договорил, залился слезами.

26 декабря. Отец игумен был в Коневском скиту и в своей пустыньке.

Здесь мерили его гроб.

— Не мал ли уже мне он? — спросил он.

Потом рассказал, что, бывало, ляжешь в него, закроешься крышкой, так скоро и душно станет, надо и открыть...

Рассказав это, тяжело вздохнул....

1875 год. 13 мая. В скиту Всех Святых с отца игумена сняли портрет фотографией.

Потом он ходил по братским кельям, водил его монах отец Гавриил.

В этот же день разрешил келейнику своему Александру жить в скиту и благословил образом преподобного Александра Свирского.

1876 год. 12 сентября. В Назарьевской пустыньке освящена каменная кладбищенская церковь во имя святых отцов в посте и подвиге просиявших...

1880 год. Января 10 дня. Отец Александр много говорил с игуменом и просил, чтобы он помолился за него, дабы Господь простил его согрешения.

— Батюшка, — сказал он потом. — Теперь в монастыре говорят, что у нас будет Настоятель чужой?

— Нет, чадо, — ответил Дамаскин. — Угодники Божии давно уже другого избрали...

19 января. Игумену было полегче. Неожиданно он сказал своему келейнику Александру:

— Спаси, Господи, чадо, за послушание!

И поклонился...

И этот поклон, как и все в жизни Дамаскина, помимо прямого выражения признательности и благодарности, нагружен еще и мистическим смыслом.

Келейнику Александру, постигавшему духовную азбуку у самого Дамаскина, приняв схи-

му, предстоит стать одним из самых известных монастырских старцев схимонахом Алексием...

1881 год. 1 января. Игумен приобщался дома с великим благоговением.

С сего время стал очень мало употреблять пищи...

10 января. Тоже приобщался со слезами, со всеми прощаясь и сам у всех прощения прося.

Уже ничего не ел, только изредка пил, очень заметно изменился и ослаб.

16 января. Доктор отец Никанор, послушав пульс, сказал, что игумен долго не проживет.

17 января. После ранней обедни приобщался и все был в памяти, только не говорил.

18 января, в воскресенье. Утром все как будто вставал, потом протягивал руки, как бы кого встречая, но глаза у него были закрыты.

Потом снял с себя камилавку, и два раза перекрестился, и на лице его появилась особенно-приятная улыбка; сложив руки на груди, он как бы задремал минут на десять и был спокоен...

Все время десятилетней своей болезни, как вспоминали его келейники, игумен Дамаскин никогда не охал, не стenal.

— Батюшка, как ваше здоровье? — спрашивали его.

— Слава Богу! — всегда отвечал он...

Никогда не спрашивал чего-либо определенного из пищи, но был всегда доволен тем, когда что дадут. Не назначал он время для обеда и ужина: но когда предложат, всегда был готов как дитя...

«О, дивное и чудное это было послушание его и отсечение своей воли! — вспоминали келейники. — По истине уча, учил плоть презирати. Прилежати же учил о бессмертной душе»...

Бывало, посадят его в кресло и позабудут... Через какое-то время придут — жметесь игумен, неудобно ему сидеть.

— Батюшка? — сокрушались келейники. — Что же вы не позвонили? Ведь был у вас колокольчик...

— А я положил так, что если Бог вам возвестит, то вы придете. Вы и пришли....

Иногда келейники возили игумена кататься.

И никогда он не выбирал, куда поехать, хотя еще и мог говорить. Всегда соглашался с тем, что ему предлагали...

Три года потом он лежал на одном боку, и не было на нем ни одного пролежня.

И никогда ни на что не пожаловался...

А ведь как тяжела — тем более с отсечением своей воли! — была болезненная участь Дамаскина!

Возможно ли, говорит монастырская летопись, написать подробно, что он претерпел, во всем полагаясь на волю своих келейников.

Положат его — он не скажет, — не хочу лежать! — лежит...

Посадят — сидит, пока келейники не придут.

О дивное терпение этого Иова девятнадцатого века!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

20 января 1881 года игумен Дамаскин в последний раз приобщился Святых Христовых Таин. Едва-едва уже мог он перекреститься и сказать: «Слава Богу!». На 23 число ночь прошла тревожно, без сна.

Читали Евангелие, по утру прочитали отходную, ибо заметно было, что отец игумен угасает... Спустя несколько времени он сам перекрестился и сложил руки на груди. Лежал на правом боку так, что окружающие думали — задремал...

Вот он глубоко вздохнул, минуту спустя еще вздохнул и заснул навеки.

Игумена Дамаскина не стало...

Случилось это 23 января 1881 года в половине десятого дня, во время поздней обедни.

Честна пред Господом смерть преподобных Его!

Необыкновенная тишина окружала тело Дамаскина. Над головою лежало Евангелие, возле одра стояли иеромонах в епитрахили со свечей, схимонах, монахи, послушники.

Сразу же дали знать о кончине в церковь и там сейчас же совершили ектенью.

Тело Дамаскина обмыли, отерли маслом и вином. На кресле перенесли из спальни в гостиную. Он сидел в рясе и клобуке, как живой...

Потом надели в мантию, спеленали и положили на одр...

27 января, в пять часов утра отец Никодим с отцом Афанасием служили панихиду. По окончании обедни — отпевание. Отпевал наместник, десять иеромонахов, шесть иеродиаконов.

Во все время службы лицо игумена было открыто, а по прощании закрыли воздухом.

Иеромонахи подняли гроб и понесли в ризах: против церкви Петра и Павла была лития; здесь иеромонахи поставили гроб у рухольных ворот.

Наместник сказал:

— Откройте лицо, хотя еще посмотрим; в последний раз!

Открыли, и оно оставалось не закрыто до последней минуты опущения в могилу.

Когда диакон сказал: «Вечная память!», лицо снова покрыли воздухом, а сверху черным покровом, с белым крестом.

Певчие запели...

Наместник Ионафан полил покойного маслом, которым игумен соборовался 12 декабря 1879 года, потом посыпал землею, и гроб закрыли крышкою, укрепив ее двумя винтами.

В этот день на монастырском подворье в Сердоболе в настоятельской спальне упала игуменская трость с которой Дамаскин ходил по городу.

— Я сейчас же подумал, что трость упала не просто... — рассказывал отец Паломон монаху Виталию, приехавшему в Сердоболь, чтобы отправить в Петербург телеграмму о кончине настоятеля. — Чего же бы ей падать? Стояла-стояла, и вдруг упала!

— А в котором часу-то случилось это?

— Так в половине десятого и случилось. 23 января...

4 мая 1881 года. В неделю о расслабленном служили панихиду по Дамаскину в могиле, у самого гроба. По окончании панихиды пропели пасху, и положили на гроб кедровый венок, украшенный живыми цветами и фарфоровое яйцо. Вся могила была усыпана кедром.

Гроб стоял свеж, несмотря на то, что простоял в могиле уже четыре месяца.

Чудное было это зрелище. Могила открыта и вся устлана кедром, любимым растением покойного. В ней гроб свежий, на нем стоит панихидница с зажженными свечами, которые все время горели и не гасли; тут лежали: кедровый венок и пасхальное яйцо, всеобщий привет братства.

Как кстати тут были слова: «Се бо приидоша к тебе от запада и севера и моря чада твоя», — ибо тут была братия, пришедшая из разных скитов.

Пред гробом стояла икона Казанской Божией Матери...

ЭПИЛОГ

«Капитан высматривает в трубу. Налетает туча, сечет дождем. Теперь ничего не видно. Говорят, как бы туманом нехватило, тогда — прощай. Вон матросы уж слушать стали — не позывает ли? Что позывает? А колокола валаамские, как видимость пропадает, монахи позывают, «сюда, в тихую пристань, к преподобным!» Серебряный звон, хороший, ясный. Нет, не слышно серебряного звона, не синеют острова Валаамские. Томительные часы проходят. Дождь

переходит в ливень, визжит ветер, хлопают паруса. Богомольцы в кучке поют: «Не имамы иные помощи... не имамы иные наде-э-жды... разве Тебе, Владычице...»

— Валаам видать! — слышу я. — Слава Создателю... показался! Перед нами высокий темно-зеленый остров. Пеной кипит округ него озеро-море. На гранитную скалу бежит «Александр», вот ударит! Ближе — остров дробится на острова. Видны проливы, камни, леса. Древностью веет от темных лесов и камней...»

Сколько мореплавателей, как путешественники из книги Ивана Шмелева «Старый Валаам», нашло путь в непогоде благодаря колоколам и огням скитов Валаама! Сколько заблудившихся в тумане безверия душ спасли звуки апостольского колокола...

«С тем и уехала, что в раю побывала...»

«Вот и берег, лужайка, лес и неторопливый путь к скиту, и часовня, и могила иеросхимонаха Антипы в лиственной роще, и ограда скитская... и ничего сурового в этой святой земле. Наоборот, светло, особенная, чуть ли не райская тишина».

Это уже другой писатель, Борис Зайцев...

А вот еще из Ивана Шмелева:

«Валаам остался на своем граните, — «на луде», как говорят на Валааме, — на островах, в лесах, в проливах; с колоколами, со скитами, с гранитными крестами на лесных дорогах, с великой тишиной в затишье, с гулом лесов и волн

в ненастье, с трудом — для Господа... Как и св. Афон, Валаам поныне — светит. Афон — на Юге, Валаам — на Севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся «ночь мира» нужны маяки».

Эти слова писатель написал уже в изгнании, когда на Родине, в России, расстреливали священников, сбрасывали колокола, взрывали храмы... Валаам тогда — как тут снова не вспомнить о прозорливости святителя Игнатия (Брянчанинова) — остался на своем граните... Невозможно постигнуть это, но когда смолкли на Руси все колокола, апостольский колокол Валаама продолжал звучать с прежнею силой...

Валаамская твердыня православия непоколебимо стояла до тех пор, пока снаряд, залетевший в колокольню Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, не разбил тысячепудовый «первозванный» колокол...

И заглушил последний удар его, как вспоминают очевидцы, грохот разрывов артиллерийских снарядов...

Задрожала земли, словно само небо обрушилось на нее... Грудю тяжелых обломков, перемешанных с камнями и кирпичной пылью, затаих этот — не на охтинских заводах г-жи Стуколкиной, а в пустынножительской душе игумена Дамаскина отлитый! — колокол...

И тогда и сдвинулся Валаам со своего *гранита*...

Тяжелым и душным туманом затянуло святые острова...

Из стеклянного света ладожской воды, из сумерек, сгущающихся под тяжелыми лапами елей, из неподвижности несокрушимых скал, из молитвенной тишины рождаются валаамские предания...

«Случилось же так: ночью некоему духовному и многолетнему старцу было явление — как будто стоит он в той большой церкви Святого Преображения, где лежит нетленное тело святого Германа (так как тогда только преподобный Герман был в церкви). Видит, что сам тот святой встает из своего гроба, выходит с жезлом из церкви и говорит следующее: «Не могу больше терпеть слез моих чад, но пойду к брату моему Сергию, чтобы избавить нам их от напавшей беды», — и с тем стал невидимым. Тогда еще мощи святого Сергия были в Великом Новгороде...»

А вот сказание, рожденное уже нашим временем...

Как и было заведено, монастырские колокола погрузили на баржу и повезли, чтобы переплавить в металл, из которого можно сделать много полезных вещей. Вместе с другими колоколами погрузили на баржу и куски «апостольского» колокола.

Но не дошла до берега та баржа. Затонула в суровой Ладоге, не пожелавшей расстаться со своими звонами...

Говорят, что когда опускается на озеро предутренний туман, можно различить в этой тишине далекий и неясный, пробивающийся сквозь толщу воды, звон валаамских колоколов...

Еще рассказывают, что специально снаряженная группа аквалангистов осматривала мес-

то, где затонула баржа. Видели эти аквалангисты и большой «апостольский» колокол.

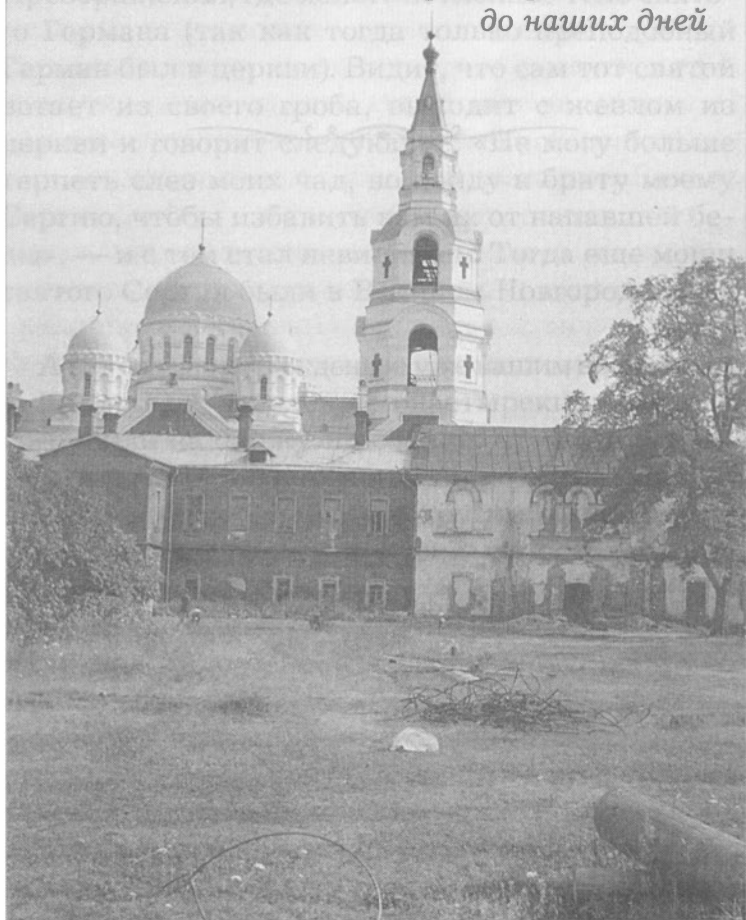
Говорят, что куски его легли так, что ныряльщикам показалось, будто они превратились в птиц и на большой высоте пролетают над островами Валаамского архипелага, над Валаамским Спасо-Преображенским монастырем...

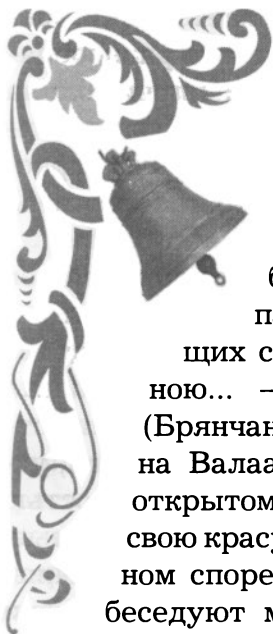
14 августа 1999 — 15 декабря 2000, СПб

СВЕТ ВАЛААМА

*История Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря
от апостола Андрея Первозванного
до наших дней*

ВСТУПЛЕНИЕ

«Ветер был очень свежий; быстро неслись под небом белые облака отдельными группами, как стада птиц, совершающих свое переселение осенью и весной... — писал святитель Игнатий (Брянчанинов), вспоминая свою поездку на Валаам. — Величественна буря на открытом озере, и у берегов она имеет свою красу. Там свирепые волны — в вечном споре с ветрами, гnevаются, грозно беседуют между собою; а здесь они — в ярости на землю, с замыслом дерзновенным.

«Смотрите, как лезет волна на берег», — говорил сопровождавший меня коневский старец. Точно, волна «лезет» на берег. Это прямое выражение ее действия. И лезет она с упорством не только на берег отлогий, на огромную скалу гранитную, стоящую отвесно над бездною, от начала времен мира смотрящую спокойно на свирепые бури как на детские игры. На сажень, на две сажени подымается волна по скале, и в изнеможении падает к ее подножию в мелких брызгах, как разбитый хрусталь; потом снова начинает свою постоянно упорную, постоянно безуспешную попытку.

Несколько лет тому назад я видел бурю на Ладожском озере при пасмурной погоде. Воды окрашены серым цветом; пена не серебриста;

мутна и желтовата; мгла суживает рамки зрелища; нет ни того движения, ни того разнообразия, словом, нет той жизни. Нужны лучи солнца для завершенности этой серьезной полной вдохновения картины. И самое солнце как прекрасно, когда глядит с чистого, недосягаемого неба на бурю земную!..

Остров Валаам, бесспорно, живописнейшее место старой Финляндии. Он находится на северной оконечности Ладожского озера. Подъезжаете к нему — вас встречает совершенно новая природа, какой не случалось видеть путешествовавшему лишь по России: природа дикая, угрюмая, привлекающая взоры самою дикостью своею, из которой проглядывают вдохновенные, строгие красоты. Вы видите отвесные, высокие, нагие скалы, гордо выходящие из бездны: они стоят, как исполины, на передовой страже. Вы видите крутизны, покрытые лесом, дружелюбно склоняющиеся к озеру. Тут какой-нибудь пустынный вышел с водоносом в руке почерпнуть воды и, поставив на землю водонос, загляделся на обширное озеро, прислушивается к говору волн, питает душу духовным созерцанием. Вы видите огражденные отовсюду гранитными, самородными стенами заливы, в которых спокойно дремлют чистые, как зеркало, воды, в то время как в озере бушует страшная буря; здесь спрятался галиот или сойма от крушения, или сойма ждет в затишье попутного ветру, а хозяин судна уже с равнодушным любопытством смотрит на яростные, ревущие волны озера, недавно хотевшие разрушить его судно, в которое он вложил все достояние, всю судьбу свою и своего се-

мейства. Вы плывете по проливам, где часто две противоположные стены сходятся так близко, что оставляют лишь тесный проход для одного галиота. Вы опускаете лот, измеряете глубину в этой узине; глубина тут — многие сажени. Вы входите с северной стороны в губу, далеко вдавшуюся во внутренность острова; плывете по этой губе: с правой стороны дремучий лес на каменных, громадных уступах, выходящих отвесно и навесно из темных вод. Этот лес и эти камни отражаются густою тенью в водах губы, отчего тут воды особенно мрачны и ландшафт принимает самый грозный вид. Губа постепенно расширяется и, наконец, образует овал значительного размера. Вы отторгаете взоры от этой картины необыкновенной, наводящей на душу невольный ужас, но ужас приятный, с которым не хочется расстаться; обращаетесь к противоположной стороне: перед вами обширный монастырь на высокой, длинной, гранитной скале, как легкое бремя на плечах гиганта. Скала прежде покрывалась беловатым мхом. Монахи счистили мох; теперь гранит свободен от седин, висевших на смуглом челе его; он величествен и грозен в обновленной юности и наготе своей...

В разные века и в разную погоду прибывали на Валаам паломники и каждого из них — «На гранитную стену бежит «Александр», вот, ударит!» — поражала суровая мощь вздыбленных из озерной воды скалистых остров, несокрушимость этой духовной цитадели...

Каждый паломник, подобно святителю Игнатию (Брянчанинову) или писателю Ивану

Шмелеву, сказавшему: «Нет... Валаам освободил ему живую душу, а не поработил... Теперь я знаю высокое искусство в вечном...» — находил здесь ответ на тот главный вопрос, который стоял перед ним...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воистину, из шума сосен, из плеска бьющихся о береговые скалы волн, из тихого шепота молитв, как будто из шороха архивных документов рождаются Валаамские сказания...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Существует легенда, что название Валаама связано с именем библейского мага и прорицателя Валлама.

«Кто же не удивится Божии пресильной премудрости! — восклицает автор «Сказания о Валламском монастыре», созданного во второй половине шестнадцатого века. — Откуле тем диким людям вложено есть перьскаго древняго языка именованье, Валам нарицаху остров той, ниже в их языке отнюдь таковое речение обретается...»

Современные ученые «библейскую» этимологию отвергают, но вместе с тем признают, что «удовлетворительного объяснения этимологии слова Валаам не существует».

Не существует удовлетворительного объяснения и многим историческим загадкам, связанным с Валаамом...

Предание утверждает, что апостол Андрей Первозванный установил на месте языческого капища на Валааме крест, дабы свет православия озарил северные края.

Никаких документальных подтверждений этому — увы! — нет, но и факты, которые бы опровергали предание, тоже отсутствуют... Все возражения насчет удаленности Валаама, что приводятся, как в светской, так и в церковной литературе, не выдерживают критики...

Совершенно справедливо говорил по этому поводу святитель Игнатий (Брянчанинов): «Почему не посетить ему (апостолу. — Н.К.) место, освященное для богослужения народного и там не насадить богопознания и богослужения истинного? Почему не допустить мысли, что сам Бог внушил Апостолу это высокое, святое намерение и дал силу к исполнению его? Дикость, малоизвестность страны — дальность, трудность путешествия — не могут быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною причиною, чтобы отвергнуть это предание. Немного позже времен апостольских ходили путями этими целые воинства, почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божиею и ревностью апостольскою?»

Но если вопрос о пребывании апостола Андрея Первозванного на Валааме, существует на уровне предания и, как предание, и важен для истории монастыря, то с непосредственными основателями монастыря преподобными Сергием и Германом, все обстоит гораздо сложнее.

Так получилось, что даже годы их земной жизни разные исследователи определяют по-

разному, и интервал разнотчений растягивается без малого на пятьсот лет, покрывая едва ли не половину всей истории России...

В пользу древности Валаамского монастыря свидетельствует тот факт, что задолго до 989 года, пришел в Валаамский монастырь отрок, которому предстояло, приняв в монашестве имя Авраамия, просиять во времена крещения Руси.

«Ища же себе места уединенного, — ясно и определенно свидетельствует житие преподобного, — отъиде по реце Волхов и дошед Ладожского озера, где услыша о обители Живоначальныя Троице Валаамской, достиже оной, и пришед к игумену Феогносту плачяся зело и моли о принятии его в монастырь, сказывая о себе все потребну, и что еще не крещен бысть. Игумен же виде его благоразумна отрока, прият в монастырь и крести его и нарече имя ему Авраамий. Он же поживе с братиею и виде их трудолюбную о Бозе жизнь, и умоли игумена постричь его в иноки. И пострижен бысть с наречением имени Авраамий».

Когда равноапостольный князь Владимир начал крестить Русскую землю, преподобный Авраамий уединился на озере Неро в Ростовской земле, и здесь евангелист Иоанн Богослов вручил ему жезл, которым и предстояло Авраамию сокрушить особо почитаемое идолище — Велеса.

По благословению епископа Федора, присланного равноапостольным Владимиром вместе с князем Борисом (Борис и Глеб — святые страстотерпцы), Авраамий основал на месте чудесного явления церковь Иоанна Богослова, а на месте

сокрушенного идола — монастырь, получивший название Авраамиевского Богоявленного...

Как мы уже говорили, историки, пытающиеся «омолодить» Валаамский монастырь ставили под сомнение и древность жития преподобного Авраамия, ссылаясь на то, что не сохранилось ранних редакций, но находка, сделанная в конце девятнадцатого века, подтверждает, что уже в десятом веке на Валааме была возжжена лампада иноческого жития.

Воистину, как к язычникам Ростовской земли, преподобный Авраамий Ростовский приходит и к современным историкам, чтобы жезлом, который вручил ему евангелист Иоанн Богослов, разрушать капища их построений и свидетельствовать, что Валаамский монастырь существовал еще задолго до крещения Руси и значит, является самым древним русским монастырем, а сам преподобный Авраамий Ростовский — первым валаамским святым, слава которого просияла по всей Руси...

Косвенно подтверждает факт существования Валаамской обители еще во времена языческой Руси и то, что уже в начале двенадцатого века были обретены мощи основателей монастыря Сергия и Германа. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время шведского нашествия 1163–1164 года*...

Некоторые исследователи считают, что Сергий был учеником апостола Андрея Первозван-

* Уваровская летопись — 568 — 1, л.185.

ного, а Герман — учеником Сергия; другие считают преподобных греками, прибывшими на русскую землю в свите равноапостольной княгини Ольги, иные уточняют, что греческие священноиноки Сергий и Герман прибыли в свите первого новгородского епископа Иоакима, но многие историки переносят их земные жизни в тринадцатый, а кое-кто и в пятнадцатый века...

Увы... Чрезвычайно затрудняет изучение истории монастыря отсутствие надежных источников, и этому обстоятельству, вероятно, и обязаны мы тем, что серьезные историки избегают валаамской проблематики...

И возникает вопрос о причине исчезновения или изъятия из научного оборота этих источников.

Более того, ответ на этот вопрос позволяет, если не компенсировать в некоторой степени утрату источников, то хотя бы предположить, какие сведения могли содержаться в них.

И это — принципиально важно...

Пограничное месторасположение Валаамских островов сделало их, как и всю Карелу, предметом территориального спора между Новгородской республикой (а затем Русью) и Швецией и, казалось бы, чисто научный вопрос — когда же возникло православие на Валааме? — приобрел в силу географического положения монастыря, значение политическое.

Русские летописи свидетельствуют о том, что в X–XIII веках борьба России и Швеции за духовное и политическое влияние в Карелии становится особенно острой.

В 1156–1157 годах шведскому королю Эрику IX Эдвардзону удается покорить юго-западную

часть Финляндии. И хотя Ореховский договор закрепил восточную часть Карелии с Кегсгольмом за Русью, шведские набеги продолжались, и споры о принадлежности этих земель не прекратились. Известно, что многие, связанные с валаамскими древностями, документы были вывезены в начале семнадцатого века в Швецию (так называемый «делагардиевский сундук с Новгородскими актами») и до сих пор находятся в шведских архивах...

Но с другой стороны, положив руку на сердце, можем ли мы твердо утверждать, где — в огне вражеских нашествий или в печи новгородских владык — больше исчезло древних валаамских рукописей? Предположение это выглядит несколько диковатым, но если разобраться, то окажется, что оно не лишено основания...

Во-первых, древнему Новгороду зазорно было осознавать, что «Путята крестил Новгород огнем, а Добрыня — мечом», когда рядом уже целые столетия сиял светильник Валаама.

Во-вторых — и это обстоятельство следовало бы поставить на первое место — принятое еще до крещения всей Руси православие как бы отделяло Валаам от Руси, еще раз подчеркивало независимость территории островов от Новгорода... Поэтому в Новгороде неоднократно («Сказание о Валаамском монастыре» — одна из них) предпринимались попытки «омолодить» валаамское православие, идентифицируя запись в Новгородской Кормчей книге: «В лето 6837 (1239) нача жити на острове на Валаамском озере Ладожском старец Сергей», с указанием даты основания монастыря. Эта запись в Новго-

родской Кормчей книге, как мы говорили, противоречит свидетельству сохранившейся Софийской летописи, по которому еще в 1163 году были обретены мощи преподобных Сергия и Германа.

Но сколько других свидетельств, опровергающих пусть и не саму запись в Кормчей книге, но выводы, которые делаются из нее, было уничтожено?

Разумеется, пока спор шел в рамках православной традиции, никто не покушался на преподобного Авраамия, стоящего с посохом, дарованным ему евангелистом Иоанном Богословом, на защите древности валаамского православия...

Тогда существовало как бы две истории...

Политически выверенная история Валаама, необходимая для доказательства, что Валаам исконно Новгородская, а значит и русская земля; и церковная история, которая, не опровергая историю политическую, вела отсчет истории Валаама с времен Андрея Первозванного...

Как это ни удивительно, но истории эти вполне могли существовать параллельно. Многие

* Справедливости ради нужно сказать, что именно в Новгороде находят историки все новые и новые подтверждения древности Валаама...

Особенно важным является упоминание восемнадцатого века о переносе мощей Сергия и Германа, найденное в институте Истории — Собр. Лихач. С. 238, оп. 1, № 243 «О святых великоновгородских епископах и архиепископах и преподобных чудотворцах». В этом отрывке не только отмечена память преподобных, не только указано на разорение обители в семнадцатом веке, но и дана ссылка на древний Летописец г-на Чернова, откуда взяты даты обретения (1163 год) и возвращения (1182 год) мощей на Валаам.

факты политической истории — и это как раз и доказывает искусственность ее — подходят для любой истории...

Ведь, если разобраться, даже запись о позднейшем основании монастыря на Валааме ничему не противоречит. Преподобные Сергей и Герман основали (см. житие Авраамия Ростовского) монастырь во имя Живоначальных Троицы... Валаамский Спасо-Преображенский монастырь мог быть основан и позднее, и его основание не перечеркивает предыдущей монастырской истории Валаама...

Но такое параллельное существование двух историй было возможно только во времена Святой Руси, когда высоко было уважение к церковному преданию вообще... В послепетровские времена, когда Валаам окончательно закрепился за Российской империей, закрепили и «младшесть» Валаамского монастыря уже на уровне официальной историографии. И хотя преподобный Авраамий Ростовский с жезлом, полученным от евангелиста Иоанна Богослова, продолжал опровергать эту ложь, на это уже не обращали внимания. В послепетровской Руси и сам Авраамий стал *преданием*...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы останавливаемся на спорах о древности Валаамского монастыря потому, что и сейчас они не утратили своей духовной остроты. Вглядываясь в историю Валаама, ясно видишь, что строительство православного государства и распрост-

ранение православия отнюдь не тождественные друг другу процессы...

Валаамское православие, не ощущая себя официальной идеологией, не нуждалось в «мече и огне» для укрепления и распространения, оно распространялось как бы само по себе, не покая, а вовлекая в себя племена и народы, соединяя их в единой православной общности, которая и стала основанием Святой Руси...

И не потому ли так схожи с лучами света дела и свершения валаамских подвижников?

В двенадцатом веке уходит из Валаамского монастыря преподобный Корнилий, чтобы основать первый на Онежском озере — Палеостровский монастырь...

В четырнадцатом веке уйдет с Валаама на другой Ладожский остров, Коневец, преподобный Арсений...

Здесь, у подножья Святой горы, где многие годы спустя, явится Божия Матерь, в те давние времена находился почитаемый местными язычниками идол — конь-камень. Поселившись на острове, преподобный Арсений с молитвой окропил камень святою водой, и черная стая воронов, вырвавшись из камня, улетела на Выборгский берег в глубокую лахту, которую и доселе называют Чертовой...

А в 1429 году покинули Валаам преподобный Савватий, а следом за ним и преподобный Герман — будущие строители Соловецкой обители...

Три острова — на Ладогe, на Онеге, на Белом море... Три монастыря, вставших на самом краю Православной Руси... И утверждала этот рубеж

не княжеская власть, не воинская сила, а одинокие, ищущие молитвенного уединения иноки, вооруженные, как и апостол Андрей Первозванный, лишь Крестом да Евангелием.

Никак не связано с Валаамом — светильником христианской веры — появление в 1383 году в небе над Ладогой Чудотворной иконы Божией Матери Тихвинской, и все же связь эта очевидна.

У Иконы, которую увидели в тот день ладожские рыбаки, долгая история. Ее написал, как утверждает предание, евангелист Лука еще при земной жизни Пресвятой Богородицы. Долгое время икона находилась в Антиохии, затем попала в Иерусалим, позже ее перевезли в Константинополь.

В восьмом веке, спасая образ от иконоборцев, его замуровали вместе с горящей лампадой в стене Пантократорской обители. Через шестьдесят лет, когда извлекли икону из тайника, увидели, что огонек в лампаде по-прежнему горит. Словно и не было шестидесяти лет борьбы с еретиками.

За семьдесят лет до падения Константинополя икона исчезла из Византии, и в том же году ее, «плывущую по воздуху», как бы поддерживаемую лучами валаамского света, увидели над Ладогой. Сопровождаемая толпами богомольцев, икона проследовала до берега Тихвинки и опустилась на землю.

Эта икона Тихвинской Божией Матери, помимо многочисленных чудотворений, совершавшихся от нее, почиталась еще и Охранительницей северных пределов Руси...

И если мы развернем карту и взглянем на расположение перечисленных нами монастырей, основанных валаамскими иноками, то увидим, что они выстраиваются по двум почти перпендикулярным линиям, уходящих на запад и на север, в вершине пересечения которых и находится Тихвинский монастырь с Чудотворной иконой, находившейся в нем.

Это схожее с боевым построением размещение монастырей не могло быть спланировано ни валаамскими игуменами, ни новгородскими владыками (в 992 году в Новгороде была учреждена епископская кафедра), но некий план тут наличествует.

Вернее не план, а Божий Промысл.

И прочность созданной согласно ему ограды была испытана в ближайшие столетия...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С лучами света схожи подвизавшиеся на Валаама подвижники. Далеко окрест проникал этот свет, пробуждая в душах людей огонь православной веры.

К временам юности относится первая встреча будущего преподобного Александра Свирского с валаамскими монахами. Встреча эта произошла в соседней с Мандерой деревушке на берегу Ояти...

Часто приходил сюда юноша Амос, чтобы послушать рассказы о жизни в монастыре, о святых валаамских отшельниках.

И так увлекли его эти рассказы, что однажды воскликнул он:

— Вижу, отче, яко Бог, знающий все тайны, послал вас сюда, чтобы утвердить меня в помышлениях и исторгнуть, яко птицу, от сетей мирского жития! Что же сотворю, честный отче? Как мне убежать от мира и сподобиться ангельския жития?

— Почто бежать тебе, отрок? — спросил валаамский старец.

— Ах, святой отче! — сказал Амос. — Родители собираются женить меня... А я не хочу, чтобы сластолюбие мира сего коснулось души моей... Я бы убежал, но пути не ведаю. Боюсь опечалить родителей своих.

— О, чадо... — отвечал старец. — Естественна есть любовь родителей к детям, а детей к родителям.... Но Владыка и родителей преобидети нам повелевает, а крест свой взять на плечи и следовать за Ним тесным и прискорбным путем... Велит нам Владыка небесный не искать славы мира сего, не добиваться телесного покоя, а в наготе, алчбе, бдению и молитве прилежати. Поспеши, чадо, совершити доброе желание твое, да не когда злых сеятель посеет плевелы в сердце твое и покроет ими пшеницу твою...

Валаамский старец рассказал, как добраться до Валаамского монастыря, и скоро Амос отправился в неблизкий путь.

Родители дали ему благословение, думая, что он идет в деревню Заостровье и скоро вернется назад, однако Амос не вернулся из Заостровья. Переправился на другой берег Свири и побрел по указанному старцем пути. Ночь застала его на левом берегу Свири, возле небольшого озера, расположенного верстах в восьми от реки.

Помолившись, чтобы Господь наставил его на путь спасения, Амос уснул. И тотчас услышал во сне голос:

— О, человече? Во обитель Всемиловитового Спаса на Валааме, добре ти путь строится. Иди с миром. Там поработаеши Господеви, а потом вернешься на сие место и сотворишь здесь обитель. Мнози спасени тобою будут.

В житии святого рассказано, что Господь послал Амосу спутника по безлюдной местности — своего ангела. «И путь этот, который другие проходят с трудом, во много дней, они прошли очень скоро, под направлением доброго спутника».

Преподобному было двадцать шесть лет, когда он принял в Валаамском монастыре монашеский постриг и стал иноком Александром.

Днем он находился в монастырских трудах, ночью же пребывал в молитвенном бдении. «И видимо было житие его, не как человеческое, но как ангельское». А родители Александра Свирского, узнав, что Амос стал иноком, сами ушли в монастырь и закончили свою земную жизнь в Островском Введения Пресвятыя Богородицы монастыре, где некогда молились они о даровании сына.

По свидетельству жития, «преподобный Александр, узнав о смерти родителей, довольно поплакал о них; затем, возложив надежду на Бога, размышлял в себе, говоря: «и аз смертен есмь»... С тех пор он начал увеличивать подвиги свои, «труды к трудам прибавляя».

Братия монастыря дивилась подвигам молодого монаха, и это более всего беспокоило преподобного. Видя себя почитаемым и прославляемым

от людей, он обратился к игумену с просьбой благословить его удалиться в пустыню и там поработать Единому Богу.

— Ни, чадо! — ответил игумен. — Не глаголи сего! Ты еще молод! Еще не пришло тебе время верховных степеней уединенного молчания касаться. Опасаюсь, что коли найдет на тебя искушение, не сможешь ты противу него удержаться и тогда все мы поругаемы будем от общего врага.

Преподобный Александр не стал перечить настоятелю. Он остался в монастырском общении, продолжая с каждым днем все более увеличивать подвиги. Пищей ему служили теперь только вода и хлеб...

В северо-восточном углу Валаамского архипелага расположен открытый всем ладожским ветрам Святой остров. Здесь, в пещерке, вырубленной в скале, пятьсот лет назад, подвизался в молитвенных подвигах преподобный Александр Свирский.

Пещерка невелика... Когдаходишь в нее, плечи задевают за стены. Крохотного света лампы, горящей перед образами, достаточно, чтобы осветить все пространство кельи. Кроме икон и лампы здесь — голый камень...

Несколько лет провел преподобный Александр в этой келье. Как сказано в житии, «от великих трудов кожа на теле его сделалась такой жесткою, что не боялась и каменного удара».

В этой каменной, открытой ладожским ветрам пещере, покрытый окаменевшею кожей, и молился святой, когда раздался в 1484 году обращенный к нему голос Богородицы:

— Александре! Изыди отсюда и иди на прежедепоказанное тебе место, в нем же возможеша спастися!

И светло стало.

Преподобный Александр выбрался из пещеры, и за стволами сосен, вставших почти на отвесной скале, увидел тихие воды Ладоги.

Великий небесный свет сиял в той стороне, где текла Свирь...

На этот раз игумен не стал удерживать преподобного в монастыре.

— Воля Господня да будет, чадо, над тобою! — сказал он.

В тот же день преподобный Александр поплыл на материк.

Здесь, на берегу Рощинского озера, на том самом месте, где ночевал он на пути в Валаамский монастырь, соорудил себе избушку.

Преподобный Александр Свирский прошел все ступени лестницы монашеского умирания для мира. И когда Господь снова явил его миру, все узрели великого чудотворца и прозорливца, молитвенника и исповедника...

Семь лет спустя, Андрей Завалишин, нечаянно нарушивший молитвенное уединение святого, долго расспрашивал отшельника...

— Святый отче! — умолял он. — Не скрой от меня, Расскажи, как пришел ты в эту пустынь? Какое твое имя и сколько лет ты обитаешь здесь? Более же всего открой мне твое добродетельное житие для душевной пользы моей...

Сильно опечалился святой Александр, что невозможно ему стало укрываться от людей.

— Чадо! — вздохнув, ответил он Завалишину. — Я человек грешный, по имени Александр. Раньше жил на Валааме в обители Спаса Вседержителя, где и пострижен. Затем задумал выйти из монастыря и поселиться на безмолвии в пустыне, чтобы плакать о грехах моих. Обитаю тут и до твоего прихода не видел ни единого человека. Питаюсь растущей здесь травой, хлеба же уже семь лет не вкушал.

Ответ преподобного поразил Андрея.

— Не было ли у тебя, отче, какой-либо болезни от такой суровой жизни и чрезмерного поста? — спросил он. — Не смущали ли тебя какие помыслы?

— Сначала трудно было... — ответил Александр Свирский. — Еще не привыкнувши был к пустынножительству. Пришлось пострадать и от нахождения помыслов... Заболел тогда сердечной болезнью, так что не мог, стоя, молиться... Лежал, молитвенно притекая ко врачу и целителю душ и тел человеческих, Всемогущему Богу... И однажды днем, когда я особенно сильно страдал от внутренней боли, явился предо мною преславный муж и спросил: «Что с тобою? Чем ты страдаешь?» Я показал ему место, где болело... Он же, положив руку свою и, осенив меня крестным знамением, сказал: «Се здоров был еси, не согрешай, да не горше ти что будет, но работай Господеву Богу своему отныне и до века». И с того времени чувствую себя легко.

Боярину Андрею Завалишину, нечаянно — во время охоты — нарушившему затвор преподобного Александра Свирского, еще предстояло узнать на собственном опыте (а он вскоре и сам

примет постриг на Валааме, и так же, как и Александр Свирский, уйдет, чтобы основать свой Адриано-Ондрусовский монастырь на ладожском берегу), что слова о монахах, которые, уходя от мира, умирают для мира — не образное выражение, а самая настоящая реальность монашеского жития. И тем, кто находит силы до конца пройти назначенный Путь, кто «возмогает» спастись, дарует Господь прозорливость и силу чудотворений, и иногда — по Божией воле — снова открываются эти дивные светильники миру.

Так и случилось с преподобным Александром Свирским...

Андрей Завалишин — «аще сии умолчат, камение возопиют» — рассказал о своей встрече с ним, и скоро к святому отшельнику начали стекаться люди. Среди первых насельников создаваемой обители были: родной брат преподобного — Иоанн; инок Афанасий — сподвижник Александра Свирского по Валааму; сам Андрей Завалишин, принявший в монашеском постриге имя Адриана... Многим из них в дальнейшем самим предстояло стать основателями новых обителей, светом которых осветилось все пространство между Онегой и Ладогой...

Монашеские кельи строили на берегу Святого озера (оно расположено в Старой Слободе села Свирского, в 24 километрах от Лодейного Поля), а сам преподобный жил в прежней хижине, вокруг которой было устроено братское кладбище — Отходная пустынь.

В 1507 году, на двадцать третьем году пребывания в Пустыни, святой Александр Свирский

во время своей ночной молитвы увидел трех Мужей в белых одеждах, сияющих невыразимым светом». Преподобный поклонился им до земли, они же взяли его за руку, подняли и сказали:

— Не бойся, мужу желаний, яко благоволи Дух Святый жити в тебе чистоты ради сердца твоего, и якоже глаголах ти древле множицею, и ныне такожде глаголю, да *созиждеши церковь и братию собереши и обитель устроиши*, яко благоволих тобою многи души спасти и в разум истины привести.

Услышав это, преподобный опять пал на землю и, обливаясь слезами, исповедал свое недостойнство.

И снова Господь воздвиг его, говоря:

— Стани на ногу твою, возмогай, и укрепись, и сотвори все, еже повелел ти.

Святой спросил, в честь кого подобает воздвигнуть ему храм.

Господь ответил:

— Возлюбленные, якоже видиши в трех лицах глаголюща с тобою, созижди Церковь во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущныя Троицы. Аз же ти мир Мой оставляю и мир Мой подам ти.

После этого святой Александр увидел Господа, распростертыми крыльями как бы ногами движущегося по земле, и ставшего невидимым...

«Александр Свирский, — отмечает церковный историк архимандрит Макарий (Веретенников), — пожалуй, единственный православный святой, которому так же, как и праотцу Аврааму, явилась Святая Троица»...

Монастырь преподобного Александра Свирского стремительно рос.

Он состоит из двух монастырей — Свято-Троицкого и Преображенского.

Очевидно, почему возник Преображенский монастырь. Александр Свирский был и оставался иноком Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

Ну, а церковь Святой Троицы и монастырь вокруг нее были построены по повелению самого Господа.

Как утверждает житие Авраамия Ростовского, первоначально монастырь на Валааме и был Троицким монастырем. «Ища же себе места уединенного, отъиде по реце Волхов и дошед Ладожского озера, где услыша о обители Живоначальные Троице Валаамской, достиже оной...»

Получается, что по Божиему повелению, Александр Свирский воздвиг на Рощинском озере монастырь, с которого и начинался Валаам... Тот самый монастырь «Живоначальные Троицы», который (мы не знаем: известно ли это было Александру Свирскому) находился когда-то на острове, где подвизались и сами основатели монастыря преподобные Сергей и Герман и преподобный Авраамий Ростовский, где совершал свои подвиги и сам преподобный Александр...

Воистину — чудны Твои дела, Господи!

Великие знаки начертаны Божией десницею в нашей истории и, чтобы увидеть их, надо просто раскрыть глаза.

Сила молитвы святого Александра Свирского была необычайной. Известен такой случай. Строили мельницу на протоке между двумя

озерами. Когда раскопали перешеек, вода из верхнего (Святого) озера устремилась в нижнее (Рощинское) озеро, напор воды оказался столь сильным, что в опасности оказались монастырские постройки. Казалось, что их уже не удастся спасти; но преподобный, помолившись Богу, призвал имя Христа и правою рукою начертал крестное знамение на быстрине вод и — вот оно чудо! — течение остановилось.

Столь же велика была и прозорливость святого Александра Свирского. Однажды, после освящения построенного в монастыре храма в день сошествия Святого Духа, богомольцы делали свои пожертвования в монастырь. Был среди них и Григорий, приехавший в монастырь из Пидьмозера. Когда Александр Свирский проходил возле него, Григорий хотел положить свой вклад в фелонь преподобного, но святой оттолкнул его руку.

После службы обиженный Григорий подошел к Александру Свирскому и спросил, почему он не принял его приношения.

— Ведь ты меня не знаешь! — сказал он.

— Верно! — ответил святой. — Я тебя не знаю, и лица твоего не видел, но рука твоя так осквернена, что от нее смрад идет. Зачем ты мать свою старую бьешь?

Великий страх объял тогда Григория, тщательно скрывавшего этот грех. Он попросил наставления, как ему быть, как исправиться. Пре подобный посоветовал идти и прежде всего просить прощения у матери...

Вот такие чудеса, свидетелями которых было множество людей, происходили в основанной

валаамским иноком Александром Свирским обители.

Но не менее дивной была и скромность преподобного.

Пример величайшего смиренномудрия является нам он.

Рассказывают, что однажды, когда Александр Свирский уже был игуменом основанного им монастыря, слава о котором распространилась по всей Руси, к нему пришел монастырский эконоом и сказал, что кончаются дрова, и надо бы послать в лес какого-нибудь праздного монаха, чтобы нарубить их.

— Я празден... — отвечал преподобный. Взял топор и отправился в лес.

Преподобный Александр Свирский — столп русского православия. Среди его учеников — преподобные и священномученики... Геннадий и Никифор Важеозерские, Адриан Ондрусовский (Андрей Завалишин), Афанасий Сяндебский, Корнилий Паданский, Ферапонт Вознесенский, Иоасаф Машеозерский, Кассиан Соломенский, Макарий Оредежский, Иона Яшеозерский — все они начинали свой путь в обители Александра Свирского под его мудрым наставничеством или были отправляемы на Валаам.

Все они основали потом свои обители, озарив дивным светом православия глухие пространства между Ладогой и Онегой по обоим берегам Свири.

Геологи утверждают, что Свирь — молодая река. Она образовалась около пяти тысяч лет назад, когда, в результате подвижки геологических пластов, качнулись Ладога и Онега, и вода полилась из Онежского озера в Ладугу.

Что-то подобное происходило здесь и в пятнадцатом веке. Как могучая река разливалась святость между двумя великими озерами.

На Соборе русских архиереев 1547 года Александр Свирский был причислен к лику святых. «По всем святым монастырем, и по всем священным церквам великого царства Российского... — постановил Собор, — праздновати повсюду августа в 30 день новому чудотворцу Новгородскому преподобному Александру Свирскому».

Первым храмом в Москве в честь «нового чудотворца» был Покровский собор на Красной площади, известный ныне, как храм Василия Блаженного. Северо-восточный придел этого собора посвящен Александру Свирскому.

А Александро-Свирский монастырь обретал все большую известность, превращаясь в один из важнейших духовных центров России.

И не прерывались его связи с Валаамом, нити духовные, зачастую неразличимые для современников, но ясно видные нам, потомкам...

В девятнадцатом веке закончит здесь свою земную жизнь ушедший с Валаама схимонах Феодор — ученик Паисия Величковского. Считается, что старец Феодор с преподобным Львом Оптинским (он тоже пять лет после Валаама подвизался в Александро-Свирском монастыре) стоят у истоков возрождения на Руси старчества...

Здесь, в Свято-Троицкой обители, проходил послушничество и святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Ставропольский, о роли которого в судьбе Валаамского монастыря рассказано в повести «Апостольский колокол».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Адриано-Ондрусовской пустыни со временем предстояло стать своеобразным береговым подворьем Валаамского монастыря...

Основал ее боярин Андрей Завалишин, принявший постриг на Валааме.

«Познав сладость пустынного жития, — говорит «Олонецкий патерик», — Андрей оставил славу, могущество, сан, облекся в одежду нищеты и смирения и ушел в Валаамскую обитель, где после продолжительного искуса, сподобился великого ангельского образа и наречен Адрианом».

Адриан Ондрусовский — ученик Александра Свирского. Ему первому открыл преподобный тайну отшельнического жития.

Благословение, данное во время второй встречи: «Бог да благословит тебя, чадо, и умножит всех благих изобильно», Адриан Ондрусовский пронес через свое иноческое житие. Вся его иноческая жизнь — это *весть*, которую некогда сообщил ему преподобный Александр...

Прежде, чем приступить к изложению этой, словно из приключенческого романа списанной истории, необходимо рассказать о географическом положении пустыньки, основанной Адрианом. Находилась она на полуострове, на восточном берегу Ладожского озера... И хотя не так и сильно удалена пустынька от населенных пунктов, но попасть сюда непросто.

С суши путь преграждают топкие болота.

Очевидно, этим и объясняется то, что остров Сала, являющийся продолжением Ондрусовского мыса, издавна был облюбован озерными разбойниками-пиратами в качестве надежного укрытия. Кстати сказать, и само название мыс получил от имени обитавшего здесь разбойника Ондруса.

Нетрудно догадаться о досаде пиратов, обнаруживших, что вблизи их укровища обосновались монахи-отшельники. Явившись к Адриану, атаман потребовал, чтобы святой убирался прочь.

«Скорбно было преподобному расстаться с местом, благословенным ему святым его наставником. Он умолял гонителя оставить мирное убежище труженикам Божиим. Не имея ни серебра, ни золота, чтобы предложить выкуп разбойнику, Адриан обещал ему ходатайствовать о нем в молитвах своих перед Господом, советуя ему притом покинуть пагубный промысел. Разбойник, не понимая пустытника, посмеялся словам его, но потом, Божиим произволением, слезы Адриана смягчили ожесточенное сердце грабителя, и отшельники были им оставлены в покое».

Между тем, Ондрус был не единственным пиратом на Ладогe. На южном берегу озера, на столь же трудно доступном со стороны суши Стороженском мысу, обитала другая пиратская шайка...

Места для разбойного промысла были подходящие. Между островом Сала и Стороженским мысом собираются в единое русло три большие реки — Свирь, Оять и Паша... В купеческих судах недостатка не ощущалось. Как

дальнее эхо древнего промысла, звучат здешние названия: Разбойная кара... Медвежья кара... Черная кара...

В общем, все было, должно быть, как в рассказе старца Иоаннушки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

*Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.*

*Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан...*

И, как и положено, между Сальской и Стороженской «группировками» время от времени проходили разборки. Наступил день, когда обе шайки встретились. Счастье изменило сальским пиратам: их предводитель попал в плен. Скованный, лежал он в ладье врага. И тут, в ожидании страшных мучений и смерти, и вспомнились ему обещания пустынного. Раскаянье возникло в суровой душе, и вот — о, чудо! — он увидел перед собою Адриана.

— Милосердием Господа, ради которого я просил у тебя пощады братству нашему, ты свободен! — сказал отшельник, и оковы упали с разбойника — он очутился на берегу, но Адриана уже с ним не было!

Недоумевающий разбойник побрел в обитель преподобного и здесь нашел Адриана, который

никуда не отлучался из монастыря, всю ночь проводя на общей молитве...

Адриан же нисколько не был удивлен.

Он разъяснил, что причина чуду — не он, а сила Божия, вспомоществующая по молитвам работающих Ему.

Разбойник пал к ногам преподобного и попросил научить служению Господу. Он остался в монастыре, и здесь и закончил, в молитвах и покаянии, свою жизнь.

Столь же успешным было «перевоспитание» Адрианом и обитателя Стороженского мыса. Пробудилась совесть и у этого пирата...

Все произошло, как в поэме Н. А. Некрасова:

*Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!*

Раскаявшийся пират основал на месте разбойничьего вертепа иноческую обитель и постригся в монахи сам, и вся его шайка. Раскаяние его было столь велико, что Господь прославил раскаявшегося грешника после кончины многими чудесными знамениями, и он почитается, как преподобный Киприан Стороженский.

Преподобный Адриан Ондрусовский был одним из образованнейших людей своего времени...

Существует предположение (его высказал в 1905 году историк А. Петров), что Адриан и был автором знаменитой «Валаамской беседы» — одного из популярнейших на протяжении двух веков сочинений...

«Месяца сентября в 11 день пренесение мощей преподобных отец наших Сергия и Германа, Валамского монастыря начальников, из великаго Новаграда в Корельской уезд, во обитель всемилостиваго Спаса, на остров Валам, на езере Неве, — записывал тогда преподобный Адриан. — И написан бысть образ их, Сергия и Германа, по благословению иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа великаго Новаграда, новаго чудотворца. И исписав сие утверждение и исправление святым Божиим книгам и утверждение православныя христианския веры, на их память чести. Сице обличение на еретики и на неверныя вся, победа и одоление на царевы враги, и поправление на вся премудрости их. Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа Валамского монастыря начальников, иноков, о Бозе на большее спасение. И достоит тому тако быти. Провидели святыми Божее-етвенными книгами в новей благодати царей и великих князей простоту и иноческую погибель последняго времени будет. Послушаем сего, отцы и братия, со умилением и вниманием. Благослови Отче».

«Валаамская беседа» — выдающийся памятник русской исторической публицистики середины XVI века, сокрушить который тщится уже не одно поколение историков...

В правление Иоанна Грозного достигает своего апогея земная слава Адриана Ондрусовского. Господь судил ему стать крестным дочери царя Иоанна Грозного...

Предание говорит: чтобы упрочить долголетье и здравие ожидаемого младенца, бояре,

руководствуясь древним суеверием, посоветовали царю взять в воспитанники первого попавшегося путника... Опять-таки, поскольку считалось, что встреча с монахом в таком случае приносит несчастье, отдан был приказ, чтобы ни один черноризец, под страхом смертной казни, не смел показываться на улицах, пока не будет совершено крещение царственного младенца.

В ночь на первое августа 1549 года у царя Иоанна Грозного родилась дочь. Велено было привести с улицы первого встречного. Едва посланец вышел из царских палат, он с ужасом увидел пред собою престарелого инок!

Когда его ввели в царские покои, приближенные узнали в чернце Завалишина. Заподозрив, что все это подстроено, царь разгневался.

— О, злобесный собачий умысел! — вскричал он. — А ты окаянный, как же ты, позабыв про свой иноческий сан, согласился участвовать в нем?!

Однако святой Адриан не уstraшилcя.

— Великий государь! — с безмятежным спокойствием отвечал он. — Повели справиться: еще вчера вечером я был за сто поприщ^{*} от престольного твоего града и сам недоумеваю, как очутился здесь.

Иван Грозный приказал послать гонцов, чтобы проверить сказанное, но слова преподобного полностью подтвердились. Царь узрел в этом событии волю Божию и велел назначить святого Адриана воспитанником своей дочери.

* Поприще — суточный переход, около 20 верст.

Крещение царской дочери — последнее из известных нам земных деяний преподобного Адриана Ондрусовского...

На обратном пути из Москвы, «Господь судил блаженному старцу окончить земное поприще мученической смертью и стяжать венец страстотерпца».

Случилось это так...

Крестьяне соседнего с пустынью села Обжи, узнав о милостивом приеме старца в Москве, «научаемые диаволом», решили завладеть царскими дарами. Распаленное воображение рисовало им немыслимые богатства царского кума.

15 мая 1550 года Адриан попался в руки поджидавших его разбойников. Каково же было удивление, когда они обнаружили, что странническая сума составляет все богатство преподобного.

Думая, что он где-то спрятал царские дары, разбойники принялись избивать Адриана, и были в остервенении до тех пор, пока он не предал Богу душу*.

Чтобы скрыть преступление, убийцы бросили тело преподобного в болото в тридцати верстах от обители...

Два года там ничего не знали о судьбе своего настоятеля, пока преподобномученик не явился во сне к монастырским старцам и не принес им печальную, но долгожданную весть, указав место, где находится его тело. И повелел похоронить его в обители.

* Сейчас на этом месте восстановлена часовня.

Угодник Божий назначил даже путеводителя к временной могиле своей. В видении святой Адриан сказал инокам, чтобы они, встретив близ селения Обжи крестьянина, пахущего на белой лошади, выпрягли бы ее и пустили на волю, а сами следовали за ней.

Братия так и поступила, и белая лошадь привела их к его могиле. Скорбящие иноки в болоте, под грудю мха, обрели нетленное тело страстотерпца.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Еще подвизался в Валаамском монастыре преподобный Евфросин Синоезерский и новгородский архиерей Геннадий, выходец из валаамских монахов, который, когда сгустились над Русью мрачные тучи ереси жидовствующих, бесстрашно обличал еретиков, скрывавшихся в великокняжеском дворце и митрополичьих палатах.

В ранней юности Геннадий решил посвятить себя монашеской жизни и удалился на Валаам. Здесь он стал учеником преподобного Савватия Соловецкого.

— Савватий когда на Валааме был, аз у него ученик был, а он мне старец... — рассказывал потом сам святитель.

Около четырех десятков лет скрытно от людских глаз возрастал на Валааме будущий святитель, чтобы во всей своей духовной мощи явиться в страшную для Отечества и Русской Православной Церкви минуту...

Господу угодно было, что в момент наивысшей опасности встал на пути ереси возвращенный Валаамом святитель Геннадий.

А тогда ересь жидовствующих распространилась уже и среди московских бояр, и в великокняжеском дворце, тогда даже митрополит всея Руси Зосима, занявший первосвятительскую кафедру в 1490 году, оказался зараженным этой ересью:

«...Явного еретика люди опасаются! — писал тогда святитель Геннадий. — А от этих как убережешься? Ведь они называют себя христианами и не обличат себя перед разумным, а вот глупого — съедят. За это им подобает двойная казнь и проклятье. О вере же нам заповедано не прибавлять, не убавлять, по апостолу: “Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема” (Гал. 1,8). Да и люди у нас простые, не умеют и об обычных книгах рассуждать — так что лучше не плодить с ними никаких прений о вере. Собор же надо учинить лишь для того, чтобы казнить еретиков... Ведь еретики мне приносили полное покаяние, брали епитимью — и, оставя все то, сбежали. И надо у них основательно дознаться, кого они прельстили, — а иначе, хотя их и искоренят, отрасли останутся. Да не плошайте, станьте крепко, чтоб не обратился на нас Божий гнев как на человекоугодников, предающих Христа вместе с Иудой! Ведь они иконы колют, режут, ругаются над Христом — а мы им угождаем да действуем по их воле. Однозначно требуется их наказать и проклясть».

Но не только казнями и устрашениями действовал святитель Геннадий.

Гигантская, непомерная для одного человека литературная и научная работа — свод библейских книг, так называемая «Геннадиева Библия» — совершена им.

Это был первый библейский канон и у русских, и у южных славянских народов... Библия Геннадия была положена как в основу Острожской библии, так и печатного издания Библии в 1663 году.

А еще святителем Геннадием была составлена пасхалия на семьдесят лет и, исходя из понятия «великого миротворного круга», дан ключ к составлению Вечной пасхалии.

Досадными для злобных еретиков были гонения, воздвигнутые святителем Геннадием, нестерпимым — свет, вожженный им...

На основании ложного доноса святитель Геннадий лишен был Новгородской кафедры и заточен в Чудов монастырь, где и отошел ко Господу 4 декабря 1505 года.

Словно из шума сосен, словно из плеска волн, бьющихся о береговые скалы, словно из тихого шепота молитв рождаются Валаамские предания... Словно засохшая кровь — темные пятна на суровом граните валаамской истории...

Страшной зимою 1578 года пришли на острова шведы...

Тогда, 20 февраля, девятнадцать благочестивых старцев и пятнадцать послушников «потреблены были мечом» за твердость свою в православной вере.

Этим кровавым разорением завершается эпоха, начавшаяся на островах с Креста, который водрузил апостол Андрей Первозванный. И вот буйными волнами лютеранского неистовства захлестнуло Валаамские острова. Тогда казалось, что навсегда...

В 1611 году, во времена Смуты, охватившей всю Русскую землю, войска Якова Делагарди (того самого, что увезет в Швецию набитый документами сундук) окончательно разорили Валаамский монастырь. А с 1617 г. по Столбовскому миру территория Карельского уезда вообще отошла под юрисдикцию шведской короны...

Оставшиеся в живых валаамские монахи покинули остров. Какое-то время скитались они по окрестным — Антониево-Дымская, Тихвинская — обителям, пока в 1618 году не осели в монастыре Василия Кесарийского в Старой Ладогe.

Валаамский строитель Сильвестр подал тогда челобитную царю Михаилу Федоровичу Романову, испрашивая позволения — «тот де Васильевский монастырь стоит пуст... тем монастырем и вотчиною и рыбными ловлями велено б им владеть, как владел того монастыря игумен и братия» — занять пустующий монастырь. Позволение было дано и валаамцы поселились в Старой Ладогe.

Валаамские старцы привезли с собой книги, церковную утварь и даже колокола, но долготелія, надобного, чтобы пережить затянувшееся на столетие изгнание, они не захватили с собою.

В 1620 г. в Васильевском монастыре жило восемь валаамских старцев, в 1687 г. осталось их всего трое...

«Божественной службы за пустотою по многие времена в том монастыре не бывает и монастырское строение все опустело без остатку...». Тихо, как человек, угасал великий русский монастырь. Тогда казалось, что навсегда...

Считается, что многие монастырские предания и истории сочинены непосредственно на Валааме, для того чтобы приукрасить чудесами историю монастыря... Так это или нет — в каждом случае надо разбираться отдельно, но то, что на Валааме тщательно замалчивали одно из самых главных чудес своей истории — факт. Это чудо — возрождение Валаамского монастыря в начале восемнадцатого века...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В феврале 1715 года, за шесть лет до принятия «Духовного Регламента», узаконившего закрытие «слабосильных» монастырей и общее наступление на Русскую Православную Церковь, архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иринарх, в подчинении которого находилась и обитель Василия Кесарийского в Старой Ладоге, совершил невероятное...

Он бил челом Петру I о передаче «на Ладожском озере остров Валамский и вокруг его рыбные ловли» Кириллову монастырю. Архимандрит мотивировал просьбу тем, что, во-первых, это бывшая вотчина Валаамского монастыря, община которого оказалась в составе Кирилловой обители; а, во-вторых, территория эта после изгнания шведов пока еще не имеет нового рос-

сийского владельца — «ныне впусте и никому не отдана».

Неведомо, какова бы была реакция императора...

Политика его заключалась не в устроении монастырей, а в ограничении и притеснении монастырей существующих. Но к Петру I челобитная не попала. Ее переслали по инстанциям князю А.Д. Меншикову, управлявшему тогда отвоеванными у Швеции землями.

Он и подписал в январе 1716 года Указ, в соответствии с которым просьба монастыря была удовлетворена и «остров Валамской со обретающимися на нем крестьяны и с пашней и с лесы сенными покосы и со всеми угоди» отдан в Кириллов Белозерской монастырь в вотчину. Рыбные ловли отдавались монастырю лишь на пять лет. «По прошествии тех пяти лет отдать тое рыбные ловли на откуп с торгу кто более давать будет»...

Понятно, что, подписывая указ, Меншиков думал не столько о монастыре, сколько о возможности привлечь к освоению Валаамских островов русского владельца.

«При этом, — пишут в своем исследовании «Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия» А.М. Спиридонов и О.А. Яровой, — он не отступал и от политического курса, направленного на сдерживание церковной собственности — эка вотчина: 4 крестьянских двора! А вот рыбные ловли — богатство! Тут государственной казне прибыль, а может, и своей собственной. Так и не отдал губернатор рыболовные угодья Валаама Кириллову монастырю насовсем. Пусть попользуются пока лет пяток — потом продадим тому, «кто больше даст».

Но если причины милости «светлейшего князя» просчитываются достаточно легко, то с мотивами поступков архимандрита Иринарха дела обстоят сложнее.

Нелепо предположение А. М. Спиридонова и О. А. Ярового, что архимандрит решил «выжать» из Валаама больше, чем могли ожидать в губернской администрации, и поэтому объявил епископу Ладожскому и Карельскому Аарону, в епархию которого входили теперь Валаамские острова, что «по имянному его великого государя указу велено... на Валамском острове строить вновь монастырь».

О каком «выжимании» речь, если приходилось не «выжимать», а делать достаточно серьезные вложения в монастырское строительство...

О риске мы уже не говорим...

Идти на подлог Указа самого императора ради какой-то весьма неблизкой выгоды?

Невероятно...

Через два десятка лет, Синод проведет расследование причин строительства нового монастыря на Валааме, и строителя Иосифа (Шарова) подвергнут в застенках Феофана Прокоповича пыткам.

«Под страхом за неправдивое и утайное показание нетотию монашеского чина, но и жесточайшего в светском суде истязания», Иосиф ответил на вопросы следователей.

Как обращались с лицами, заподозренными в создании подложных императорских грамот, как вырывались у Иосифа показания, догадаться нетрудно. О застенках Феофана Прокоповича и палачи из тайной канцелярии отзывались с ог-

ромным уважением. И тем не менее строитель Иосиф сумел не сказать ничего лишнего:

— Когда был сооружен Валамский монастырь?

— До моей бытности.

— Подлинный указ где ныне имеетца?

— Не знаю.

— Для каковых резонов оной Валамской монастырь к Кириллову монастырю Белозерского приписан?

— Не знаю.

— До приписки тот Валамской монастырь числился в Синодальной ли области или в коей епархии?

— Не знаю.

— Игуменство ль в нем было или строительство?

— Того я не знаю. А с моей бытности Валамской монастырь имелся и ныне имеется в ведомстве Кириллова монастыря Белозерского.

— Пашенной при монастыре колико десятин?

— Того сказать не упомяну.

— А на том де Валамском острове... по описи Кексгольмского баталиона капитана Василья Доможирова... показуется построенная часовня в прошлых годах, была ли?

— Того не ведаю. Таковой часовни по приходе своем в тот монастырь, а имянно в прошлом 1719, не застал и ныне никакой часовни в том Валамском монастыре також и жителей на оном острове трех дворов крестьянских и двора бобыльского не имеется...

Отнекиваясь, ссылаясь на настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря Иринарха, уже завершившего земной путь, Иосиф заявил далее, что сам он лишь выполнял распоряжения,

присылаемые от Кириллова монастыря, от епископа Ладожского и Карельского Аарона, от Новгородского архиерейского дома и Вологодского епископа.

В результате расследования дела о Валаамском монастыре члены Синода констатировали: «О строении того монастыря высокославная и вечностоящая памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского указа не имеется, а обретается с помянутой благословенной за рукой предреченного архимандрита Иринарха грамоты копия... объявлял оной архимандрит якобы вновь на том острове монастырь ему велено строить по имяному императорскому указу...»

Но было уже поздно...

В 1719 году на острове поднялась первая монастырская церковь — во имя Преображения Господня с приделами во имя Иоанна Богослова и Андрея Первозванного.

Как удалось возродить Валаамский монастырь непостижимо... Чтобы понять это, достаточно вспомнить, каким было то время...

Вот несколько дат ...

29 декабря 1714 года приказано ссылать на каторгу продавцов русского платья и сапог.

25 февраля 1717 года Петра I запретил раздавать на улицах милостыню.

26 июня 1718 года на Тихвинскую икону Божией Матери в Трубецком раскате Петропавловской крепости умер под пытками царевич Алексей.

25 января 1721 года Петр I утвердил составленный Феофаном Прокоповичем Духовный

регламент, устанавливающий новый порядок управления церковью. Вся церковная власть, по образцу протестантских государств, сосредоточивалась в Духовном коллегіуме.

«Монахам никаких по кельям писем, как выписок из книг, так и грамоток светских, без собственного ведения настоятеля, под жестоким на теле наказанием, никому не писать... — было указано в Правилах, прилагаемых к регламенту.

Как справедливо заметил Г. Флеровский: «Наличные монастыри он (Петр I. — *Н.К.*) предлагал обратить в рабочие дома, в дома призрения для подкидышей или для военных инвалидов, монахов превратить в лазаретную прислугу, а монахинь — в прядильщицы и кружевницы, выписав для того кружевниц из Бранбанта».

А 17 мая 1722 года по настоянию Петра I Синод отменил тайну исповеди. Священник обязан был сообщать в Преображенский приказ обо всех злоумышлениях «без всякого прикрывательства».

Чтобы возродить уничтоженный монастырь, в эти годы воистину должно было произойти чудо...

И случилось оно тогда, когда по высочайшей воле всем архиереям объявлено было, чтобы в епархиях у них чудес не вымышляли...

Но не запретить Божии чудеса, не отменить никаким Указом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда думаешь о судьбе строителя Иосифа (Шарова), понимаешь, что воистину потом и кровью в самом прямом значении этих слов, давались первые шаги возрождаемого монастыря....

«Лета от воплощения Бога-Слова 1723 в месяце Октомврии, возложивше различныи для монастыря потребныя вещи в малую ладью, рекомую стружен, яхомся пути, пловуще от града Ладоги озером Ладожским в Валаамский монастырь, аз и два слуги монастыря того. Не достигшим же нам Ондрусова монастыря, яко три поприща, нача мрачитися воздух, абие возста велия буря, и ово волне биющей в ладью, в ней же бехом ово же ветру ударяющу на долг час в ветрило, опровержися ладия в озеро, и слуги бывшие на ней погибоша, — пишет в записке, озаглавленной «Нешастное приключение», валаамский строитель Иосиф (Шаров). — Остася же аз един придержася кормилу, им же управлях, и имый в руке вервь, утвержденную к ладии той...»

Весь день и всю ночь носился строитель Иосиф (Шаров) по волнам, вопия к Богу, призывая спасти его, как спас Бог Иону во чреве кита... Наконец, услышано было моление — вместе с обломками ладьи Иосифа выбросило на берег. Не видя ничего и не слыша, пополз он, пока не добрался до рыбацкой хижины.

Однако на этом приключения отца Иосифа не закончились, потому что рыбак заставил его — «безножного»! — идти назад на берег, чтобы по-

казать, где потерпела крушение монастырская ладя. По дороге на берег Иосиф (Шаров) угодил в ловушку, устроенную звероловами.

«Грядущу ми в дубраве и ничто же таково помышляющую внезапно ступих единою ногою в уготованную лова ради зверей тенету. Ей же восторгнутой бывшей на высоту, обвесихся стремглав, едва лицом касаяся до земли. Сице висящу и вопиющу ми гласом велиим, абие притече водяй мя рыбарь и пререза тенету, яже оцеплена бе ко древу; аз же став на нозе, воскликнув ко Господу Псаломскую песнь: благо мне, яко смирил мя еси».

Почему автор «Нещастного приключения», строитель Иосиф (Шаров), рассказывая «яко смирил мя» Господь, картины своей несмиренности не приводит?

Напротив... Он говорит, что хотя и изувечены были его ноги, он пошел за рыбаком на берег, покорно исполняя нелепый приказ...

Эту нескладность повествования отчасти объясняет сопоставление дат.

Само «нешчастное приключение» случилось в 1723 году, когда был еще жив Петр I... Рассказано «приключение» в 1769 году, уже во времена правления Екатерины II...

Примерно посредине между «приключением» и рассказом о приключении — 1736 год, в самом начале которого на Валаам была отправлена целая воинская команда, чтобы «за своим крепким (дабы они утечки и здравию своему повреждения учинить не могли) караулом привезли без всякого времени продолжения» строителя Иосифа (Шарова)...

Еще в этот год расцвета бироновщины, 8 сентября, приставив ко лбу палец, со словами: «О главо, главо! Разуму упившись, куда ея приклонить?» — умрет крупнейший идеолог проведения протестантской реформы в Православной Церкви Феофан Прокопович.

Строителю Иосифу (Шарову) могло повезти, и он не попал бы в его застенки...

Но он мог попасть в эти застенки и раньше, когда Феофан Прокопович еще не подвержен был приступам внезапного равнодушия, находившими на него в последний год. И тогда уж наверняка не выйти было бы из этого застенка человеку, осмелившемуся затеять возрождение Валаамского монастыря...

А так, хотя и на дыбу поднимали строителя Иосифа (Шарова), и кнутом «испытывали», и над ногами с огненной смесью мудрили, но жив остался, и хотя и калекой, но вернулся на Валаам...

И вот...

Переживая свое «несчастное приключение», не прозревал ли строитель Иосиф (Шаров) свое близкое будущее? Или, наоборот... Может быть, описывая «несчастное приключение», вспоминал он о застенке Феофана Прокоповича, и — индизказательно — пытался рассказать, что с ним произошло...

Так или иначе, но поведение рыбаков, к которым попадает герой «Несчастливого приключения», подозрительно напоминает поведение сделавших свое дело палачей...

«Рыбарь же... обрете мя толико немощна, яко ни востати о себе, ниже проглаголати ми леть бе, недуга ради телеснаго. Видев же сия, шед при-

гласи прочия рыба̀ри: они же притекше и прине-соша в хижину свою... у них же лежаху неведо-мии два человека... еле жива суца и молиша, да им помогут. Рыба̀ри совокульшеся идоша и подъемше на вретѣщах человеков сих, прине-соша. Единаго убо положивше чревом на дельфу; и егда начаша врацати семо и овамо, абие умре. Другаго же выпрѣ подъемше рукама, поверго-ша на землю, он же отрыгну из гортани своя за-пекшуюся кровь, и пришед в себе, проглагола. Таже повергоша и мене; изыде же и из мене та-коваяжде кровь и аз подобие проглаголах...»

Тридцать три года спустя после пыток в за-стенках Феофана Прокоповича, поглядывая на свои ноги, что «осташеся до дне сего черны, аки углие», строитель Иосиф (Шаров) рассказывает про «несчастное приключение», бывшее с ним почти полвека назад...

Понятно, что события жизни наплывали одно на другое...

Понятно, что не могло присутствовать здесь — вспомним о бушевавших тогда преследованиях духовенства и запрете на чудеса — некое ино-сказание.

Понятно, что Иосиф, попав к рыба̀кам, нахо-дился в том крайнем состоянии переутомления и болезненной горячки, когда сознание любого человека легко открывается для прошлого и для будущего...

И не так и важно, «путает» в своем рассказе Иосиф Шаров различные события своей жизни, вспоминая их, или же прозирает свою жизнь вперед.

В сущности, это абсолютно безразлично...

В том высоком молитвенном сосредоточении, в котором находился Иосиф (Шаров), восстанавливая на свой страх и риск Валаамский монастырь, восстанавливая его, по сути дела, вопреки воле императора, и не могло не сливаться настоящее, прошлое и будущее в единое, Божие время...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Текст «Нешастного приключения...», записанного «страстотерпцем» Иосифом (Шаровым), сшит с описанием кораблекрушения, в которое попал, кстати сказать, вскоре после кончины игумена Ефрема, другой будущий валаамский игумен Иннокентий, в бытность свою еще иеромонахом...

«В Лета 1782-го в августе месяце бысть послан из Валаамского монастыря с некоторою братиею иеромонах Иннокентий в город Новую Ладогу, для покупки хлебного для монастыря припаса. И егда возвращахуся в монастырь плавание творя по Олонецкому берегу Ладожскаго Озера и уже быти им на два только поприща от Ондрусовой пустыни, в то время внезапно воста буря велия и вдруг сильным ветром понесло их сойму на средину озера, вскоре же село судно на луду, где и било их всю ночь волнами до того, что сойму на бок опрокинуло, а после и на части разбило, волне же чрез сойму их перекатываясь ежеминутно приводили всех их в страхе смерти.

Когда же погода к утру стихла, тогда иеромонах Иннокентий сделал из досок плотик, стал на

оний. Зная же, что они недалеко находятся от пустыни, преподобным Адрианом во имя святителя и Чудотворца Николая созданной и по упразднении тогда в конечном запустении бывшей, помолился сим святым, дав обет и жить в сей пустыне и возобновить ее по возможности: и тако поплыл волнами носимый, (в Ладожском озере волны после бурь более суток неутихают) — и Божиим поспешеством за молитвы святителя и Чудотворца Николая и преподобного Адриана, принесен был волнами к берегу безбедственно, и что удивительно, прямо к Андрусовой пустыне...

Вышед убо на берег и вшед в монастырь велие воздаде благодарение Спасителю Богу, Божией Матери, святителю и Чудотворцу Николаю и преподобному Адриану за избавление свое и сущей с ним братии от потопления»...

Параллели тут очевидны.

Герой «Нещастного приключения» — строитель Валаамского монастыря Иосиф (Шаров).

Герой «Сказания» — иеромонах Валаамского монастыря Иннокентий.

Оба они местные уроженцы... Иосиф Шаров родился в Старой Ладоге... Иннокентий — недалеко от Олонца, в деревне Рижкалицы Туксинского прихода.

И тот и другой плывут на Валаам. Буря застигает Иосифа Шарова в трех поприщах от Ондрусова монастыря. Иеромонаха Иннокентия — в двух поприщах. И тот и другой обращаются с молитвой к Николаю-угоднику. И тот и другой чудом спасаются с потерпевшей крушение ладьи.

Но в отличие от Иосифа, Иннокентий живет в другое время. Уже притихли гонения на Православную Церковь, уже не запрещаются чудеса... Иннокентий твердо знает, где он потерпел кораблекрушение, развалины какого монастыря расположены на берегу... Он не просто молится, но дает (в Петровские времена это было бы приравнено к государственному преступлению!) обет возобновить по возможности Ондрусову пустыню...

Не поэтому ли и возвращается на Валаам не с черным «аки углие» ногами, а благополучно, сумев спасти и хлебный припас, что вез в монастырь?

Совершенно очевидно, что игумен Иннокентий, составляя «Сказание...», тоже думал о поучительных совпадениях двух разделенных шестьюдесятью шестью годами русской истории кораблекрушений... Но по смиренномудрию своему не говорит он, что не понята была Иосифом воля святого Адриана Андрусовского, потому и понес Иосиф кару...

А, может быть, слишком хорошо понимал Иннокентий, о чем хотел рассказать Иосиф (Шаров), чтобы осмелиться на прямое сопоставление своего кораблекрушения с кораблекрушением «Нещастного приключения»...

Мы не знаем этого...

Игумен Иннокентий просто вошел в свой труд — эти листки даже и формата другого! — описание «Нещастного приключения...» и этим ограничился.

Как явствует из «Сказания...», Иннокентий тоже не сразу приступил к исполнению обета и как бы и позабыл про него. И тогда было сделано вразумление.

«По прошествии одного месяца во един от дней видит сей старец Иннокентий в сонном видении Николая Чудотворца в священнической одежде и омофоре и за ним святолепна старца, иже бысть, по мнению его, преподобный Адриан Андрусовский, иже и рекоша ему: что ты обещания не исполняешь? Есть ли не исполнишь, то горше постраждешь, еже и бысть.

На другой бо год паки старец Иннокентий посылает бывает с малою дружиною из Валаамскаго монастыря в Новую Ладугу за покупкою муки, крупы и прочаго хлебнаго припаса...

Нагрузив убо в Ладогe сойму, поехали они в монастырь обратно и опять по Олонецкому берегу. И как скоро изровнялись противу Андрусовой пустыни, то вдруг встал с берега ветер, который и понес лодку их в море против ночи. И паруса все разорвало, и несло без парусов бокom, в ту же ночь и гром и молния и дождь весьма сильные били.

Вот я и вспомнил, что святой Николай Чудотворец сказал, что будешь ты наказан, есть ли не исполнишь обещания своего и паки призываю угодника Божия Николая Чудотворца в помощь и преподобного Адриана: свободите нас от беды и смерти сея, есть ли жив буду, то буду проситься у Преосвященного пожить и за помощью Божиею и Божия Матери и угодников Николая Чудотворца и преподобнаго Адриана Чудотворца, поправить монастырь потщуся... И посмотрим, показался берег: то слава Богу, мы обрадовались, а как приехали поближе, то усмотрели Коневский монастырь, и весьма обрадовались, и пристали в пристань, и пошли в монастырь согреться и отдохнуть»...

На этих словах завершается Валаамское «Сказание о преподобном отце нашем Адриане чудотворце, основавшем около 1520 года по Р.Х. на берегу Ладожского озера в 25 верстах от города Олонца монастырь, именуемые ныне Ондрусова пустыня».

Далее продолжается «Сказание», сотворенное молитвами, хлопотами и трудами игумена Иннокентия на месте заброшенной Ондрусовой пустыни.

Тридцать лет не удавалось исполнить ему данный обет, но пришел срок и, как пишет архимандрит Никодим, «отец Иннокентий ревностно приступил к святому делу: храмы Божии привел в должное благолепие; воздвиг необходимые здания: его старанием возвращены пустыни древние дары царские: тони на Ладожском озере и другие угоды; он исходатайствовал дозволение числиться пустыни приписною к Валаамскому монастырю, с содержанием заштатной семибратской, из своего монастыря назначил благонадежного настоятеля и перевел шесть человек монашествующих».

Сдав в 1823 году (ему было уже восемьдесят пять лет) игуменство Валаамского монастыря, старец Иннокентий посвятил оставшиеся годы двум обновленным им пустыням: Ондрусовой и Сяндемской.

Скончался он в возрасте 90 лет — 22 сентября 1828 года и погребен на Валааме.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы привели здесь рассказы о кораблекрушениях, которые претерпели два валаамских игумена, потому что в историях этих ощутимо видно как меняется сам характер валаамских насельников по мере постепенной легализации *незаконным образом* восстановленного монастыря... Мы видим, как расцветает он, набирая силу...

Капитан Яков Мордвинов, побывавший в монастыре в 1777 году, свидетельствовал, что в соборной церкви имеется придел во имя Сергия и Германа, «где и мощи преподобных под спудом, а сверху сделаны раки, и на раках положены живописные их образы».

Капитан Мордвинов побывал также и на Святом острове, посетил пещеру, где подвизался преподобный Александр Свирский, в бытность свою валаамским иноком.

«Пристали к берегу... Крест деревянный... В половине горы часовня деревянная, и в ней образы. Часовня поставлена и образы писаны при игумене Ефреме. Позади той часовни пещера в каменной горе... Проход в нее тесен и проходили на коленях. Вошед в пещеру можно стоять двум человекам. В оной стоит деревянный небольшой крест и лежат небольшие два камня».

Когда перечитываешь сейчас свидетельства Мордвинова, кажется, что он и сам как бы ощущал присутствие святых где-то совсем рядом...

И не только Мордвинов...

Именно в бытность игуменом, Ефрем, вопреки опять же высочайшему запрещению чудес, начинается новый, так сказать, этап в деятельности валаамских святых. Снова их помощь становится реальной и ощутимой...

Своенравное озеро окружает монастырские острова, и многие истории и предания связаны тут с чудесными избавлениями от потоплений.

Шли как-то ранней весной олонецкие крестьяне в монастырь. Тут поднялся ветер, взломал лед... Трое суток носило олончан на льдине по озеру, не чаяли и живыми остаться, как вдруг явилось двое светозарных старцев монахов.

— Не бойтесь! — объявили они. — Не погибнете вы в озерной пучине. Но, прибыв в монастырь, закажите, чтобы совершили молебен перед иконой Смоленской Божией Матери, что стоит в чернорабочей избе.

— Кто вы, святые отче? — пав на колени, спросили паломники.

— Мы валаамские старцы, Сергей и Герман! — был ответ. — Уповайте на Бога и не страшитесь.

Очнувшись, крестьяне увидели, что льдину прибило к подножью скалы, на вершине которой стоит монастырь. Паломники пошли в избу, где жили трудники и нашли там образ Смоленской Божией Матери. Перед ним и был совершен благодарственный молебен...

Благодаря неутомимой деятельности игумена Ефрема, благодаря помощи и заступничеству святых, память о которых вернулась в монастырь, значительно укрепилось положение обители во всем Приладожье.

При Ефреме на Валааме у стен монастыря ежегодно собиралась ярмарка, ставшая вскоре одной из крупнейших во всей Карелии. Сюда съезжались жители побережья Ладожского озера: западного — «финского», восточного — «карельского», южного — «русского».

И одним из первых плодов принесенных им во второй своей жизни, конечно же, был иеромонах Герман Аляскинский...

«Утренний свет Валаама отразился и в туманах северной Америки, — говорится в «Валаамском слове о Валаамском монастыре». — В 1794 году отправились на Алеутские острова валаамские монахи. И среди них Герман — просветитель алеутов. Сияя дивным подвижничеством, одаренный от Господа даром чудотворений и прозорливостью, о. Герман долее всех своих собратий подвизался подвигом апостольским...»

Подобно древним пустынноикам, сорок лет вел этот валаамский инок подвижническую жизнь на Алеутском Еловом острове, переименованном им в Новый Валаам...

Как проблеск далекого света Святой Руси, возникает он в истории новой, послепетровской России...

Ему было семнадцать лет, когда страшная болезнь поразила его. В горле возникла опухоль, которая стремительно начала разрастаться... Все лицо молодого инокa было обезображено, страдания становилась с каждой минутой сильнее...

Врачи ничем не смогли помочь инокy, да он и не ждал помощи от них. Превозмогая боль, горячо молился он перед образом Царицы Небесной, прося исцеления у Нее. Закончив молитву,

Герман протер Пречистый лик влажным полотенцем и обвязал им опухоль. Когда же проснулся утром, опухоли как не бывало...

С такой же твердой верою в помощь и заступничество Царицы Небесной понес Герман в 1794 году свет православия обитателям Алеутских островов.

На острове Еловом, названном им Новым Ва-лаамом и отделенном проливом от острова, где находилась Духовная миссия, отец Герман выкопал руками пещеру в земле и провел в ней целое лето. К зиме, близ пещеры, компания выстроила для него келью, в которой и жил просветитель алеутов до смерти, а пещеру обратил в место могильного упокоения.

Недалеко от кельи возвышались деревянная часовня и деревянный домик училища. Перед кельей раскинулся огород...

Вот, кажется, и все поприще просветителя алеутов в течение более сорока лет его жизни... Но таким огромным оказался подвиг, совершенный отцом Германом на этом поприще, что и сейчас, столетия спустя, с трудом оглядываешь его...

Отец Герман сам копал гряды для картофеля и капусты, запасал к зиме грибы, соль тоже приготавливал сам из морской воды. Плетеный короб, в котором старец носил с берега морскую капусту для удобрения земли, был так велик, что его с трудом поднимали и здоровые мужики...

Но Господь давал силу немощному инок.

Однажды зимней ночью ученики увидели отца Германа, идущего босиком из леса... На плече святой Герман нес такое большое дерево, которое нелегко было бы нести и вчетвером...

Все, что приобретал отец Герман своим трудом, употреблялось им на пропитание и одежду для сирот — воспитанников... Но и все население островов было воспитанниками, духовными сыновьями и дочерьми отца Германа...

«Любезному нашему отечеству, — писал просветитель алеутов в управление Русско-американской компании, — Творец, как будто новорожденного младенца, дать изволил край сей, который еще не имеет ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабого — ради младенческого возраста — самого поддержания; но и о том самом не имеет он еще способностей кому-либо сделать свою просьбу. А как зависимость сего народного блага небесным Провидением, неизвестно до какого-то времени, отдана в руки находящемуся здесь русскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти; сего ради я, *нижайший слуга здешних народов и нянька* (курсив наш — Н.К.), от лица тех пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем; но с немотою, младенческим языком говорим: “Отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуметь, что значит отрада!”»

О самом себе отец Герман заботился менее всего. Одежда его была одна зимою и летом. Вместо рубашки носил оленью кухлянку, которую «по восьми лет не снимал и не переменил». В ветхой полинялой рясе и клобуке ходил и под дождем, и в метель, и в морозы.

Постелью служила скамья; изголовьем — два кирпича, которые были прикрыты шкурою, чтобы посетители не замечали их. Одежда отцу Герману заменяла деревянная доска, лежавшая на печке...

Тело старца, изнуряемое трудами, бдением и постом, сокрушали пятнадцатифунтовые вериги.

Эти вериги найдены были после смерти отца Германа за образом Божией Матери, откуда они, как говорили ученики, сами и выпали.

— Трудную жизнь вел дедушка! — рассказывал о подвигах учителя, его воспитанник, алеут Игнатий. — Никто не может подражать его жизни!

— Как вы, отец Герман, живете одни в лесу? Как не соскучитесь? — спрашивали служащие Русско-американской компании, навещавшие время от времени отшельника.

— Нет! Я там не один! — отвечал отец Герман. — Там есть Бог, как и везде есть Бог! Там есть ангелы святые! И можно ли с ними соскучиться? С кем же лучше и приятнее беседа, с людьми или с ангелами? Конечно, с ангелами!

«Истинного христианина, — писал этот проповедник нового времени, — делают вера и любовь ко Христу. Грехи наши нимало христианству не препятствуют, по слову самого Спасителя. Он изволил сказать: «Не праведные приидох призвати, но грешные спасти». Радость бывает на небеси о едином кающемся более, нежели о девяносто праведниках. Также о блуднице, прикасающейся к ногам его, фарисею Симону изволил говорить: имеющему любовь многих долг прощается, а с неимеющего любви и малый

взыскивается. Сими рассуждениями христианин должен приводить себя в надежду и радость, и отнюдь не внимать наносимому отчаянно; тут нужен щит веры.

Грех любящему Бога не что иное, как стрела от неприятеля на сражении. Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к небесному своему отечеству...

Пустые века сего желанья удаляют от отечества, любовь к тем и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье; оно названо от Апостолов «внешний человек». Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призывая Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желанья, в новую любовь будущего века, и чрез то узнавать наше к небесному отечеству приближение или удаление; но скоро сего сделать невозможно, а должно следовать примеру больных, которые, желая любезного здравия, не оставляют изыскивать средств для излечения себя».

Впрочем, и алеуты не давали скучать отцу Герману. С далеких островов плыли они к чудесному старцу, испрашивая его заступничества, помощи, совета.

Однажды на Еловом острове началось наводнение...

Жители, спасаясь от наступающей воды, прибежали к старцу. Он взял икону Божией Матери, поставил ее на отмель и стал молиться. Потом, обратившись к присутствующим, сказал:

— Не бойтесь, далее этого места, где стоит икона, не пойдет вода.

Слово старца исполнилось...

Среди Елового острова по горе сбегает в море небольшой ручеек, у которого устье всегда за-мывает буруном. Весною, когда появлялась реч-ная рыба, старец огребал песок, чтобы можно было пройти рыбе, и рыба стремилась в реку.

— Бывало, скажет апа, — рассказывал Аме-гага, — пойдешь и достанешь рыбу в реке!

Сушеною рыбой кормил отец Герман птиц, множество их кружилось над его кельей...

Под кельей у отца Германа жили горностаи. Старец кормил их из рук.

Видели, как кормит отец Герман и медведей.

«Со смертью старца и птицы и звери удали-лись; даже огород его перестал давать уро-жайи...» — утверждал ученик старца Игнатий.

А вот случай, который произошел с бароном Врангелем. По просьбе старца, Фердинанд Пет-рович писал под диктовку старца письмо митро-политу. Когда письмо было окончено, святой Герман, желая поблагодарить барона за помощь, поздравил его с чином адмирала. Фердинанд Петрович изумился, но, спустя несколько не-дель, пришло официальное известие о присвое-нии адмиральского звания...

Незадолго до своей кончины приказал отец Герман ученику своему Герасиму зажечь све-чи перед иконами и читать Деяния святых апостолов.

Через несколько времени лицо его просияло, и он громко произнес:

— Слава Тебе, Господи!

Потом, приказав прекратить чтение, объявил, что Господу угодно еще на неделю продлить его

жизнь. Через неделю, опять по приказанию его, были зажжены свечи и читали Деяния.

Тихо преклонил старец свою голову, просияло лицо его, келья наполнилась благоуханиями. Отца Германа не стало! Почил сном праведника он на восемьдесят первом году многотрудной жизни.

В этот день, 13 декабря 1837 года, видели окрестные жители над Еловым островом необыкновенно светлый, достигавший до неба столб.

— Видно, отец Герман оставил нас! — сразу распространилась молва.

В тот же вечер, в другом селении на Афогнаке, видели человека, поднимавшегося с Елового острова к облакам...

Валаамское предание утверждает, что, установив крест на острове, святой апостол Андрей Первозванный обратился к местным жителям со словами проповеди.

Продолжением этой великой апостольской проповеди и были деяния святого Германа Аляскинского и других разошедшихся по русскому северу, по далеким островам валаамских иноков...

Герман Аляскинский канонизирован уже в наше время, в 1970 году. А одним из первых валаамцев был канонизирован сподвижник основателя валаамской обители Сергия — преподобный Герман. Его обычно изображают на иконах со свитком в руке, на котором написано: «Трисолнечный свет православно славим, Пресвятой Троице поклоняемся».

Между двумя тезками-святыми целый сонм преподобных, святителей, великомучеников,

составивших Собор валаамских святых. Преподобные: Авраамий Ростовский, Корнилий Палеостровский, Арсений Коневский, Савватий Соловецкий, Александр Свирский, Афанасий Сяндемский, Адриан Ондрусовский, Евфросин Синоезерский, Лев Оптинский, Арефа Верхотурский... Святители: Иоанн Новгородский и Геннадий Новгородский...

Здесь и 18 человек достоблаженных и благочестивых старцев и 16 послушников, мученически истребленных за твердость в православной вере, «побиты мечем от немец 20 февраля 1578 года»...

А еще: священномученик игумен Макарий и иже с ним пострадавшие 34 инока, убиенные шведами в 1611 году...

А еще: новомученики валаамские...

Если сосчитать всех — не меньше сотни наберется. Святая черная валаамская сотня...

Это не мифические черносотенцы, которыми запугивают атеистическую публику современные средства массовой информации, а реальные, предстоящие Престолу Божию молитвенники, что останавливали и останавливают своим заступничеством нашествие сатанинского зла на нашу землю.

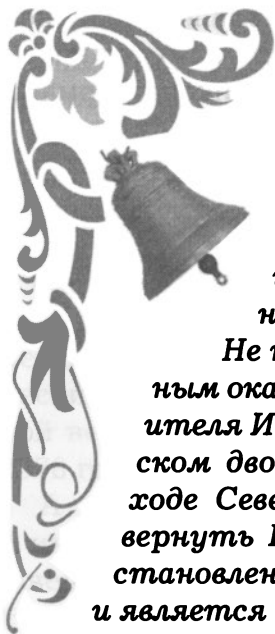
И так было и во времена наступления «ереси жидовствующих», и в 1917, и в 1941, и сейчас...

И смотришь со стороны залива, как, поднявшись высоко вверх по гранитной скале, почти в небе парит белокаменный монастырь, сияя золотыми крестами на голубых маковках, и кажется, что крепкими руками своих великих подвижников и поддерживается он посреди неба....

10 июня 1999 года было объявлено о праздновании Собора Валаамских святых... А одиннадцатого июня начала мироточить икона Германа Аляскинского...

Три дня длилось мироточение...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Закончилась длившаяся
целое столетие печальная
ночь Валаама.

Не прошло и полувека, а прощен-
ным оказалось «преступление» стро-
ителя Иосифа (Шарова). Теперь в цар-
ском дворце рассуждали, что коли в
ходе Северной войны России удалось
вернуть Валаамские острова, то вос-
становленный на них монастырь
и является памятником этому освобож-
дению, а значит и всей деятельности Пет-
ра Великого.

Рассказывая об игумене Иннокентии
и преподобном Германе Аляскинском, мы не-
сколько забежали вперед и пропустили игумена
Назария, без которого и не было бы, возможно,
ни просветителя алеутов Германа Аляскинско-
го, ни игумена Иннокентия... Игуменство, ми-
новать которое, рассказывая об истории Вала-
амского монастыря, никак нельзя...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Заботливое сердце преосвященного Гаврии-
ла, — пишет летописец монастыря, — чувство-

вало скорбное положение Валамского монастыря. Желая восстановить на Валааме селение святых и тем принести Спасителю мира благоугодную жертву, в 1781 году святитель вызвал из Саровской пустыни Тамбовской епархии иеромонаха Назария, и определил его строителем в Валаамский монастырь».

Отец Назарий был великим старцем.

Говорят, что о делах мирских он и слов не знал говорить, зато когда отверзал уста, чтобы рассуждать о подвигах против страстей, о любви к добродетелям, слушающие забывали время, так услаждала их эта беседа.

Всегда слова Назария были правдивы и прямы, а порою и резки, но это не мешало его собеседникам поучаться любви и послушанию.

Смиренный сам, Назарий и других обучал смирению...

Не желая лишаться отца Назария, настоятель Саровской пустыни и преосвященный Феофил попытались представить отца Назария, как малоумного и неопытного в духовной жизни человека.

Однако хитрость эта не имела успеха.

— Пришлите скорее мне вашего глупца! — потребовал митрополит Новгородский, Высокопреосвященный Гавриил. — Умников у меня и своих хватает...

Отец Назарий принял Валаамскую обитель, когда там «был строитель, один монах, два белые священника, но и те все потонули...», а оставил монастырь с каменными, при нем отстроенными соборами, с возрожденными скитами, с братством, превышающим пятьдесят монахов.

Наверное, правильнее будет сказать, что Назарий не возродил Валаамский монастырь, а вымолил возрождение монастыря.

Еще будучи настоятелем, он порою целые недели проводил в уединенной пустыни, занимаясь молитвою и рукоделием...

«Помолимся духом, помолимся и умом, — писал отец Назарий, уже удалившись на покой. — Взойдите-ка в слова святого Апостола Павла: хочу рещи лучше пять слов умом, нежели тысячу языком (2 Кор. 14; 15, 19). Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить; что за радость! Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго. Вообразите-ка: Господи, кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого все небесныя силы трепещутъ. Иисусе Христе, Сыне Божий! Ты ради меня кровь свою излилял, спас меня, сошел на землю... Ум и сердце собрать во едино, глаза закрыть, мысленныя очи возвести ко Господу. О, сладчайший и дражайший Господи Иисусе Христе Сыне Божий!».

Воистину — прямо из священных тайников умного делания восходят эти проникновенные, пропитанные небесным светом слова...

Отец Назарий обладал редким даром прозорливости. Без испытания узнавал он мысли, характер и склонности приходящих к нему и побуждал их к исправлению недостатков, какие прозорливо усматривал в собеседнике.

Однажды в Петербурге Назария пригласили к сановнику, попавшему в немилость у государя.

— Помолитесь за него, отче! — попросила Назария супруга сановника. — От горя муж уже слег совсем...

— Хорошо! — сказал Назарий. — Надо, надо помолиться Господу, чтобы наставил государя, но надо попросить и приближенных Его...

— Мы уже всех просили... — сказала супруга, думая, что Назарий говорит о начальниках мужа. — Что-то надежды мало...

— Да вы, небось, не тех и не так просите... Дай мне матушка несколько денег.

Супруга сановника тотчас достала кошелек, набитый золотыми монетами.

— Нет! — покачал головою Назарий. — Эти деньги мне не годятся. Нет ли медных у тебя или маленьких серебряных?

Весь день Назарий ходил по Петербургу и раздавал милостыню нищим, а вечером пришел в дом сановника.

— Слава Богу! — сказал. — Обещали все царские приближенные за вас.

Еще не отошел он от постели больного сановника, как пришло известие о благополучном разрешении дела и прекращении государевой немилости.

— Кто же, отче, из приближенных государя был ко мне более благосклонен? — спросил ободрившийся сановник.

Тут и узнал он, что это были нищие — приближенные Господа. Они, получив милостыню, молились за опального сановника и вымолили ему прощение...

Высокопреосвященный митрополит Гавриил, которому обязан Валаам появлением на островах отца Назария, чрезвычайно ценил старца. Наставляя переводчиков «Добротолубия», он предписал им советоваться во всем с духовными

старцами. Первым среди старцев назвал отца Назария.

— Они, — сказал тогда высокопреосвященный, — хотя и не знают, как вы греческого языка, но из опыта лучше вас понимают духовные истины, а потому правильное могут изъяснить наставления, содержащиеся в этой книге...

По словам монастырского «Валаамского слова», «со вступлением о. Назария на святые горы полились на них радостные утренние лучи»...

И это не поэтический образ, а строгий научный факт.

При Назарии все каким-то чудесным образом устраивается на Валааме...

Перечислить все, совершенное им, невозможно, но главное дело — монастырский устав, созданный по образцу Саровской пустыни и прижившийся на Валааме, потому что он оказался созвучным и близким древнему уставу Спасо-Преображенского монастыря...

С Уставом игумена Назария, конечно же, произошло чудо.

Назарий и предположить не мог, что приведенный им Устав окажется так близок древнему Уставу монастыря.

Но именно так и случилось...

И подтверждение этому — возвращение в монастырь самых первых святых насельников Валаама, основателей монастыря: преподобных Сергия и Германа, преподобного Александра Свирского...

При Назарии начинается возрождаться почитание их в монастыре. В 1819 году имена основателей Валаама заносятся во все печатные месяцесловы.

Другое подтверждение правильности устройства возрожденной обители — приход на острова белобережских старцев. Они ведь искали место для свершения монашеских подвигов и нашли — пусть и не на долгое время — на Валааме.

Когда белобережские старцы пришли на Валаам, Назарий уже покинул обитель, вернулся назад в Саровскую пустынь, из которой и был призван для устройства Валаама.

И тут, в этой смене духовных светильников монастыря явно прослеживается преемственность, выстроенная, как нам кажется, самим Божиим Промыслом.

Самое начало девятнадцатого века...

Валаам... Саровского пустынника сменяют старцы, которым суждено просиять в Оптиной пустыни... Встреча Сарова и Оптиной на Валааме...

Воистину, свет рождает свет, светом полнится и светом изливается...

«Исполненный дней, — как сказано в монастырской биографии, — отец Назарий преставился на вечный покой в Саровской пустыне 23 февраля 1809 года, 74 лет от рождения. Тело его погребено у алтаря теплой церкви...»

На могильном памятнике начертаны стихи:

*Назарий прахом здесь, душой на небесах,
И будет незабвен в чувствительных сердцах,
В которых он вместил священные те таланты,
Пред коими ничто мирские адаманты...»*

Стихи, как тут не вспомнить преосвященного Феофила, вздыхавшего насчет «малоумности»

Назария, простоваты, конечно, но с другой стороны сложных и умных стихов и так хватает...

Рассказывая об игуменстве Назария, нельзя не упомянуть, что это при нем, осенью 1785 года, появился в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре тульский крестьянин Василий Васильев и смиренно попросил настоятеля дозволить пожить на острове...

Это был человек, который известен в истории нашей страны под именем прорицателя Авеля.

В «Житии и страданиях отца и монаха Авеля», глухо упоминается о бесовских искушениях инока-отшельника в Валаамском скиту, где «множество темных духов нападаше нань». Случилось то, что сам он считал божественным чудом, определившим его судьбу: «сказа ему безвестная и тайная Господь» о том, что будет впредь всему миру. «По сему ж взяли отца Авеля два духа... Буди ты новый Адам и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси; и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания. Тем и скажи и напиши. И прочая таковая многая к нему глаголаша».

И «начаша» Авель с того времени писать, что «что кому вместно».

Как явствует из «Жития и страданий...», обрета пророческий дар, Авель покинул Валаам и отправился в новое странствие, чтобы «сказывать и проповедовать тайны Божий и судьбы его».

Через девять лет, он остановится на Волге, в Костромской губернии, в Николо-Бабаевском

монастыре. Именно здесь Авель написал первую из созданных им «зело пристрастных» пророческих книг (всего их было три, но ни одна из них не дошла до нашего времени, бесследно исчезнув еще в XIX веке).

Помимо всего прочего в книге, составленной Авелем, с необыкновенной точностью был предсказан день и час кончины императрицы Екатерины II... Когда об этом стало известно костромскому губернатору, Авеля под конвоем отправили в Петербург.

Нет нужды пересказывать историю встреч Авеля с императрицей Екатериной Великой, императором Павлом, императором Александром Первым... Эти аудиенции завершались для пророка тюрьмой.

Как сказано в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «за свои предсказания дней и часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы Авель многократно попадал в тюрьмы, а всего провел в заключении около 20 лет. По приказанию императора Николая I Авель был заточен в Спасо-Евфимьевский монастырь, где и умер в 1841 году».

Из послания Амвросия, митрополита Петербургского генерал-прокурору Оболянинову от 19 марта 1800 года явствует, что монах Авель ссылался в 1798 году снова на Валаам.

Но способности к прорицанию мешали Авелю и в монастыре.

У одного из иеромонахов на Валааме, пропали тогда серебряные ложки и турецкие деньги. Начались поиски... Вот тогда Авель и принес вещи игумену Назарию, и заявил, что он знает похитителя, но не может назвать его имени.

Авель заявил Назарию, что истину он установил «через сонное видение».

Назарий, уже давно приглядывавшийся к загадочному монаху, решил навестить того в келье. Там он обнаружил странную книгу на непонятном языке, а в ней лист бумаги с русскими литерами.

В ответ на вопрос Назария: «Что это за книга?», Авель сказал, что ему дали ее почитать, и бросился на настоятеля с криком, чтобы тот ее не брал, угрожая ему физической расправой. Но книгу эту Назарий у Авеля все же забрал и исследовал с братией. Обнаружилось, что книга «писана языком неизвестным».

Личность монаха Авеля таинственна и загадочна, как и изъятая у него книга... Упоминая о нем в истории Валаамского монастыря, обратим внимание, что на Валааме получает Авель дар предсказания, а записывает свои предсказания в Николо-Бабаевском монастыре...

Любопытно, что эта связка Валаама и Николо-Бабаевского монастыря повторится еще раз только уже в житии великого святителя Игнатия (Брянчанинова)...

Случайное совпадение? Может быть, и случайное...

Хотя есть в предсказаниях монаха Авеля и святительской деятельности епископа Игнатия нечто общее... Это общее видится нам в умении обоих заглянуть вперед, в попытке их исправить роковой ход русской истории... Хотя, конечно, делал это каждый из них своим способом...

Игнатий (Брянчанинов), как мы уже говорили, был не иноком Валаамского монастыря, а его благочинным. И все-таки в духовном формиро-

вании будущего святителя Валаамский монастырь без сомнения сыграл огромную роль.

Но прежде надобно рассказать о белобережских старцах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Белобережские старцы — это следующий шаг в возрождении Валаамской обители.

Пришедший сюда схимонах Феодор был учеником старца Паисия Величковского, архимандрита Молдо-Влахийских монастырей, и с его именем связано возрождение утраченных в эпоху петровских преобразований традиций старчества в русских монастырях.

Вернувшись в Россию, схимонах Феодор подвизался в различных монастырях, пока беспокойство от посетителей, нарушавших безмолвие его пустынной жизни, не понудило его перебраться в Белобережскую обитель. Настоятелем этой пустыни был Леонид, его ученик. Он устроил наставнику уединенную келью в лесу, где тот и поселился с иеросхимонахом Клеопой. Скоро к ним присоединился и сам Леонид, добровольно сложивший с себя настоятельство.

И снова слава о высокой жизни и мудрости отца Феодора распространилась окрест, и к его келии начали стекаться посетители.

И снова утомленный столь тягостной для смиренномудрия славой отец Феодор покидает обжитую келью и уходит на север.

Новоезерский монастырь, Палеостровская пустынь, наконец, Валаам, где в скиту Всех

Святых вновь было назначено встретиться белобережским отшельникам...

«Слава милосердому нашему Богу, что сподобил и меня недостойного и скверного сожительствовать со отцы моими в скиту Валаамском, — писал о. Феодор, прибыв на Валаам. — Уже теперь перед милосердым нашим Создателем и Исккупителем не можем никакого извинения и оправдания принести: Он исполнил все наше желание... привел нас в место безмолвное, спокойное, от человек удаленное, молвы свободное. Отец Леонид определен у нас в скиту смотрителем...»

Шесть лет провели белобережские старцы на Валааме. Велико было их влияние на монастырскую жизнь, ибо многие иноки ходили к ним, чтобы воспользоваться духовным руководством.

— Батюшка! — сказал однажды отцу Феодору великий любитель безмолвия, иеромонах Варлаам, живший тогда на скиту. — Блазнюсь я на вас. Как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними... Каково есть сие дело?

— Экой ты, братец, чудака... — отвечал будущему валаамскому игумену отец Феодор. — Да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным...

Иеромонах Варлаам вразумился, как говорит житие, этим ответом «познавать различие путей смотрительных от общих».

Но далеко не все обладали подобной мудростью.

Среди братии, искавшей духовных наставлений отца Феодора и отца Леонида, был келлиарх Валаамского монастыря отец Евдоким, впос-

ледствии ставший валаамским духовником, схимником Евфимием.

Отец Евдоким считался присным учеником настоятеля (после Назария эту должность справлял Иннокентий) и надеялся достичь духовного преуспеяния одними внешними подвигами и совершенной покорностью своему наставнику.

Внешне все выглядело благопристойно, но сам отец Евдоким не замечал в себе настоящих плодов монашеской жизни. Не приходило ни кротости, ни любви, ни слез, ни смирения. Сухость, жестокость души, зазрение всех томили его. Он не находил покоя, порою захлестывало отчаяние и тогда появлялись мысли о самоубийстве. «Бросься со скалы в озеро!» — нашептывал ему враг.

Вот тогда-то и обратился отец Евдоким к старцам Феодору и Леониду. И старцы, действительно, помогли, открыв, что одно только внешнее делание и телесные подвиги не ведут к преуспеянию, особенно если они, являемые другим, влекут к тщеславию, гордости и, как следствие — к ожесточению, осуждению и отчаянию. Поняв «смиренную науку отцов», отец Евдоким начал возрождаться, смиряться и постепенно успокоился...

«Измена» ученика чрезвычайно возмутила игумена Иннокентия. Так случилось, что это совпало с посещением Валаама министром духовных дел, князем А.Н. Голицыным. Все время, пока он находился на острове, министр провел в келье у старцев, и игумена Иннокентия приказал звать туда...

Разумеется, руководствовался Иннокентий не ревностью к учительскому дару старцев, а заботой о порядке, мире монастыря. Как мы уже говорили, он исключительно много сделал для Валаама. Только за первые восемь лет его игуменства численность братии возросла почти вдвое и перевалила за сотню.

«После старца Назария, — утверждает монастырский историк, — обитель во всех отношениях цветущим своим состоянием большею частью обязана его трудам».

А сейчас помрачилось духовное зрение игумена Иннокентия... Ему показалось, что белобережские старцы специально переманивают учеников, чтобы подорвать его игуменский авторитет.

Усмотрев в их учительстве дерзкий вызов своей власти, Иннокентий пожаловался на старцев митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросию. Тот поручил коневскому строителю, благочинному над монастырями Илариону исследовать это дело. В феврале 1817 года Иларион прибыл на Валаам и допросил Феодора, Леонида и Клеопу. Впоследствии он часто говорил, что ему нигде не доводилось читать того, что высказали в своих ответах простые старцы.

Нашлись у старцев помимо Илариона и другие могущественные защитники — министр духовных дел, князь А.Н. Голицын, а так же архимандриты (будущие святители) Филарет и Иннокентий.

«Митрополит с огорчением увидел, что он едва не сделал большую несправедливость. Игумен Иннокентий был вызван и встречен грозным

и бесцеремонным вопросом: “что ты, старый, со мною было сделал? По твоей милости я чуть было не осудил людей, лучших нас с тобою”».

Игумену велено было всячески покоить старцев в своей обители, с угрозой, что в случае жалобы он будет смнен. Старцам же передали, чтобы они были уверены в защите высшего духовного начальства.

Но опытные и смиренномудрые подвижники, знавшие человеческое сердце, не надеялись, чтобы настоятель совершенно умиротворился по отношению к ним и, сознавая, что легче нести ненависть всего братства, нежели нерасположение настоятеля, они во избежание продолжительного греха решились оставить Валаам. Вскоре после этого, в июне 1817 года перешли в Александро-Свирский монастырь, «считая себя отребием мира и недостойными мирного жилища на земле».

Именно тогда и произошла встреча белобережских старцев с крестьянским юношей Дамианом, о которой рассказано в повести «Апостольский колокол».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мы знаем, что духовником послушника Дамиана в Валаамском монастыре стал старец Евфимий, тот самый келлиарх Евдоким, что послужил причиной ссоры игумена Иннокентия и белобережских старцев. Через этого старца Евфимия, превращенного им из «внешнего монаха» во «внутреннего делателя», преподобному

Льву предстояло воспитать и будущего игумена Валаамского монастыря Дамаскина.

Если же мы вспомним, что десять лет спустя, в 1827 году, в послушание к старцу Льву поступит в Александро-Свирском монастыре Дмитрий Брянчанинов, которому, в бытность его благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии, предстоит найти в 1837 году валаамского инокa, способного стать игуменом монастыря, и он изберет именно Дамаскина, то остается только подивиться, как чудно устрояет Всемогуший Господь судьбы Своих избранных...

«Господь не дал жезла грешных на жребий праведного, — говорит монастырская биография Дамаскина. — Господь, видимо, благословил труды его великие... Постепенно, но неуклонно и неустанно восстанавливал игумен Дамаскин прежнее внутреннее благоустройство, сообщенное монастырю еще игуменом Назарием — старцем великой духовной опытности и мудрости. И Дамаскин достиг своей цели, привел обитель в цветущее состояние. Братство возросло, нравственные силы развились, во внутреннюю жизнь «вдохнут был божественный огонь истинного подвижничества».

Эта характеристика подтверждается цифрами и фактами. Неуклонно росла при Дамаскине численность обители.

Уже в 1852 году она составляла 172 человека.

В 1868 году — 234 человека.

В 1881 году, году кончины Дамаскина, — 263 человека.

Божиим чудом называется то, что удалось совершить игумену Дамаскину за сорок лет настоятельской деятельности.

Словно, чтобы вразумить «разбуженное декабристами» население столицы Российской империи, расцветает вблизи нее осиянный Божественным светом архипелаг...

«Теперь на каменистых горах Валаама в обилии растут разных сортов яблони, сливы, вишни, арбузы, дыни и прочее... — восхищенно говорит современник. — По островам стадами ходят никем не тревожимые красивые северные олени. Леса превратились как бы в обширные сады, разрезанные широкими, удобными дорогами. Повсюду видны святые кресты, часовни, дома. Повсюду благоухает богоданная жизнь, повсюду слышится славословие Божие...»

То, что удалось совершить благодаря молитвам и неустанным трудам игумена Дамаскина, точнее других определил профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии А.А.Бронзов.

«Разумею такое место, где жили бы только по-Божьи, только для Бога, где только Бог был бы у людей и на уме, и на языке, где, поэтому, не было бы ни злобы, ни зависти, ни недоброжелательства, проявлений грубого эгоизма, гордости и прочих подобных страстей и пороков.

Такое место было бы раем земным. И оно существует. Это — Валаамская обитель».

20 января 1881 года игумен Дамаскин в последний раз приобщился Святых Христовых Таин. Он уже едва мог перекреститься и сказать: «Слава Богу!»

23 января 1881 года в половине десятого дня, во время поздней обедни, игумена Дамаскина не стало...

Когда думаешь о Дамаскине, поражает, как удивительно точно удавалось ему реализовать в грубой материальности монастырского бытия самые тончайшие духовные движения, как надежно ограждал он от праздного любопытства сокровенное монашеское делание...

Дамаскин порой принимает необычные, казалось бы, решения.

Будучи сторонником пустынножительства, он сам и отменяет, как это может показаться на поверхностный взгляд, пустынножительство на Валааме во второй половине девятнадцатого века.

Тогда на Валаам из Петербурга стали совершаться пароходами пассажирские рейсы, и вместе с паломниками, потянулись на пустынные доселе острова и любители всего нового и необычного. Немало докучали они пустынножителям праздными разговорами...

Вот тогда-то, чтобы спасти пустынное безмолвие, Дамаскин водворил старцев-пустынников на скитах, огражденных от праздного любопытства крепостными стенами...

«Таким образом, — пишет историк монастыря, — пустынное безмолвие на Валааме в этой идее не было уничтожено, а только лишь изменилось на образ скитско-безмолвной жизни».

Дамаскин созидал и невидимый Валаам, скликая назад из далеких веков всех прежних насельников монастыря и являя миру этот дивный, сияющий небесным светом собор...

Одно из свидетельств успешности затеянного игуменом строительства Дамаскиным, можно считать намерение святителя Игнатия (Брянчанинова) поселиться в Валаамском монастыре.

Намерение это осталось невыполненным, но святитель Игнатий был не единственным, кто искал пути на Валаам, уже имея за спиною гигантский опыт аскетической жизни...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

6 ноября 1865 года пришел с Афона в Валаамский монастырь Антипа Святогорец...

Этот валаамский чудотворец происходил из Молдавии. Подобно многим святым, одаренный от Бога высокими духовными дарованиями, он был обделен обыкновенными способностями и был, как пишет биограф, «простоват и крайне непонятлив».

«Эта двойственность о. Антипы производила соответствующее впечатление на его сверстников. Иногда они, поражаемые проявлением в нем чего-то дивного, необычайного, падали пред ним со страхом на колени и называли его своим владыкой; иногда же ругали и били его за его простоватые выходки».

Долго не мог отец Антипа научиться грамоте. Учителя советовали ему оставить школу и обучаться какому-либо ремеслу.

— Нет, — плакал отец Антипа. — Я должен научиться читать! Если останусь неграмотным, как же я буду заниматься чтением Божественных книг?

Так и получилось.

Усердие, труд и молитва помогли овладеть книжной премудростью, и священные книги стали для отца Антипы неиссякающим источником духовного назидания и утешений...

Долгие годы подвизался отец Антипа в молдавских монастырях, а потом на Афоне...

На Святой Горе он поселился в полуразвалившейся отшельнической хижине... Она была совершенно пуста, только в переднем углу стояла икона Божьей Матери, покрытая копотью так, что невозможно было рассмотреть лика.

И, тем не менее, находка обрадовала отца Антипу.

Немедленно отправился он к знакомому иконописцу-пустыннику, иеродиакону Паисию, переселившемуся на Афон из Киева, и стал просить его промыть икону.

— Только не надо поправлять лик красками... — предупредил он.

— Ничего не получится... — покачал головой Паисий. — Копоть в краску въелась...

Однако он внял мольбам отца Антипы и взялся за дело. И вот чудо! Стоило только протереть икону, как из многолетней тьмы выступил, сияя красками, Пречистый лик Владычицы Небесной. Образ этот прославил себя впоследствии многими благодатными знамениями.

— Она — чудотворная! — свидетельствовал об иконе отец Антипа, никогда не разлучавшийся с нею.

После упокоения старца эта икона осталась в Валаамском монастыре, в храме Преподобных отцов Сергия и Германа Валаамских Чудотворцев, на левой стороне у переднего столба, в небольшом иконостасе...

Велики были молитвенные подвиги отца Антипы на Афонской горе... Еще больше времени уделял он молитве на Валааме. Когда случалось

ему быть в монастыре, предварительно, в келье, он совершал полную службу на молдавском языке.

Кроме исполнения службы по церковному уставу, отец Антипа каждый день прочитывал два акафиста Божией Матери, один — общий и другой — Ее Успению, и ежедневно полагал по триста земных поклонов с молитвою о спасении усопших. Поминование усопших продолжалось более часа...

Все оставшееся время отец Антипа посвящал умной молитве.

— Монаха жизнь — в церкви... — говорил отец Антипа. — Дела его — монашеское правило...

В первую неделю Великого поста отец Антипа никогда не употреблял ни пищи, ни питья; в такой же строгости соблюдал он понедельник, среду и пятницу и навечерия праздников Рождества Христова и Богоявления.

Даже и в предсмертной болезни, когда от сильного жара сохло во рту, не позволял он облегчить свои страдания глотком воды.

Незадолго до кончины, в Великую Субботу, отец Антипа был на Божественной литургии...

Когда причащались монахи, он взглянул из южных ворот алтаря в церковь...

— Я увидел, — рассказывал он потом ученику, — что лица некоторых причастившихся монахов сияют, как солнце... Я не знаю имен этих монахов, прежде этого я не видел их...

Можно только догадываться, что духовному зрению отца Антипы открылся на этой Божественной литургии великий Собор валаамских святых, Собор, участником которого был и сам он.

И чем ближе приближался он к смертному порогу, тем очевиднее становилось это.

— Кто у нас умер в монастыре? — спросил он, очнувшись, у своего келейника.

— Никого не умерло... — отвечал тот.

— Нет... — вздохнул отец Антипа. — Умер... Простой старик умер в церкви... Ему было трудно... Игумен велел дать воды... Не помогло... Умер...

Ученики недоумевали, полагая, что отец Антипа бредит, но утром в скит приехал духовник и подтвердил, что все так и было, как говорил, лежащий на одре старец.

Отец Антипа отошел ко Господу в воскресенье 10 января 1882 года, на шестьдесят шестом году от рождения. Святые мощи его были обретены, столетие спустя, в августе 1991 года, когда расчищали место вокруг часовни Крестных страданий... Для мощей в монастыре была устроена специальная рака с отверстием, которое открывается, чтобы можно приложиться к благоухающим мощам.

Ныне рака перенесена в нижний храм Преображенского собора и стоит с южной стороны у колонны, ближе к алтарю.

По благословению Святейшего Патриарха Руси Алексия II старец Антипа причислен к лику местночтимых святых Русской Православной Церкви.

«Ввиду того, что сгущается мировое зло над православным народом вселенной, — пишет монастырский биограф отца Антипы. — Господь открывает забытых подвижников для утверждения веры православной и в помощь молодому

поколению, перед которым поставлена задача самосохранения и распространения православного мировоззрения и благовествования святости на земле».

— Яко радугой вселенную опоясавший, от горы Афонской даже до Севернаго Афона горы Валаамской достигший, преподобие отче наш Антипе Примерный, дивным отцам Молдавским уподобился еси и ныне во славе горняго Валаама пребываеши, моли Христа Бога Спаса нашего, деланию иноческому нас наставить, — звучит под сводами Преображенского собора тропарь преподобному Антипе Святогорцу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Появление на Валааме Антипы-святогорца было для монастыря не только благодатным, но и символичным событием...

Валаам издавна называли Северным Афоном.

Как и Афон, Валаам расположен на островной земле, здесь так же много скитов и отшельнических келий... Связаны острова и столетиями истории. С Афона пришел на Валаам преподобный Арсений Коневский, принес со Святой Горы образ Божией Матери, получивший название Коневской, или Голубицкой, иконы Божией Матери, ставшей покровительницей всей Ладogi и Валаама... С поселением на Валааме Антипы окончательно утверждалось возрождение связи великих островов православия.

И не случайно, что именно тогда взаимосвязь Валаама со Святой Горой Афоном — уделом

Божией Матери на земле, получила и мистическое подтверждение...

Летом 1896 года на Валаам приехала скромная паломница — Наталья Андреевна Андреева. Она происходила из крестьянок Тверской губернии, Корчевского уезда, Паскинской волости, деревни Зарино, жила в Петербурге на Васильевском острове в богадельне Бруснина, что была в доме 15 на Косой линии.

Шесть лет назад, в 1878 году Наталья Андреевна сильно простудилась, и у нее начался острый суставный ревматизм рук и ног. Болезнь причиняла страшные страдания, больная не могла подниматься без посторонней помощи по лестнице и часто ей приходилось переползать с одной ступеньки на другую на коленях. Врачи советовали ехать на теплые воды, но где было найти деньги на такую поездку? Больная была на грани отчаяния. И вот тут-то и услышала она голос:

— Поезжай на Валаам, выздоровеешь...

Собрав последние деньги, Наталья Андреевна купила билет на Валаам, однако в последний момент засомневалась, и хотела отказаться от поездки, но тут ей случилось видение...

К ее кровати с ребеночком на руках подошла окруженная чудным светом высокая женщина... Наталья Андреевна хотела дотронуться до ее одеяния из малинового бархата, но женщина отступила.

— Не плачь! — сказала она. — Спаситель по пути и Я по пути к тебе!

— Матушка! — воскликнула Наталья Андреевна. — Какая Вы красивая да хорошая! Разве Вы на Валааме живете?

— Там живу... Ты Меня увидишь на Валааме.

Наталья Андреевна попала на Валааме на закладку нового Преображенского собора.

Горячо помолилась она у раки с мощами преподобных Сергия и Германа, а уже перед отъездом зашла в Успенскую церковь.

«И только я вошла с паперти в церковь, как-то невольно взглянула в левую сторону и обомлела; ноги у меня подкосились и, если бы не лестница на хоры, я бы, наверное, упала. Причины моего испуга, волнения были изумительные: с левой колонны из золотой рамы на меня взирала Царица Небесная; и что же? В Ней я узнала ту самую Жену, которая явилась мне во сне накануне отъезда на Валаам и ободрила меня в моем малодушии. Я не могла глаз оторвать от образа Царицы Небесной и все более убеждалась, что это она. Матушка милостивая, удостоила меня своим посещением в сонном видении; я узнала Ее пресветлый лик, Ее благодатный взор и даже одеяние — все было совершенно то же самое. И Пречистого Младенца Она так же держала на руках, как я видела во сне».

Но только разглядела Наталья Андреевна явившийся ей во сне образ, раздался свисток на отходившем пароходе, и она только и успела поставить свечу перед высоко висевшей иконой.

Тем не менее, вернувшись в Петербург, Наталья Андреевна почувствовала значительное облегчение в ногах, и дала обещание поехать на Валаам еще раз и отслужить молебен пред иконой Богоматери.

Однако новый приезд ее оказался неудачным. Наталья Андреевна не нашла икону.

— Она же здесь находилась, в этом храме... Вот тут, с левой стороны на колонне икона Божией Матери была... Царица Небесная изображена во весь рост с Богомладенцем на руках... — спрашивала Наталья Андреевна у монахов в Успенском храме.

Монахи посоветовали обратиться к ризничному отцу Пафнутию, под наблюдением которого находились все иконы монастыря. Но и он не смог найти иконы:

— Может быть, ее отправили в Петербург в Валаамскую часовню... — сказал он. — Не помню...

Наталья Андреевна две недели искала на Валааме икону Божией Матери. Обошла все храмы, осмотрела все часовни. А вернувшись в Петербург, сходила первым делом в Валаамскую часовню, но иконы и там не было. Тогда, на следующий год, собрав по копейке деньги, Наталья Андреевна вновь поехала на Валаам.

Со слезами горячо молилась она пред мощами Валаамских чудотворцев, умоляя помочь ей.

И вот ей приснился сон, будто ходит она внутри монастыря около упраздненной церкви святителя Николая Чудотворца и молится Царице Небесной:

— Хоть бы еще раз увидеть Тебя одним глазком, Матушка!

— Я здесь, здесь, — раздался тут голос. — Скоро разыщешь!

Испугалась Наталья Андреевна, еще горячее стала молиться. И снова раздался голос, только уже другой:

— О чем скорбишь? Что ищешь, женщина?

Обернулась Наталья Андреевна — старичок в голубой камилавке с седой бородой стоит.

— Я ищу Царицу Небесную! — сказала она.

— Подожди, найдешь!

— Как я ее найду? Отец Пафнутий три недели искал и не смог найти.

— Неправда, он хорошо не искал, — сказал старичок. — Пошли, я покажу. Вот здесь она, за дверью.

— Но дверь-то закрыта!

Старичок отворил дверь и сказал:

— Вот она!

Наталья Андреевна увидела в углу между церковною утварью и старыми образами наполовину завернутый в рогожку образ Божией Матери, который она искала уже столько времени.

Отец Пафнутий сильно сконфузился, когда услышал про сон.

— Это, наверное, преподобный Сергей Валаамский был... — сказал он. — Его на иконах обычно изображают седовласым, в отличие от преподобного Германа... Ты прости меня Бога ради, матушка, я ведь действительно искал икону, а потом забыл о ней совсем. Но теперь я ее разыщу непременно, теперь вспомнил: она, наверное, в церкви Николая Чудотворца!

Через три дня Наталье Андреевне снова пришлось, что стоит она в нижнем соборе и с нетерпением ждет чего-то, не сводя глаз с входных дверей. Вдруг входная дверь отворилась, и отец Пафнутий и еще какой-то молодой монах в сером кафтане внесли икону Божией Матери.

— Вот Она, Матушка! — закричала Наталья Андреевна и упала на пол, думая: «Пройдет икона, и я выздоровлю».

— Но у вас ничего не готово еще, — услышала она слова отца Пафнутия. — Об исцелении больной надо служить водосвятный молебен!

На этом сон кончился, Наталья Андреевна проснулась...

Причастившись в этот день, она возвращалась в гостиницу после ранней литургии и тут увидела, что народ бежит в церковь.

— Что случилось?

— Икона явилась! Отыскивали икону Божией Матери и принесли в нижний собор.

У Натальи Андреевны, хотя она и едва могла передвигать ногами, откуда силы взялись, и она почти побежала следом за всеми в собор, где на столе уже стояла икона:

— Эта ли икона? — спросил у Натальи Андреевны отец Пафнутий.

— Эта самая! — только и смогла ответить она.

А отец Пафнутий рассказал, что, действительно, нашел икону в кладовой, располагавшейся в упраздненной церкви святителя Николая Чудотворца. Образ стоял в углу, завернутый в холст. Переносить его отцу Пафнутию, как и во сне Натальи Андреевны, действительно помогал молодой монах в рабочем коротком сером кафтане.

Тут же отслужили водосвятный молебен пред обретенною иконою Божией Матери.

Наталья Андреевна напилась святой воды и сразу почувствовала, что силы возвращаются к ней. Взяв масло из лампадки, она вернулась в гостиницу, и помазала руки и ноги — боль и ломота стихли, и за столько лет Наталья Андреевна впервые спокойно заснула. Через неделю она могла уже обходиться без клюки.

Уже после обретения выяснилось, что эту икону написал Валаамский инок-иконописец отец Алипий еще в 1878 году (в том самом, когда Наталья Андреевна получила сильную простуду, вызвавшую ее мучительную болезнь)...

Отец Алипий поступил в Валаамский монастырь в 1875 году. Вместе с другими изографами Валаама — иеромонахом отцом Лукой и игуменом Гавриилом — украсил он многие храмы монастыря росписями, создав особый «валаамский стиль», который некоторые считают сходным с афонскими письмами XIX века.

Как вспоминал схиигумен Иоанн, отец Алипий писал образ Божией Матери, называемой сейчас Валаамскою, в то время, когда читали акафист Богородице в церкви.

«Скажут ему: «Кончили читать», — тогда и он кончит работу. Написал образ Богородицы в несколько приемов во время чтения акафиста».

Иконография явленной иконы необычна.

Богоматерь изображена в рост на золотом облаке в темно-синем гиматии и ярко-красном мафории. В руках у нее Младенец. Правая рука его творит благословение, а в левой — держава, увенчанная крестом.

После чудесного обретения икону стали называть «Местная Валаамская». Когда монахи покидали Валаам, увезли на Новый Валаам и чудотворную икону.

Но сам отец Алипий не дожил до этого...

Надпись на его надгробном камне на старом кладбище Валаама гласила: «Иеромонах Алипий, скончался 17 августа 1901 года, 50 лет от рождения. Искусный иконописец и усердный

труженик. Святители отцы и братья, не забудьте и меня, егда молитесь».

«Явление Валаамского образа чрезвычайно глубоко по своему духовному смыслу, — говорится в «Сказании о Валаамской иконе Божией Матери». — Им Божия Мать Сама засвидетельствовала свой особый Покров сему месту, и Свое особое присутствие на сем месте, сказав рабе Божией в видении: *«Там живу, меня увидишь на Валааме»*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1881 год. Выстроено каменное здание монастырской фермы и при ней коровник со всеми строениями.

1882 год. Выстроен каменный амбар в монастыре для хранения в нем провизии и разных хозяйственных принадлежностей.

1883 год. Надстроен каменный внешний корпус для бывшей прежде больницы и ризницы.

1884 год. 18 августа открылось новое здание монастырской библиотеки, где и были сосредоточены все книги. В войну 1939-1940 годов помещение ризницы, находившейся над библиотекою, выгорело, но библиотека сохранилась благодаря каменным сводам потолка.

1885 год. Выстроены смологонный и кожевенный заводы; тут же вблизи них устроены две печи для обжигания извести.

1886 — 1887 годы. Устроены две каменные пристани для пароходов в главном монастырском заливе.

1887 год. Разобран старый монастырский собор, выстроенный в 1794 году. Вместо него началось строительство нового собора, который стоит и поныне.

1892 года 26 июня освятили нижний монастырский собор во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.

1893 год. 14 июня освятили боковой придел нижнего храма во имя Благовещения Божией Матери.

1896 год. 19 июня освятили верхний соборный храм во имя Преображения Господня.

1899 год. 18 июля в Сергиевском скиту освятили каменный храм во имя преподобного Сергия, Валаамского чудотворца. 27 июля на Тихвинском острове освятили каменный храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери 1900 г. 8 июля — освящена на Германовом Поле, каменная часовня во имя св. равноапостольных Константина и Елены.

1901 год. 18 и 21 октября освятили двухпрестольный храм Валаамского подворья в Москве. В 1925 году здание этого подворья реквизировано правительством СССР, а в 1991 году возвращено.

1903 год. Освятили каменный храм в Германовском скиту во имя преподобного Германа, Валаамского чудотворца.

1906 год. 30 июля и 29 октября состоялось освящение верхнего и нижнего храмов в Воскресенском скиту.

1908 год. Надстроен верхний этаж для новой больницы, внешнего монастырского корпуса.

1911 год. Освящены деревянный храм Гефсиманского скита и деревянная часовня на горе Елеон.

«Бурная Ладога часто окутывает Валаам страшным шумом и ревом непогоды. Стонут от бури могучие леса. Вой ветра в трубе, хлест ливня в окно — все это заставляет содрогаться инока в его келье. Одно спасение — теплая печь, которую сам зимою натопишь, как хочешь. Уютная божничка в красном углу манит своей мерцающей лампадкой в заоблачную даль. Там находят уют и тепло душа инока, покончившего все сче-ты с жизнью...» — вспоминал о старом Валааме архимандрит Афанасий...

Трудами игуменов Назария и Дамаскина, попечением святителя Игнатия (Брянчанинова), молитвами десятков валаамских подвижников удалось возродить старчество на острове, и дивные засияли здесь отцы...

Чтобы рассказать о каждом из них, потребуется многотомное повествование, даже одно только краткое перечисление и то займет немало места...

Поэтому, не дерзая совершить необъятный труд, просто приведем несколько сцен жизни Валаама, дающих представление не столько об упоминаемых подвижниках, сколько о характере монастырской жизни, об уровне поступков и свершений, о самом духе предреволюционного Валаама...

Рассказывая о последних годах жизни игумена Дамаскина, мы не раз упоминали его келейника Александра. Еще при жизни игумена, на скиту Всех Святых, Александр попросил игумена благословить его на скитское житие. Игумен Дамаскин перед образом преподобного Александра Свирского дал благословение...

Дивный старец Алексей возрос из юноши-келейника.

Монастырское летописание запомнило его в момент обретения мощей старца Клеопы... Случилось это в 1893 году, когда скончался старец Арсений... Рыли могилу и нечаянно задели гроб белобережского старца. Через образовавшийся пролом видно стало часть головы отца Клеопы, неизреченное благоухание разлилось над могилой...

Отец Алексей спустился тогда в могилу, поцеловал открывшуюся голову Клеопы и сказал, как всегда говорили валаамские иноки, встречая друг друга:

— Отец Клеопа! Христос посреде нас!

Необычное благоухание, разлившееся из могилы, сделалось еще сильнее. Не нарушая вечного покоя богоугодного старца, гроб прикрыли землей...

Рассказывают, что однажды в келью отца Алексея заглянул игумен Гавриил.

— Что, отче Алексие, — спросил он. — Не скучно ли тебе здесь, в таком уединении?

— Нет, — ответил отец Алексей. — Я очень доволен и всегда радуюсь и утешаюсь. Благодарю Бога, благодарю и Вас за доставленное мне такое духовное утешение. По силе моей я забочусь молитвенно беседовать с Богом, и Господь меня утешает. Слава Богу! Мне ничего более не надо, я всем доволен, одного желаю — спастись. А те вражие бесовские голоса, которые иногда слышу, особенно в ночное время, перекликивающиеся со свистом вокруг скита, не мало меня не смущают, пусть их, пусть делают, что хотят, мне

таковые не страшны. Едино мне на потребу, чтобы быть всегда с Богом...»

Огромное число паломников посещало в те годы Валаам, и на Алексия было возложено игуменом послушание, поучать народ беседами вне храма...

На одном из таких поучений и увидел его побывавший в те годы на Валааме будущий архиепископ Феофан Полтавский.

Однажды, Феофан вышел из монастырского храма и собирался уединиться в лесу, чтобы всецело отдаться той радостной молитве, что приходила к нему здесь.... Но тут он заметил большую толпу народа со старцем иеросхимонахом Алексием...

Он шел впереди, а за ним — богомольцы, в большинстве своем женщины. Старец Алексей двигался, опустив голову, занятый, по уставу монашескому, непрестанной молитвой.

Отец Феофан находился в чаще и оттуда наблюдал прохождение иеросхимонаха в полной схиме и большую толпу богомольцев. При виде этой необычной процессии у него произвольно мелькнула мысль, что напрасно иеросхимонах Алексей окружает себя женщинами, да к тому же молодыми... Нарекания могут быть...

Не успел он додумать свою мысль, как Старец поднял голову и, повернув ее в сторону будущего архиерея, громко выкрикнул:

— И за Христом ходили!..

В толпе никто не понял смысла произнесенных слов. Хотя все и взглянули в сторону Феофана, но его за густой чащею было невидно. А слова были прямым ответом на его мысль...

«Старец Алексей, — вспоминал потом архиепископ, — как бы обращался ко мне: что ты смущаешься?! Ведь и за Господом Иисусом Христом ходили многие женщины и даже были и богатые между ними: “Которые служили Ему от имений своих”... (Лк. 8, 2–3) Но разве эти женщины, что ты видишь, идут за мною?! Они идут за Тем же Спасителем Христом, за Его Божественным словом, которое поручено мне, недостойному, пересказывать им!»

Владыка Феофан оставил замечательный портрет отца Алексия:

«Старец иеросхимонах Алексей был так красив, как Ангел Божий. На него порою было трудно смотреть, — он весь был как бы в пламени. И это особенно было видно, когда Старец стоял на молитве в алтаре. В это время он весь преобразался, его облик становился непередаваемо особым, — крайне сосредоточенным и строгим. Он, действительно, был весь огненным. Недаром сказано в псалме: “Твори... слуги Своя пламень огненный”» (Пс. 103, 4).

Еще Феофан Полтавский подчеркивал, что когда отец Алексей чувствовал, что присутствующие в алтаре невольно наблюдают за его молитвою, он старался скрыть свое состояние юродством. Обычно подходил к стене и, выдавая себя за рассеянного богомольца, по своей тени на стене поправлял и приглаживал на голове свои волосы...

Рассказывал архиепископ Феофан и о духовной прозорливости старца Алексия... В то время его беспокоила мысль: в аскетических правилах монаху предписывалось как можно меньше

уделять внимания своей внешности. Но Церковь благословила ему быть ученым монахом, и теперь ему предстояло спастись в миру. А как, живя в миру, совсем не заботиться о своей внешности?..

С этими мыслями и вошел будущий владыка в келию старца Алексия. Ему он собирался рассказать обо всем этом и ожидать его решения, которое, как отец иеромонах был совершенно убежден, будет и ответом Божиим на поставленный вопрос...

Старец принял иеромонаха Феофана очень и очень радушно. Усадил его и потом сказал:

— Минуточку подождите!

А сам взял зеркало, поставил его на тот же стол, за который усадил гостя, взял гребень и старательно причесался. После этого все убрал со стола и, обратившись к Феофану, сказал:

— Ну, а теперь уже будем разговаривать!

Так без всяких слов, старец Алексей дал ответ на такой же немой вопрос, с каким иеромонах-профессор прибыл в обитель Валаамскую и вошел в келию старца: как вести себя в будущем?

Иеросхимонах Никон... Схимонах Николай.... Схимонах Сергей... Монах Антоний... Монах Афанасий... Иеросхимонах Антоний... Схимонах Феоктист... Схимонах Пафнутий... Схимонах Агапий... Старцы Онуфрий и Галактион... Схимонахи Иоанн и Никита... Иеросхимонах Исаия... Схиигумен Феодор... Схимонах Авель... Схимонах Мелетий... Старец Аполлоний... Схимонах Пионий... Иеросхимонах Михаил... Иеросхимонах Ефрем... Схимонах Николай... Иеросхимонах Евлогий... Иеросхимонах Иустиан... Схиигумен

Лука... Иеромонах Иувиан... Отцы Сергей и Герман... Схиархимандрит Косма... Архимандрит Афанасий... Архимандрит Герасим...

Сколько великих подвижников, сколько пресветлых старцев просияло на Валаамских островах! А сколько заблудших овец словесных было спасено этим светом, сколько людских душ отогрелось в их теплых лучах...

И сколько здесь, даже и не помышляя о том, чтобы учить других, спасалось пресветлых старцев...

Кажется с первого дня, когда вырубили на отвесной гранитной скале футшток, ежедневно наблюдал за уровнем воды в Ладоге иеродиакон Памва. И метеорологической станцией ведал он. Трудясь Богу, трудился отец Памва и науке, являясь корреспондентом Главной Физической Обсерватории...

Был он болен, страдал ногами и редко ходил в братскую трапезу, «продовольствовался» у себя в келии. Остатки своего обеда отец Памва всегда выкладывал на подоконник для ворон, которых почему-то очень любил.

Жил он тихо, и так же тихо, как и жил, после кратковременной болезни, 27 ноября 1883 года иеродиакон Памва христиански скончался. Но 30 ноября его хоронили, и этот день надолго остался в памяти Валаамских насельников.

Историю похорон иеродиакона Памвы рассказал отцу Иувиану его духовник — старец Антипа (Половинкин), и Иувиан записал ее, сохранив для нас...

«В то время, когда в монастырском соборе происходило отпевание о. Памвы, все пернатое

воронье царство со всего Валаама, слетелось в монастырь и густо усеяло крышу собора, оглашая воздух печальными и жалобными криками, как бы оплакивая утрату своего благодетеля, столько лет питавшего и жалевшего их...

Как только отпевание кончилось, братия простились с умершим, гроб с прахом его понесли к месту вечного упокоения.

Лишь только гроб о. Памвы вынесли из собора и погребальное шествие направилось в сторону церкви Петра и Павла, все воронье дружно поднялось с соборной крыши и с теми же печальными криками сопровождало похоронное шествие.

У церкви св. ап. Петра и Павла была отслужена обычная лития, во время которой пернатые друзья почившего разместились на крыше этой церкви и соседних корпусов.

По окончании литии шествие, сопровождаемое летающими в воздухе воронами, направилось далее.

У западных ворот монастыря, выходящих на монетный, была совершена вторая лития, в течение которой вороны на время разместились на близ растущих деревьях и затем опять сопровождали погребальное шествие до самого кладбища. Кладбищенские деревья были усеяны воронами, которые по-прежнему не переставали оглашать воздух криками своей печали и горя.

Наконец гроб опустили в могилу, пропели вечную память новопочившему и, зарыв могилу, все братия ушли с кладбища. Но почивший о. Памва не был одиноким: пернатые его друзья не оставили его, целый день кружились над его

могилою, и все время слышался их печальный и грустный крик... Так благодарное пернатое воронье царство почтило память своего благодетеля и проводило его до самой могилы!»

После Памвы за состоянием воды в Ладожском озере наблюдали другие инок монастыря и вели эти наблюдения, до самого последнего дня, пока не пришлось им покинуть Валаам...

1921 год. Сильное понижение уровня воды в Ладожском озере.

1924 год. Необычайное повышение уровня воды в Ладожском озере, принявшее характер бедствия. Разница ладожского водного горизонта между 1921 и 1924 гг. выразилась в сумме 9,5 футов.

1939 год. 1/14 января. В полдень этого дня исполнилось ровно 80 лет непрерывного ведения монастырских наблюдений над уровнем воды в Ладоге.

При этом произошло следующее знаменательное совпадение: первая дата монастырских водомерных наблюдений, произведенная 1 января 1859 г., в буквальной точности и сходстве совпала с другою датой этих наблюдений, произведенных спустя 80 лет при одних и тех же атмосферных условиях 1 января 1939 г. Столь исключительное и редкое явление в истории валаамских водомерных наблюдений побуждает нас прежде всего воздать славу и благодарение Господу Богу, Владычествующему над морями Вселенной, за Его всемогущую помощь в деле совершения научных наблюдений.

1939 г. 4/17 октября. Горизонт Ладоги понизился до самой последней предельной точки монастырских наблюдений: 0.00 миллиметров.

1939 г. 20 ноября/3 декабря. Начало воздушных налетов на остров Валаам и сбрасывание с самолетов бомб...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Безбрежно и спокойно раскинулась Ладога, чуть шевелит широкими, пологими волнами, — писал, вспоминая Валаамские скиты, М. Янсон. — Отошла ранняя обедня, и будто не одни только люди, но и все окрест помолилось, успокоилось, ушло внутрь, к сердцу, подальше от суетливых мятежных мыслей. Суровы громадные сосны над пугающими обрывами серых скал. Наклоняются, заглядывают вниз. А там, среди хаоса громоздящихся камней, нежданно-светлая, ясная улыбка коврика Богородицыной травки или изумрудная, крохотная полянка, и у самой воды, точно с разбегу, неожиданно для себя, стала нежная, стройная березка Троицына дня и трепещет-возносится над темной водой и серо-черными изломами камней.

Мерно постукивают в уключинах весла, плыть далеко. И радостно, что далеко, что надобно потрудиться и что поболит спина. Едем ведь к мечте детства, к порыву юности, светлой думе зрелости, скорбному вздоху старости. Не обманет ли светлая сказка, не оттолкнет ли грубая действительность? Сложна и запутана жизнь, есть ли в ней место мечте, вздоху сердца?!

Вот и Порфирьевский остров. Перед ним — скрытая водой каменная луда. Надо обходить ее, искать дорогу. Вот широкий, привольный заливчик, с вытащенной в ракитник лодкой. Залитая солнцем полянка, а за ней на взлобочке — часовня преподобного Серафима Саровского. Будто сам угодник стоит здесь и молится над тихим местом, над гладью воды, у стены сомкнувшегося леса. Дорожка поднимается полого, и видны тщательно возделанные гряды, кусты смородины. И в звенящей тишине ясно, ласково светит солнце. Молодые дубки стоят полукругом поодаль и точно любят на дорожную часовенку. Сам отец Феодор сажал их, заботливо, любовно подвязывал им, молодым еще, подпоры. Завернула дорожка в лес, под ветви елей, в полусумрак зеленый, через корявые корни. Выбежали к тропке из леса крохотные, нежно-розовые колокольчики линией и кадят на проходящих слабым, чуть миндальным дыханием. Где же? И как-то будет?.. Ласково гладят по голове ветви яблонь, и, склоняясь, подходим к домику. А на завалинке — отец Феодор, в сиянии седых, волнистых кудрей и пушистой, отеческой бороды.

— Дальние?

— Ох, дальние...»

Многие приезжавшие на Валаам паломники отмечали, что здесь, в лесном сумраке, по-новому звучат привычные слова молитв... Слышно «как ту же хвалу Создателю всяческих щебечет лесная птичка и, мягко приникая к окну, шепчет гибкая ветвь. Как из переполненной чаши, переливается молитва из церковки и струится

окрест, наполняет тихие воды и чуткую лесную глушь и все, что живет в ней...»

А каким благоуханным и проникновенным вышло паломникам ночное служение в лесном храме!

«Поет на клиросе отец Николай, а с подоконника заводит свою песню голубенький, под цвет иконостаса, чайник. Заботливыми, но плохо гнущимися пальцами управляет отец Николай огонек под чайником. Сейчас принесет его в алтарь. «Благословенна теплота святых Твоих... Теплота веры».

— Шире открой!.. Бери, бери... — наставляет отец Феодор...

— Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко не отринул мя еси грешнаго... Ты бо еси истинное желание и неизреченное веселие любящих Тя... и Тя поет вся тварь во веки...

«Бывают в жизни человека моменты, когда, влекомый тайным голосом, точно повинуюсь велению своего ангела-хранителя, он устремляется на совершение того или иного делания, которое своими последствиями имеет благотворное и спасительное на него влияние. Так и в моей детской жизни было непреодолимое стремление в Кронштадт, к отцу Иоанну... — пишет в своих воспоминаниях монах Иувиан (Красноперов), — Сегодня батюшка о. Иоанн благословил меня в Валаамский монастырь. Этим актом благословения благоговейно чтимого мною святого пастыря исполнилась вся цель моей жизни: мне надлежит жить и спастись на Валааме и своею жизнью в святой обители оправдать высокое благословение о. Иоанна Кронштадтского...

Такие думы тихим роєм окружали меня в вечер и глубокую ночь достопамятного в моей жизни 30 октября.

Конечным результатом моего двукратного свидания с отцом Иоанном Кронштадтским явилось всего шесть слов, сказанные батюшкой мне: в первый раз: «Отчего же не пожить?» (подразумевается на Валааме) — и, наконец, во второй и последний раз: «Да Господь благословит», — но эти шесть слов для меня так дороги, незабвенны и велики по тем последствиям, которые они имели потом на всю мою дальнейшую жизнь, что эти шесть слов поистине составляют для меня драгоценнейшее и любезнейшее наследие, навсегда оставленное мне праведником о. Иоанном».

Драгоценно это благословение батюшки, приходом которого была в начале века вся Россия, и для нас...

Ведь отец Иоанн Кронштадтский дал тогда благословение на иноческое служение человеку, которому предстояло стать валаамским летописцем в самый сложный и трагический период в истории монастыря... Задача летописца не только в том, чтобы сохранить для будущих кандидатов и докторов от истории хронологию событий, а в том, чтобы запечатлеть духовный опыт, которые обретаются во время нелегких испытаний, чтобы в потоке бурных перемен сохранить, удержать нить, связующую прошлое с будущим... Валаамскому летописцу, отцу Иувиану (Красноперову) с этой задачей справится удалось.

«6 марта 1917 года в полдень на Валааме получено грустное известие о совершившемся перевороте в России и об отречении царя от

престола. Первым впечатлением от известия было ощущение сиротства, ибо Русь святая немислима без царя! С повечерия этого дня прекратилось у нас молитвенное возглашение царя и царствовавшего дома...»

«С этого дня у нас утратилась всякая надежда на победный исход войны: насколько мы были уверены в победе до переворота, настолько потеряли всякую уверенность после падения царской власти, перешедшей теперь в руки лиц, не отвечавших своему значению и народному доверию.

По случаю падения в России государственной власти в Финляндии началось брожение: были случаи погромов русских школ и избиения русских граждан. Толпа береговых хулиганов собралась идти на Валаам с целью грабежа и погрома, но милосердие Божие отвратило их злое намерение, и обитель осталась невредима в эти тревожные дни.

Следующие дни 7 и 8 марта были проведены в большой тревоге: возможность нападения на Валаам окрестных хулиганов подтверждалась, слухи об этом росли и ширились, увеличивая и без того подавленное настроение. В целях самозащиты на колокольне был установлен посменный дозор из братии, а по ночам по всем путям в монастырь и в самой обители устанавливался караул из лиц, могущих владеть оружием. Настроение братии было таково, что многие исповедовались и причащались Св. Таин, на случай смертной опасности.

9 марта впервые был совершен молебен Божией Матери и преподобным отцам нашим Сер-

гию и Герману о ниспослании обители помощи и о сохранении ее от бед и разорения. Большой монастырский (Апостольский. — Н.К.) колокол, в неурочный день тревожно гудевший с колокольни, призывал всю братию только в молитве и в надежде на небесную помощь искать подкрепления в эти бедственные дни.

С падением на Руси царской власти печать известного направления с сатанинской злобою набросилась на бывшего царя, на духовенство и на монашество...

Валаамский монастырь не был исключением в море глумления и незаслуженного бесчестия: в апреле 1917 года в газете «Живое слово» был помещен ряд статей под названием «Монастырские исповеди», в которых православно-русские обители бесчестились и поносились так, как только на это способны те, в сердцах которых нашли место сребреники Иуды.

Свобода слова, понятая разными борзописцами как безнаказанная возможность клеветать на все без разбора, нашла широкое применение...

Как только назрела и прорвалась смрадным гноем наша безбожная и самоубийственная революция, вылезли из своих грязных нор газетные гады, разбойники печати и словесные гиены и обрушились гнусной клеветой на все святое...»

В «Апостольском колоколе» приводятся выдержки из Иувиановского Летописца, где рассказывается, насколько прозорливыми оказались советы святителя Игнатия (Брянчанинова), касающиеся юридического устройства отношений Валаамской обители с финскими властями...

Может быть, благодаря этим советам, в точности исполненным игуменом Дамаскиным еще в середине прошлого века, когда никому и в голову не приходило, что территория Российской империи может претерпеть какие-то изменения, и удалось устоять Валааму в хаосе революционных лет, когда русофобская, антиправославная истерия захлестнула и Финляндию, и саму, теперь уже ставшую советской, Россию...

Но чашу исповедничества пришлось пить тогда и валаамским инокам...

Как только рухнула Православная Россия, на вселенское православное монашество ополчилось «обновленчество экуменического масштаба». Чтобы упростить Православие и сделать его удобным для практического употребления, Патриарх Константинопольский начал войну против тех Поместных Церквей, которые противились переходу на новый календарный стиль...

На Валааме духовником тогда был отец Маркиан, который через год, приняв великую схиму, станет отцом Михаилом...

Печальные события начались 25-го июня 1924 года, когда новый епископ Карельский посетил Валаам...

Монахи были предупреждены, что неподчинение установлениям Финской Церкви грозит высылкой с Валаама. В ноябре валаамские монахи подали просьбу о сохранении хотя бы празднования Пасхи по старому стилю, но и в этом им было отказано. Отец Михаил, духовник братии, ободрял хранить верность традициям Святой Православной Церкви. Часто служил он в дальних скитах и поощрял других отцов следовать ему.

Отец Михаил часто посылал своих духовных чад по ночам с просфорами в Гефсиманский скит, и те неизменно исполняли послушание, проходя каждую ночь по шесть километров. Гефсиманский скит стал местом, куда собирались на службы по старому церковному календарю...

Архимандрит Афанасий оставил проникновенные воспоминания о своем старце: «Нужно уметь заглянуть в глубину духовной жизни Валаама, чтобы рассмотреть отдельных исполинов духа в его недрах. Первым таким исполином был духовник сего монастыря отец Михаил... Навсегда врезался в мою душу его образ. Это был совсем обыкновенный человек, но именно потому-то, очевидно, это был действительно настоящий человек. Мы говорим: “Людей много, а человека нет”. И вот я увидел пред собою настоящего человека. Словами этого не выразишь. Но всякий и без того понимает, потому что образ настоящего человека живет в каждом из нас. И когда встретишь такого человека, то почувствуешь, что ты как бы сливаешься с ним в одно, как будто твои искаженные черты накладываются на его нормальные и исправляются, а ты сам становишься нормальным человеком. Сказывается это, прежде всего, в том, как подходит к тебе этот настоящий человек. Он принимает тебя всем сердцем. Этого одного достаточно, чтобы и ты раскрыл ему все свое сердце...»

Еще в начале девятнадцатого века белобережскими старцами, учениками великого Паисия Величковского на Валааме было восстановлено старчество...

Каждому при постриге назначал игумен своего старца-руководителя. Редкие монахи могли быть старцами. Но те, которые становились ими, поддерживали стройность жизни монастыря. Таким старцем и был валаамский духовник — отец Михаил...

Когда из Лондона приехал на Валаам греческий митрополит Германос — представитель Константинопольского Патриарха в Западной Европе — многие валаамские монахи во главе со своим духовником отцом Михаилом и наместником отцом Иоасафом отказались с ним сослужить...

Потом, когда отец Михаил по суду был лишен права священнодействия и сослан в отдаленный скит Тихвинский, один из учеников спросил, не сожалеет ли он о своем поступке...

— Нам святые каноны не позволяют быть с нарушителями их! — твердо ответил старец.

Репрессии, которым подвергли монастырь, были чрезвычайно суровыми. Наместник, казначей, ризничий, благочинный и духовник были отстранены от исполнения своих должностей. Всех их сослали в скиты на острова... Отец Михаил отбывал ссылку на Тихвинском острове, который называл в шутку «нашим Валаамским Сахалином». В конце 1926 года сорок исповедников были насильственно высланы с Валаама.

Однако, гонения на «старостильников» на этом не прекратились. Их продолжали преследовать... Но твердым, как валаамский гранит, оставался исповедник отец Михаил. Он так и не признал нового стиля... Почти десять лет совершал исповеднический подвиг, пока, надорванное

исповедническими страданиями, выдерживало его сердце...

«1934 года мая 21-го в мире, во Христе, скончался иеромонах Михаил: во Христе он умер, во Христе он живет. Отец Михаил наш, кронштадтский житель, жил в скиту св. Иоанна Предтечи; в 3-м часу дня поехал один в лодке, чтобы перевезти к себе в гости о. Иувиана канцелярщика, и на середине залива скончался в лодке от разрыва сердца, и лодку погнало в озеро с ним, а он лежал на боку, и в лодку уже набралось много воды. В скиту слышали крик и сильный звон в било. Один рясофорный послушник певчий Валентин тоже был в скиту в гостях. Он поехал на лодке и увидел отца Михаила упавшего, и лодку его на буксире привезли к берегу и после привезли в монастырь. Ему было 65 лет».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Капитан высматривает в трубу. Налетает туча, сечет дождем. Теперь ничего не видно. Говорят, как бы туманом нехватило, тогда — прощай. Вон матросы уж слушать стали — не позывает ли? Что позывает? А колокола валаамские, как видимость пропадает, монахи позывают, «сюда, в тихую пристань, к преподобным!» Серебряный звон, хороший, ясный. Нет, не слышно серебряного звона, не синеют острова Валаамские. Томительные часы проходят. Дождь переходит в ливень, визжит ветер, хлопают паруса. Богомольцы в кучке поют: «Не имамы

иные помощи... не имамы иные наде-э-жды... разве Тебе, Владычице...»

— Валаам видать! — слышу я. — Слава Создателю... показался! Перед нами высокий темно-зеленый остров. Пеной кипит округ него озеро-море. На гранитную скалу бежит «Александр», вот ударит! Ближе — остров дробится на острова. Видны проливы, камни, леса. Древностью веет от темных лесов и камней. Из-за скалистого мыса открылся Монастырский пролив, великолепный. Слева, совсем на отлете, каменный островок, на нем белая церковка, крест гранитный, позади — темный бор. Это маяк и скит, страж Валаама и ограда — Никольский скит...»

«Чтимый святитель бодрствует на водах, благословляет входящих в тихие воды монастырские, указывает путь “и сущим в мори далече”».

Входим в пролив, двигаемся в отвесных скалах. На них, высоко, леса. Воздух смолистый, вязкий. И — тишина. Чувствуются лесные недра. Покой. Богомольцы как бы передают охватывающие их чувства. Поют: «Свете тихий, святы-ые славы... Бессме-э-рт-ного Отца-а Небесного...». Сердце дрожит во мне. «В раю вот так-то... — слышится чей-то возглас. — Лучше и быть нельзя».

Таким увидел Валаам писатель Иван Шмелев, посетивший монастырь еще во время свадебной поездки, двадцатилетним, «шатнувшимся от церкви», верящим в науку и социальный прогресс студентом...

И вот сорок лет спустя, в Париже, приехавший с Валаама писатель Борис Зайцев передает его юношескую книжку «На скалах Валаама»,

хранившуюся в монастыре, просфорку, землицу с Валаама и образок... Он рассказывал Шмелеву о неторопливом пути к скиту, о могиле иеросхимонаха Антипы в лиственной роще, о скитской ограде, о том, что ничего сурового нет в этой святой земле. Наоборот, светло, особенная, чуть ли не райская тишина...

— С тем и уехала, что в раю побывала... — вспомнил он слова одной француженки...

Этот достигший Парижа лучик валаамского света пробудил в душе Ивана Сергеевича Шмелева, может быть, самые главные воспоминания жизни...

Об этом он и пишет в письме Борису Зайцеву:

«Травку с Валаама Ольга Александровна вложила за стеклышко рамки со снимком нашего сына, — у меня на столе стоит, смотрит сейчас... Он был с нами на Валааме, — во чреве матери, под сердцем... теперь в сердце, больном. Хотел бы, перед недалеким концом, окинуть взором беглым все, на что молодые глаза смотрели безмятежно, юные глаза... Сколько было после!..»

Об этом напишет И. С. Шмелев и в предисловии к очерку «Старый Валаам», вспоминая поездку в Гефсиманский скит, встречи с валаамскими подвижниками, и спустя много лет, постигая их сокровенный и судьбоносный смысл:

«...Живые нити протянулись от «ныне» — к прошлому, и это прошлое мне светит».

Сколько мореплавателей нашло путь в непогоде благодаря колоколам и огням скитов Валаама! Сколько заблудившихся в тумане безверия душ спасли звуки апостольского колокола...

Сколько «шатнувшимся от церкви» юношам указали путь огни маяков на монастырских соборах...

*«В мире пусто, скучно и бесцельно,
Но еще не весь разрушен храм,
Есть обитель Правды беспредельной,
Духоносный остров Валаам...»*

*В полумгле молитвенного храма,
У святых и праведных отцов,
От кадила звонких фимиама
Встрепенись под звон колоколов.*

*И прими как дар благоуханный
Благодать священных этих мест,
Где Андрей, Апостол Первозванный,
Сам воздвиг когда-то первый крест...»*

Скорее всего, что Иван Шмелев не знал этих стихов монаха Викентия, напечатанных в 1935 году в Таллине в сборнике «Валаам, Альбом стихотворений», но очерк его о Валааме явно переключается с ними...

«Валаам остался на своем граните, — «на лу-де», как говорят на Валааме, — на островах, в лесах, в проливах; с колоколами, со скитами, с гранитными крестами на лесных дорогах, с великой тишиной в затишье, с гулом лесов и волн в ненастье, с трудом — для Господа, «во имя». Как и св. Афон, Валаам поныне — светит. Афон — на Юге, Валаам — на Севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся «ночь мира» нужны маяки».

Впрочем, разве могли не перекликаться мысли двух православных русских людей о Валааме, когда на Родине, в России, расстреливали священников, сбрасывали колокола, взрывали храмы...

Валаам тогда — как тут снова не вспомнить о прозорливости святителя Игнатия (Брянчанинова) — *остался на своем граните*... Невозможно постигнуть это, но когда смолкли на Руси все колокола, апостольский колокол Валаама продолжал звучать с прежнею силой...

Валаамская твердыня православия непоколебимо стояла до тех пор, пока снаряд, залетевший в колокольню Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, не разбил тысячепудовый «первозванный» колокол...

И заглушил последний удар его, как вспоминают очевидцы, грохот разрывов артиллерийских снарядов... Задрожала земля, словно само небо обрушилось на нее... Грудю тяжелых обломков, перемешанных с камнями и кирпичной пылью, затих этот — не на охтинских заводах г-жи Стуколкиной, а в пустынножительской душе игумена Дамаскина отлитый — колокол... И тогда и сдвинулся Валаам со своего *гранита*... Тяжелым и душным туманом затянуло святые острова...

В ноябре 1939 года была объявлена война СССР с Финляндией. Советские самолеты начали бомбить Валаамский монастырь.

«Все подробности пережитого нами лихолетья во время эвакуации монастыря передать нет возможности... Одно только можно смело

сказать, что милость Божия не оставляла нас, грешных, при переживании всего того, что пришлось испытывать в это горестное время... — пишет монах Иувиан. — По выезде из монастыря мы расположились в трех школах, в незначительном расстоянии друг от друга».

20 ноября первая группа старостильников во главе с отцом Иоасафом прибыла на Новый Валаам.

Поместье Папинниemi, где разместился Новый Валаам, расположено в живописном месте, на пологом южном берегу озера Юоярви. Озеро со всех сторон окружено дремучими лесами. В 1939 году здесь еще не было хорошей шоссейной дороги, и связь с внешним миром поддерживалась, главным образом, водным путем. Поэтому в обители царили покой и уединение...

Место это было найдено достаточно чудесным образом. Игумен со старшей братией долго ездил по Финляндии, осматривая продающиеся имения. И вот в усадьбе министра Саастамойнена в деревне Папинниemi увидели на стене в главном здании икону преподобных основателей Валаама Сергия и Германа. Это было воспринято как указание свыше и остановились именно на этой усадьбе.

Монахи шутили потом, что преподобные Сергий и Герман основали и Новый Валаам...

Разместились в трех зданиях. Часть братии — по одному в келии, а часть — за недостатком помещений — по двое или по трое в одной келье.

Церковь разместилась в отдельном здании, здесь же — и братская трапеза, и кухня. Храм получился уютный и достаточно вместительный.

Богослужение совершалось торжественно, с полным соблюдением церковного Устава, пение, как и положено на Валааме, происходило на два клироса.

Почти вся ризница, и иконы были валаамские...

Удалось вывезти в Папинниemi и двадцать тысяч книг монастырской библиотеки. Их разместили в деревянном сарае...

Устроили даже деревянную колокольню, на которой разместили церковные колокола и самый большой из них — в 100 пудов, так что церковный звон далеко разносился вокруг по финляндской округе.

Но, увы, увы... — вздыхает летописец. — Возраст нашего братства престарелый, молодых совсем мало. Здесь у нас свое хозяйство: поля, огороды и лес. Самим нам приходится все это обслуживать, садить овощи, сеять хлеб и кормовые травы. Самим убирать, жать, косить и сушить сено. Самим молотить хлеб, готовить на зиму дрова. Рабочих нет, да и невозможно их принять, так как средства монастыря оскудевают...

Редели и ряды иноков...

24.10.1946. «У нас в монастыре еще не кончился сорокоуст по иноку Симону. Еще есть два покойника: иеромонах Василий скончался первого ноября в шесть тридцать утра, а иеромонах Михаил второго в одиннадцать часов ночи. Похоронили четвертого числа обоих в одной могиле. Еще есть много кандидатов в вечную жизнь — о. Василий шестидесяти восьми лет, а о. Михаилу шестьдесят три года. Всего семьдесят два инока от семидесяти трех лет до восьмидесяти четырех. Вот такая наша братия! И мне уже

семьдесят три года. Тоже жду перехода. Думаю, что свечка жизни моей скоро погаснет. Упомянутые иеромонахи скончались мирно. Перед самой кончиной причастились Св. Христовых Таин. Помяни их, Господи, во Царствии Твоем».

25.3.1949. «Отец Антоний очень слаб. Я его соборовал. Едва ли поправится. И другие старички есть слабые. Монах Аристовул отошел к праотцам. Сапожник, он и раньше был больной, ходил — рот открыт и язык вываливается. Сейчас ходил к о. Антонию. Как видно, поправится, только, конечно, полежит».

3.8.1949. «Сегодня, третьего августа, я отпел и проводил на кладбище монаха Терентия, семидесяти шести лет, который баню топил. Вчера скончался скоропостижно. И еще есть старички, уже созревшие для перехода в будущую жизнь».

16.8.1951. «Иеромонах Антоний скончался двадцатого июля в шесть часов сорок минут вечера замечательно спокойно, точно уснул. Утром я причастил его. Некоторое время изнемогал, но терпел и не жаловался».

11.5.1952. «В пятницу похоронили двоих, берлинского игумена Гавриила и о. Иоанна Калинина, одноногого. Один умер в десять часов ночи, а другой через час. В этом году умерло пять человек. Редуют наши ряды... Сегодня иду я в трапезу, смотрю — несколько человек тащат о. наместника. Упал и не может встать. Помести-

ли в келью в другом корпусе. Пока в сознании, но вставать и ходить не может. Конечно, не жилец».

24.10.1952. «Печенгский иеромонах Иона скончался двадцать третьего числа в семь часов вечера. В этом году умерло уже десять человек».

30.1.1953. «Сегодня хоронили монаха Христофора, восемьдесят два года ему было. Скончался, мирно сидя на стуле».

23.1.1955. «Умер монах Павел, во вторник похоронили. О. Роман слаб, я его соборовал, и еще есть кандидаты, зрелые к переходу в иную, вечную жизнь. Остарело наше братство. Все же теплится монастырская жизнь помаленьку».

23.1.1955. «Что-то долго нет от вас письмеца... Наверно, все еще болеете. Нас тоже посетила эта болезнь. Почти все болели. Я — не особенно. Теперь хожу причастить больных. Есть некоторые старички, очень болеют. Все же хорошо устроено, насколько могли, приготовлено, и гробы тоже есть».

17.3.1955. «Отошли к праотцам шесть иноков: Нил, Роман, Ананий, Павел, Евсевий и Диомид, и еще Мария — портниха. Она, бедная, поскорбела и много пролила слез, но кончина блаженная. Причащал ее за сутки перед смертью. Еще хотела причаститься. Я пришел, а она уже кончается. Проговорила она Наталии: “Все же добились меня”. Потом тихо отошла, как уснула».

17.3.1955. «О. Руфин за три дня до смерти все хотел келью оклеить бумагой. Все же приготовился к Вечной хорошо. Дал мне деньги на булочки и сказал: “Когда ударят в колокола о смерти моей, дай сорок марок о. Иувиану, пусть напишет моему племяннику о кончине моей”. Упокой его, Господи, во Царствии Своем».

14.11.1955. «О. Валериан мирно скончался в воскресенье в одиннадцать часов ночи, похороны в среду. Накануне я причащал его. Он был очень полный. Вероятно, помнишь его. А болезнь сделала его совсем тоненьким, точно скелет».

24.11.1955. «Схимонах Иларион, звонарь, страдает от болезни. Кричит, больше по ночам. Теперь стало ему полегче. Сегодня ел суп и хлеб. Он в моих годах».

13.12.1956. «Сегодня в двенадцать часов похоронили двух иноков, Гervasия и Евтихия. Первому восемьдесят три года, второму восемьдесят один год. Посетил я о. Евагрия. У него пухнут руки и ноги, и одышка у него. Все же не унывает, сознает, что приходит конец этой временной жизни. Готовится к переходу в другой, вечный мир. Он сказал мне: “Вот я теперь, по совету преподобного Серафима Саровского, утром до обеда читаю Иисусову молитву, а с обеда Пресвятой Богородице”».

20.1.1957. «Монах Евагрий мирно скончался. Блаженная его кончина. Все время был в памяти и мирный. Утром причастил его, и в десять

часов скончался. Какие были деньги и пожитки, раздал монахам. Я посещал его, и он благодарил меня за посещение. В болезни никого не беспокоил. Да упокой его, Господи, во Царствии Своем».

Печален и скорбен этот список...

Как триста лет назад валаамским монахам, поселившимся в монастыре Василия Кессарийского в Старой Ладоге, казалось, что иссякает протянутая из далеких веков валаамская нить, угасает вожженный преподобными и святыми мучениками валаамский светильник...

Какая странная закономерность судьбы Валаама... Бежать в годы первой русской смуты от шведов, оставив святые острова... И в результате второй русской смуты тоже бежать, только теперь уже в сторону Швеции, и снова оставить монастырские святыни...

«Сегодня ходил я на кладбище, — Записывает в эти дни схиигумен Иоанн. — Погода хорошая, дорога сухая. Обошел все могилы, прочел доски на крестах. Кто когда умер, сколько лет жил в монастыре и каких лет от рождения. На Новом Валааме лежат в могилах сто пятьдесят четыре инока. Всех вас я знаю, и ваши тела лежат в могилах. Ибо закон смерти неумолим. Когда и где родились, знаем, а когда и где умрем — не знаем. Человек взят из земли, в землю и пойдет, а душа от Бога, к Богу и пойдет.

Где-то вы, честные отцы, находитесь? И как вы там проживаете? (выделено нами. — Н.К.) Я глубоко верю, что вы не умерли, а только перешли в другой, невидимый мир...

Наше иночество все престарелое. Большинство ходит с палочкой. Уже приготовили несколько могил и гробы сделали.

Скоро, скоро и мое бренное тело положат в гроб и опустят в холодную могилу, и засыпят землей, могильщик сделает холмик, поставит крест. Может быть, найдется добрый человек, который напишет на доске мое имя и прибьет к кресту.

Честные отцы! Прошу вас: кто когда придет к этой могилке моей, помолись о моей многогрешной душе...»

И вот, кажется, и далеко в Финляндии расположился Новый Валаам, но оживают в молитвенных раздумьях одного из последних валаамских старцев валаамские предания...

Из стеклянного света ладожской воды, из сумерек, сгущающихся под тяжелыми лапами елей, из неподвижности несокрушимых скал, из молитвенной тишины, кажется, рождались они...

«Случилось же так: ночью некоему духовному и многолетнему старцу было явление — как будто стоит он в той большой церкви Святого Преображения, где лежит нетленное тело святого Германа (так как тогда только преподобный Герман был в церкви). Видит, что сам тот святой встает из своего гроба, выходит с жезлом из церкви и говорит следующее: Не могу больше терпеть слез моих чад, но пойду к брату моему Сергию, чтобы избавить нам их от напавшей беды.

И с тем стал невидимым.

Тогда еще мощи святого Сергия были в Великом Новгороде...»

И снова и снова задумываешься о судьбе Валаама, и трепетом охватывает душу, когда пытаешься разгадать загадку этой судьбы...

Как странно, так не похоже, и вместе с тем, по сути, одинаково, повторяется судьба Валаамского монастыря в веках...

Мы слишком мало знаем о первой разлуке братии с Валаамом, произошедшей в одиннадцатом-двенадцатом веках. Знаем только, что монастырь успел пережить к тому времени и расцвет и признание...

О трагедии Валаамского монастыря в годы первой русской смуты известно лучше... Монастырь остался в руках иноземных захватчиков, а братия ушла в Россию...

Еще лучше известны подробности разлуки братии с Валаамом в двадцатом веке... Теперь уже на Родине остался монастырь, а братия ушла в Финляндию...

Есть что-то зловещее в этом перевертывании с ног на голову сюжета разлучения братии монастыря с Валаамом...

А вот нынешняя «Летопись Валаама», которую я списал у одного приозерско-валаамского краеведа...

«1946 год. На Валааме появился первый председатель Сельсовета. (Вернее — председательша). Фамилия ее была Бесценная. Сельсовет разместился в императорских покоях.

1950 год. На Валааме разместился госпиталь для инвалидов Отечественной войны. Привезли 150 «самоваров» — лишенных рук и ног инвалидов. Остров был закрыт.

1958 год. На Валаам начали ходить теплоходы. Два раза в неделю ходили сюда «Короленко» и «Красногвардеец».

1967 год. В Воскресенском скиту оборудована летняя база. Тогда островам был нанесен урон, сравнимый с военным. Из 13 скитов семь сожгли туристы. Базу выжили с острова только в 1982 году.

1976 год. Валаам объявлен заказником природы.

1980 год. На Валааме образован филиал музея-заповедника*.

1984 год. С Валаама съехал интернат для инвалидов войны. Некоторые полагают, что, благодаря интернату, и не разорили до конца строения монастыря. Иначе все было бы разрушено».

В принципе, можно и это считать новой Валаамской летописью...

Есть тут и некоторые факты, и боль интеллигентного человека за свое национальное достояние.

Только Бога нет...

Только вера отсутствует...

А без веры в Бога собрание фактов, какое может иметь отношение к Валааму?

* Тогда, в Министерстве культуры Карелии автору этой летописи довелось слышать такой разговор:

- Валаам...
- А что это? Кажется, остров какой-то?
- Остров... И там памятники есть.
- Вот как... Надо, надо будет съездить, посмотреть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Но не прервалась и в этом лихолетье валаамская нить...

И среди этого мрака не угас валаамский свет...

Да и как он мог угаснуть, если, отрываясь от монастырского летописания, от хлопотливых забот, связанных с канцелярией монастыря, писал благословленный на валаамское иночество самим праведным Иоанном Кронштадтским монах Иувиан, письма десятилетнему мальчику Алеше.

«Милый и Дорогой мальчик Алеша!

Спаси Тебя Господь, Дорогой мой, за Твое милое письмо и за поздравление с праздником Рождества Христова.

Я глубоко тронут Твоим приветом и письмом.

Мне очень приятно слышать, что Ты с такой любовью принял посланные Тебе книжечки. Старайся со вниманием прочитывать их и слагать в своем юном сердечке священные глаголы, которые начертаны в этих книгах.

Старайся чаще молиться, Дорогой Алеша, и просить Господа, чтобы Он просветил твой ум к познанию Его святой воли и к восприятию полезного учения. Молитва просветляет память и очищает наш ум и сердце от всего нечистого...

Валаам, январь 1938».

«...Грустно мне было узнать от Тебя, Алешенька, что все праздники Ты провел в постели, будучи болен.

Помоги Тебе Господь Бог поправиться здоровьем.

С верою несомненною и с горячим усердием молись Богу, чтобы Он послал Тебе здоровье, и верь: Он услышит Твою детскую молитву и пошлет Тебе здоровье.

В подтверждение этого посылаю Тебе копию письма, из которого Ты прочтешь, как один мальчик Гавриил вымолил у Бога пшеницу, совершенно уничтоженную градом и проливным дождем.

Посылаю Тебе в благословение св. образок Великомученика и Целителя Пантелеймона, со Святого Афона. Прими его с верою и проси этого Божия Угодника, чтобы он укрепил Твое здоровье...

Валаам, 22.01.39»

«Милое Дитя о Господе, Дорогой Алешенька!

...Отрадно слышать, что Ты с верою и с теплым усердием принял Святую Икону Великомученика Христова Пантелеймона и молишься ему.

Верь, дорогой Алешенька, что детская Твоя молитва особенно угодна Господу Богу и Мученику Его Пантелеймону.

Бог даст, поправишься здоровьем и опять будешь у нас на Валааме.

Я очень рад слышать от Тебя, что Ты прочел те книги, которые были подарены Тебе: этим Ты глубоко меня порадовал.

О. Лука, о. Памва и о. Марк кланяются Тебе и молятся ко Господу о даровании Тебе здоровья и спасения душевного, также и я грешный всегда поминаю Тебя в своих убогих молитвах...

Валаам, 02.03.39».

«В продолжение понесенных Тобою неоднократно болезненных недомоганий, мы каждый раз искренно сочувствовали Тебе, Алешенька, а также и молились за Тебя Богу, чтобы Господь у врачевал Тебя и даровал бы Тебе Свой драгоценный дар — здоровье телесное и спасение душевное. О сем и сам Ты молишь Господу Богу, помня Его слова, изреченные в Евангелии Христовом: “Имей веру Божию. Истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: двинись и ввергнись в море, и не размыслит в сердце своем, но веру имет, что будет по слову то; сбудется ему, что ни скажет; того ради говорю вам: все, что в молитве просить будете, — веруйте, что примете, и будет вам”.

Такая молитва веры спасет болящего и воздвигнет его от болезни...с искренней к Тебе любовью остаюсь — м. Иувиан.

Валаам, 25.06.39»

«Милый и дорогой мальчик», «милое дитя о Господе», «дорогой Алешенька», — это будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, молитвам и хлопотам которого во многом обязан Валаамский своим новым возрождением...

И нужно ли еще говорить о силе валаамской молитвы, если черным по белому написано в этих письмах, что *этот* Патриарх всея Руси был вымолен вааламскими монахами — отцом Иувианом, отцами Лукой. Памвой и Марком, всей братией еще *того* Валаамского монастыря...

Сам Святейший Патриарх тоже говорит об этом...

«На меня, девяти- и десятилетнего мальчика Валаам произвел неизгладимое впечатление. Архитектура монастыря и скитов, намоленность храмов, удивительная природа северного края, духоносные старцы и насельники обители; их трудолюбие, открытость, доступность для каждого паломника и особая чуткость — все это поражало. Во многом эти два посещения Валаама определили мой будущий жизненный путь».

Мы знаем, что святейшему патриарху Алексию II суждено было стать во главе величайшего дела — на развалинах гибнущей державы начать дело возрождения Святой Руси...

Разумеется, будущие церковные историки точнее смогут оценить деятельность патриарха Алексия II, но и сейчас с каждым месяцем, с каждым днем его святительского служения все яснее и отчетливее видишь, что нам некого поставить рядом с ним.

Никто из наших современников по масштабу своих созидательных свершений и близко не приближается к тому, что совершено нашим Святейшим Патриархом...

И чрезвычайно символично, что десятилетний Алексей Редигер оказался одним из последних паломников *того* Валаама.

«Глубоко трогательным было наше отплытие с Валаама в конце августа 1939 года... — говорит Святейший в своих воспоминаниях. — Ощущалась грядущая катастрофа. Множество насельников пришло проводить корабль. Провожжающие и отплывающие пели гимн монастыря

“О, дивный остров Валаам...”. Все плакали — и те, кто уезжал, и те, кто оставался. Было такое чувство, что эта встреча последняя и что не придется больше увидеть Валаам с его духоносными, любвеобильными старцами-молитвенниками...»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Иногда думается, что Господь по беспредельному своему милосердию к нам попустил те несчастья, что происходят сейчас с нашей Родиной — православной Русью. Закрываются для нас *широкие пути*... Оставлен один только узкий и трудный Путь, который ведет к спасению.

ХРОНИКА

18 сентября 1989 года Совет Министров Карелии принял решение передать в пользование Ленинградской епархии собор с внутренним каре и близ расположенные скиты. Значительную роль сыграла в этом инициатива митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, того самого мальчика Алеши, за которого и молились валаамские монахи, когда болел он...

3 (16) октября. Заседание Священного Синода под председательством Святейшего Патриарха Пимена, на котором Преосвященный митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей сообщил о передаче Ленинградской епархии части монастыря и скитов на Валааме, перечисленных в его рапорте. Постановили: возблагодарить

Господа Бога за возобновление монастырской жизни на о. Валааме.

30 ноября (13 декабря) Это самая главная дата новейшей истории Валаама. На память святого апостола Андрея Первозванного первые шесть иноков из Троице-Сергиевой лавры во главе и иеромонахом Варсонофием (Капраловым) прибыли на остров и разместились в бывшем изоляторе дома инвалидов. На Старом Валааме возобновилась монашеская жизнь.

В нижнем храме собора во имя преподобных Сергия и Германа зазвучали молитвы. Начались и монастырские реставрационные работы.

— Мы говорили, говорили... — рассказывал здешний краевед о своем впечатлении от первого настоятеля. — Вернее, я говорил, говорил, а он сидел молчал и только в конце сказал: «Ну, вот мы с вами и познакомились».

Апрель 1990 года. Верховный Совет Карелии решил вернуть обители все «храмовые и административно-хозяйственные здания».

Июнь 1992 года. Верховный Совет Карелии передать монастырю и земельные угодья на Валааме...

1990 год. В праздник Вознесения Господа нашего Иисуса Христа митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием вновь совершено освящение главного престола нижнего соборного храма во имя преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев.

Валаамскому монастырю дарован статус ставропигиального.

8 (21) июля 1996 года. По благословению Святейшего Патриарха, священноигумена Валаамс-

кого монастыря Алексия II в Валаамскую обитель из Санкт-Петербурга перенесена Валаамская икона Божией Матери (список, выполненный валаамскими монахами в 1902 года).

9–12 июля (22–25 июля) Святейший Патриарх Алексий II совершил освящение вновь сооруженной раки над мощами преподобных Сергия и Германа, почивающих под спудом, а также иконостаса нижнего соборного храма.

ВАЛААМСКИЕ РАССКАЗЫ

«Игумен Дамаскин»

Когда выбрались из приозерских шхер, подул ветер, заходили волны по Ладоге... Ветер срывал верхушки с волн и брызгами швырял в лица пассажиров, толпящихся на палубе. Несколько капелек ладожской воды упало на лежащую на моих коленях книгу святителя Игнатия (Брянчанинова), где тоже описывался шторм на Ладоге.

Я закрыл книгу...

Странно перепутывалось описание шторма, разразившегося в прошлом столетии, с тем, что происходило сейчас...

Все пространство покрылось белыми гребешками волн. Вдалеке они весело играли на солнце, но, приближаясь к нашему теплоходу, темнели, набухая силою, обрушивались на судно, и нас переваливало с борта на борт. И чем дальше от берега, тем круче волна...

— Ничего! — словно ободряя меня, проговорил стоявший рядом монашек. — Наш «Игумен Дамаскин» качку хорошо держит!

«Игумен Дамаскин» — это название судна, на котором и застал нас шторм. Ну, а вообще, Дамаскин, может быть, самый, если, конечно, не считать преподобных Сергия и Германа, известный настоятель Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Крестьянский сын, только в монастыре обучившийся грамоте, он был извлечен, как мы говорили, из молитвенного уединения архимандритом Игнатием (Брянчаниновым), приехавшим на Валаам разбирать возникшую здесь смуту.

Менее чем за месяц Дамаскина посвятили вначале в иеродиаконы, потом в иеромонахи и, наконец, в игумены, а настоятельское служение его длилось сорок два года, и много штормов и непогод пришлось пережить Дамаскину, уверенно проводя сквозь них монастырский корабль. Это при игумене Дамаскине стал Валаамский монастырь таким, каким мы его знаем теперь...

Так что нелепым было и само опасение, будто «Игумен Дамаскин» не выдержит нынешнего, небольшого волнения на озере...

Действительно, скоро, едва только начало темнеть, мы увидели Валаам. Долго шли к нему, наблюдая, как все ярче разгораются огоньки монастырских маяков-скитов. Уже в полной темноте, обогнув Никольский скит, вошли в монастырскую бухту, и сразу стихло волнение воды...

«Как легкое бремя на плечах гиганта» — цитата из книги Игнатия (Брянчанинова) — возвышался вверх на скале монастырь...

Валаамское время

Монастырь живет по иерусалимскому времени. Летом оно на два часа отстает от московского. По монастырскому времени — церковные службы...

Местные жители стараются не обращать внимание на нововведения, хотя трапезы для местных жителей тоже по монастырскому времени, но все они живут исключительно по московскому времени.

Как теплоходы...

Или, как телевизоры...

С местными жителями у монастыря отношения непростые...

Возобновление монашеской жизни совпало по времени с началом перестройки и в результате многие островитяне — по свойственной человеку привычке искать врага поближе... — с монастырем и связывают ухудшение своей жизни.

— Чем живут сейчас на Валааме? — спросил я у местного жителя. — Работа на острове есть, кроме монастыря?

— Есть... — сказал он. — Подснежником.

— Подснежником?!

— Мы бомжей так своих, валаамских, называем... Они получают квартиры на материке, продают и возвращаются назад.

— А почему все-таки подснежники?

— Так они зимой успевают пропить свои квартиры, а весной, по первой воде, когда сходит лед, и возвращаются на Валаам...

— А еще какая работа есть? — повторил я свой вопрос.

— Какая там работа? Совхоз давно закрылся... Вместо него монастырь теперь... Только, если рыбу ловить... Мои давно уже все на материк уехавши...

— А в каком году?

— В каком? — мужик задумчиво посмотрел на монастырь с возносящимися ввысь голубыми куполами Спасо-Преображенского собора. — Ну, давно вообще-то... Тогда еще купола на соборе были черными... Лет пять назад...

Послушник Александр

Наверное, самые тяжелые, эти предпраздничные дни для послушника Александра. Монастырская гостиница переполнена — забиты уже и десятиместные номера, и чердак — а народ продолжает прибывать.

И у всех — благословение. У всех — какие-то бумажки с правом на размещение. Ругаться — не ругаются, кричать — не кричат, но недовольство паломники не скрывают... Ну, а послушнику Александру раздражаться не положено, у него один ответ: «К отцу Гурию, пожалуйста, идите... Как благословит...»

Отец Гурий — монастырский гостинник. Всеми вопросами размещения в монастыре ведает, решает, где и кого разместить...

Разумеется, в соответствии с благословением игумена... Разумеется, в соответствии с положением прибывшего...

Но сейчас, накануне праздника, забито в монастыре все, и отец Гурий благословляет послушника Александра размещать вновь прибывших куда-нибудь. Мест-то уже нигде нет...

— Куда же размещать вас? — спрашивает послушник Александр. — Ведь ни одного места свободного не осталось.

Он осеняет себя крестным знамением и говорит: — Пойдем... Поглядим...

Нет... Свободных мест не появилось за эти минуты. Но выясняется, что не заняты койки паломников, уехавших на Святой остров. Из-за не-

погоды уже не вернутся они сегодня, корабль пустой пришел, не смог подойти к острову... Чего же койкам пустовать? И вот, хотя и нет свободных мест, но — воистину чудом Господним — устраивается на ночлег и наша группа.

И так у послушника Александра — каждый день.

В обычной гостинице дежурная отрабатывает смену и на отдых.

А послушник Александр и вчера — в гостинице, и сегодня, и завтра... До тех пор, пока не кончится послушание...

И ни раздражения в Александре, ни угрюмости. Спокоен... Приветлив...

В свободное время Александр любит фотографировать...

Показывал толстые альбомы своих снимков. Снимки интересные. А особенно интересно то, что многие монастырские здания и пейзажи сняты с одной точки, но в разное время дня и года. И когда они размещены рядом, словно бы время течет по страницам альбома.

Белое поле покрытого снегом замерзшего озера...

Белый заснеженный остров...

Белое здание скита и Никольского храма с искоркой золотой маковки... А вот этот же скит, только на заржавевше-скалистом берегу осени...

А вот фотографии самого монастыря...

Сбросив тесноту зелени, деревья как бы пропускают к озеру здания...

А как хорош монастырь весной, когда дымкой распустившихся почек еще не погашено золотистое сияние скал, высоко вверху, прямо посреди

неба, белые стены, и из них — голубой в голубое небо — шпиль колокольни...

Еще несколько альбомов заполнено фотографиями монахов. Многие сфотографированы не раз и не два. Лица повторяются, путаются между собою.

— Это тот монах, которого мы в том альбоме на скиту видели?

— Нет... Это батюшка... Приезжал на Валаам...

— Как похожи лица!

— Похожи... — говорит Александр и неожиданно добавляет, что есть замены. Занимаясь фотографией, он уже давно заметил это. Уходит какой-нибудь батюшка из земной жизни, и очень скоро, совершенно случайно, встречаешь другого, точно с таким же лицом, с такими же глазами, с такой же улыбкой...

— Что это?

Мы молчим, перелистываем страницы альбома, по которым, подобно воде, в блестящем целлофане конвертов течет время...

А гостинник Александр и не ждет ответа.

Осенья себя крестным знаменiem, идет открывать ворота. Снова кто-то прибыл из паломников, снова надо — без молитвы тут никак не обойтись — куда-то пристраивать его...

Лиза

В Гефсиманском скиту, где нас поселили, живет послушник Борис и красивая, маленькая, желтая, с пушистым, как у белки, хвостом кошка Лизонька.

Сама она нездешняя, ее привезли, как утверждает Борис, из Италии, но она уже хорошо обжилась на Валааме, мяукает так, что местные коты отлично понимают ее...

Утром Борис всегда варит Лизе два яйца...

— А почему ее Лизой называли? — спросил я.

— Так это же вы и называете ее так... — ответил Борис.

— Мы?! А вы как зовете ее?

— Лисонькой... Видите, какая рыжая она, как лиса...

— Вот как... — смущенно сказал я. — Ну, в общем-то вы правы... Говорят, вообще не хорошо именами, которые в святцы занесены, животных называть...

— Ну это я не знаю... — сказал Борис. — Да вы не смущайтесь... Не вы первые в Лизоньку кошку переименовываете... Она и на Лизоньку откликается...

Валаамская луна

Из-за обилия воды что-то странное происходит здесь со светом белой ночи...

Ночной воздух как бы искрится, и так странно из-за скал, из-за верхушек деревьев выплывает — только, наверное, на Валааме бывает такая — луна.

Борис рассказывал, что поднимаешься от Гефсиманского скита вверх, к часовне, а там луна так близко, что, кажется, пешком можно дойти...

— До луны?!

— Ага... Все видно там... Так близко, чего не дойти?

Бесы

То ли от здешней тишины такими пронзительными кажутся пьяные выкрики в ночи, то ли в святом месте появляется потребность у людей издавать особенно визгливые звуки, но тут ночной шум, привычный в любом другом месте, режет ухо.

— Это еще что... — говорит послушник. — А вы бы слышали, что два года назад было. Аки бесы кричали по ночам...

Сейчас спокойнее... Сейчас многие жители все-таки перебрались с острова на материк.

Но странности, по-прежнему, бросаются в глаза.

Ходили смотреть игуменское кладбище. Под пригорком, где кладбищенская церковь, где кресты на могилах игуменов — кладбище. Там могилы монахов, послушников, благодетелей монастыря... Здесь и солдатские (инвалидские?) могилы, и местных жителей. Некоторые — совсем свежие.

И вот, впервые и вижу такое, на многих могилах — сигареты.

— Странно, — говорю, — сигареты ведь не дешевые нынче. А тут, на острове, столько бомжей... Неужто никто сигареты не забирает с могил?

— Культура... — шутят мои спутники. — Монастырь действует и на них.

— На них?! — переспрашиваю я.

— Ну, на этих... — смутился мой спутник. — С рогами которые... А чего смутился? Конечно же, действует...

Изуродованное лицо

— Не знаю, как и назвать то, что я видел тут... — проговорил мой собеседник, пожилой, довольно представительный мужчина. — Я и сейчас себя верующим человеком не считаю, а тогда и вообще не задумывался об этих вещах... Но вот, что было... Приезжал я тогда на Валаам по командировочным делам... Больше десяти лет с тех пор прошло... Монастыря тогда еще не было, только музей...

Управившись с делами, я отправился вечером осмотреть природу и местные достопримечательности. Забрел, конечно, и на территорию самого монастыря. Долго бродил здесь, пока не столкнулся со своим соседом по гостиничному номеру. Сосед у меня хороший мужик был, только уж очень страшный. Все лицо — в чудовищных шрамах. И днем на него — смотреть нелегко, а тут, в сумерках, среди сырости храма — просто как током меня ударило. Отшатнулся даже.

— О, Господи! — говорю. — Извините, пожалуйста...

Но сосед не обиделся.

— Не берите в голову, — говорит. — Другие в обморок падали, бывало.

— Где это вас? На Невском пяточке, вы говорили?

— Можно сказать, что на Невском пяточке...

— Простите... А почему так неопределенно?

— Потому что, если разобраться, то раньше это произошло. Еще здесь, на Валааме...

— Как это? — спросил я. — Ничего не понимаю...

— Это верно... — сказал сосед. — Понять тут, действительно, ничего невозможно. Я ведь, дорогой товарищ, в здешней школе юнг учился. В сороковом году нас сюда привезли и в казарме, где мы в гостинице сейчас живем, разместили... И все как положено пошло. Учеба... Строевая подготовка... Политзанятия... Еще комиссар, его Исаак Львовичем почему-то звали, на атеистическую подготовку нас водил. Выдаст каждому по кошке... Это такая проволока на швабру намотанная, и ведет в храм. Лики святых со стен сдирать. А нам что? Мы же краснофлотцы будущие! Так шаркаем по стенам швабрами, что до кирпича побелку сдираем.

И вот однажды привел нас Исаак Львович сюда.

— По свя-ятым разойдись! — командует. — Приступить к уничтожению!

Мне преподобные Сергей и Герман достались.

Я кошку в руки взял, проверил — хорошо ли проволока держится, потом преподобных оглядел, прикидывая, откуда ловчей к уничтожению приступить.

И вот тут, понимаешь, с глазами Сергея встретился...

Смотрит он на меня, как будто живой. И главное, без страха смотрит, а задумчиво так, словно высмотреть пытаюсь, что я за человек. И я... Ты понимаешь, и я сам, как будто не на него, а на себя смотрю... И тоже сообразить пытаюсь, что я за

человек... Сколько я простоял так, не знаю. Тут комиссар, Исаак Львович, ко мне подлетает.

— Юнга Иванов!!! — кричит. — В чем дело?

— Не знаю, — говорю, — Исаак Львович... Чего-то странно мне.

— Странно?! — закричал комиссар. — А ну, швабру в руки, юнга Иванов! Выполнять приказ! Преподсудок уничтожить!!!

Он кричит так, а изо рта слюна прямо в лицо мне летит. И такая слюна жгучая у него, палит кожу... Я уже и не понимаю ничего. Словно столбняк напал. Но швабру поднимаю, и медленно так, железной проволокой по лику преподобного провожу...

А потом уж и не знаю, что со мной было. Очнулся в постели... Товарищи по школе, конечно, посмеялись надо мною. Девчонка, говорят, ты, а не моряк... Но посмеялись и позабыли... И я тоже позабыл... А снова, уже на Невском пяточке вспомнил, куда всю нашу школу бросили.

Вот где ад был...

Из наших, почитай, никого целыми не осталось. И я бы тоже не остался живой, если бы молиться не стал.

Прямо передо мной тогда мина разорвалась... Но я — вы, конечно, не поверите! — не разрыв перед собою увидел, а преподобного Сергия... Как тогда в церкви... И как тогда, очнулся уже в госпитале. Сам цел, а лицо все иссечено осколками...

— Да... — проговорил собеседник. — Таковую вот историю мне юнга Иванов рассказал.

— Чего же здесь удивительного? — сказал я. — На войне много таких историй происходило.

Почти с каждым фронтовиком, какое-нибудь чудо было... Мне один фронтовик говорил, дескать, с кем чуда не произошло, все *там* остались лежать...

— Верно, конечно, про чудеса... — согласился собеседник. — Только тут другое... Мы ведь с бывшим юнгой Ивановым в храме разговаривали, как раз возле стены, на которой фреска. Преподобные Сергей и Герман Валаамские... Похоже, что юнга Иванов эту фреску и должен был счистить, как комиссар приказывал... И вот посмотрел я на Сергея и снова, словно током ударило. Лик его, ну точь-в-точь как лицо у юнги Иванова изуродовано...

— Как же так... — помолчав, спросил я. — Как же вы себя верующим человеком не считаете, если такое видели?

— Как? — собеседник попытался усмехнуться. — Не знаю... Видеть всякое приходилось, да столько всего наделано, что страшно, понимаете ли, верить. Страшнее всего это для нас....

На этот раз моему собеседнику удалось усмехнуться.

Хотя, может быть, лучше он и не пытался бы усмехаться...

Костер на берегу

Как хорошо было в воскресенье, но как хорошо стало в понедельник, когда разъезжались туристы.

Вечер... Пропитанный сумерками воздух в монастыре.

Пробежал опоздавший на вечернюю службу монах. Прощумел воздух в складках темной рясы...

Тихо и чуть пустовато в храме.

В этой сокровенной тишине и постигаешь, что такое молитва... Как-то ясно доходит простой их смысл, который почему-то никак не постигался в городе.

— Дай, Господи, пожить во всяком благочестии и тишине...

Это, конечно, про Валаам.

В храме полумрак... Только огонек лампы перед образом преподобных Сергия и Германа светится немеркнущим костерком разведенным святыми на Валаамском берегу...

Молиться уехал

А архимандрита Панкратия в монастыре нет.

— Где же он? — допытываемся. — Мы встретиться договаривались...

— Он в скит Всех Святых уехал...

— Надолго?!

— Дак, кто же знает... Молиться отец наместник уехал...

Ну, тогда что же... Слава Богу!

На колокольне

Колокола на Валааме замолчали, когда залетевшим сюда снарядам разбило большой, тысячепудовый колокол, отлитый в память апостола Андрея Первозванного, установившего,

как утверждает предание, первый крест на острове. Сейчас, хотя и не такие великие, но снова бьют монастырские колокола, созывая иноков и паломников на службу.

И по-прежнему далеко окрест видно с колокольни. Кругом леса, вода, скалы, скиты... Островки на входе в Монастырскую бухту кажутся заплывающими судами...

Стоишь на колокольне и такое ощущение, словно смотришь в иллюминатор набирающего высоту самолета.

Неусыпаемая псалтирь

— Ничего не понимаю... — сказал один из наших спутников. — Я в лесу работаю, и деревья, и травы лесные по запаху узнаю. Но тут ветерком пахнет, и ничего понять невозможно, так благостно пахнет...

— Это, может, и не дерево... — ответил сопровождавший нас монах.

— А что же?

— Это скит Всех Святых впереди...

— Ну и что?

— Ничего... Просто там неусыпаемую псалтирь читают...

Скит Всех Святых

Здесь подвизались великие подвижники...

Сюда паломники шли за духовным советом и получали его...

Сейчас в скиту пустовато, монахов немного, духовных советов никто не дает...

Но мы были на Литургии.

И вот получилось так, что читали Евангелие, и как раз тот отрывок из Первого послания к коринфянам апостола Павла:

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и тоже духовное питье; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с нами, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...

Тот самый отрывок, который я так люблю цитировать, убеждая, что мой взгляд на Раскол, на Петра I и на другие события русской истории не противоречит православной морали, что надо не бояться правды истории, а надо вглядываться в эту правду и извлекать уроки из нашей истории.

В общем, так получилось, что самый главный совет и получил я на Скиту.

Впрочем, могло ли быть иначе?

Ведь скит так и называется — Всех Святых...

Старец

Сколько себя помню, всегда хотелось знакомств, общения с интересными и влиятельными людьми... Может быть не больше, чем

другим, но, наверное, и не меньше. И вот, с удивлением начал замечать, что прискучили и интересные люди, и к влиятельным что-то не тянет. Совсем другого общения ищешь...

Старец — весь в черном, только борода белая — из нового круга, куда тянет... Так хотелось попасть к нему, а приехал и позабыл, чего спросить хотел... Вернее, сообразил, что и не думал об этом.

— Молюсь рассеянно... — покался. — Если одно слово только и произнесу во время утреннего или вечернего правила с подлинной верой, так и то добро.

— Как не добро... — улыбнулся старец. — Если и за целую жизнь одно слово с полной верой произнести, то горы свернуть можно.

— Неужели так?

— Да не бывает иначе... Пока не совершенен внутренне, пока вера не глубока, и сила молитвенная не дается... Если бы иначе было, все горы не в ту сторону сворочены были бы...

И отвернулся от меня старец к другим, жаждущим его слова и утешения. И вроде и не говорил больше со мной, а разговор продолжался. Словно бы внутри звучал голос старца:

— Даст Бог и доживет человек до старости... Неможен станет. А немощь от греховного освобождается. Очищается человек в скорбях и болезнях... Облегчается в раскаянии душа. С такой душою и ко Господу легче взойти будет...

Старец ли это говорил, сам ли я думал так?

Уже уходил он от нас в свою келью.

Шел, опираясь на клюку, седебородый, тихий, наполненный каким-то нездешним покоем. Тихо ступал, неслышно... А вокруг словно вихрь бу-

шевал, гром гремел, молнии блистали — чудеса Божии совершались...

И все — в покое, среди незамутненно-ясного дня.

Валаамские острова

В плохую погоду, когда затянуто тучами небо, когда льет дождь, острова сливаются и со стороны Ладоги кажутся одним островом, неразличимо-густо заросшим лесом...

Совсем другое дело, когда ясно светит солнце. Плывет моторка по Ладоге, и каждый остров освещен по-своему, каждый отдельно от других.

Так и люди здесь...

Каждый сам по себе, но это в ясную погоду.

Нахмурится небо и уже, кажется, и не различить отдельных людей, все монахи, все — монастырь...

Святой остров

Иначе его называют — Старый Валаам...

Согласно преданию, именно здесь начиналось служение преподобных Сергия и Германа.

Но это предание...

Точно известно, что на Святом острове подвизался другой великий русский святой — Александр Свирский. Скит на острове так и называется — Александро-Свирский...

«От Лембоса до Святого острова три версты... — писал капитан Я. Я. Мордвинов двести

лет назад. — Влево видны Чернецкий остров и еще малых островов четыре. Ко Святому острову пристали с западной стороны, а в других местах пристать невозможно, понеже все каменные горы на утес, а где пристали на берегу, крест деревянный и вход в гору весьма крут. В половины горы часовня деревянная и к ней образы написаны при игумене Ефреме. Позади той часовни пещера в каменной горе, где преподобные спасались. Проход во оную тесен и проходили на коленях. Вошел в пещеру — можно стоять двум человекам. Во оной стоит деревянный небольшой крест и лежат небольшие два камня, а над входом в оную пещеру висят отломившиеся от горы камня, и некоторые лежат при входе и видно, что упали сверху и расшиблись...»

Сохранилась пещера доньне...

И вырытая наверху горы руками преподобного Александра Свирского могила тоже сохранилась.

Пещерка невелика...

Когда входишь, плечи задевают за гранитные стены. Крохотного света лампы достаточно, чтобы осветить все пространство. Кроме икон — только голый камень.

И стоишь посреди кельи и не можешь представить, как обитал тут Александр Свирский... И не день, не месяц, а долгие годы... Но разве можем мы представить, что, как сказано в Житии, «от великих трудов кожа на теле сделалась такой жесткою, что не боялась и каменного удара».

В каменной, открытой ладожским ветрам пещере, покрытый окаменевшею кожей, и молился святой, когда раздался обращенный к нему голос Богородицы:

— Александре! Изыди отсюда и иди на прежедепоказанное тебе место, в нем же возможеша спастися!

И светло стало.

Преподобный Александр выбрался из пещеры и за стволами сосен, вставших почти на отвесной скале, увидел тихие воды Ладоги. Великий небесный свет сиял в той стороне, где текла Свирь...

Воистину — чудны Твои дела, Господи! Великие знаки начертаны Божией Десницею в нашей истории, и порою, чтобы увидеть их, надо просто захотеть раскрыть глаза.

Был солнечный августовский день, когда мы — православные писатели из Санкт-Петербурга; иеромонах из Сербии, швед по национальности; рясофорный (нынче он уже пострижен в мантию с именем Савватия) монах Сергей — приехали на Святой остров.

Валаам неслучайно называли северным Афоном. Такие же скалы... такое же обилие воды... такие же резкие краски... Разница только в температуре. Там жара. Здесь — холод. Но и то и другое одинаково губительно для изнеженной человеческой плоти, и то и другое требует аскетизма, «кожи, не боящейся каменного удара».

Особенно остро ощущается это на Святом острове. Инок Сергей рассказал, что рыбаки никогда не останавливались на острове.

— Почему?

— Страхования разные начинаются... Бывало, ночью в бурю бежали отсюда, так страшно становилось...

Однако вот сам преподобный Александр Свирский несколько лет в одиночестве провел на острове.

«Буря искушений и устремлений диавольских не возможе поколебати храмины твоя душевная, преподобне отче, основана бо бе на твердом камени веры во Христа, — звучали перед входом в пещеру-келью слова акафиста. — И хранима трезвением и молитвами непрестанными, имиже выну противоборствовал еси врагу спасения человеческого».

Когда мы читали акафист преподобному Александру Свирскому у его кельи на Святом острове, мы не знали и не могли знать, что как раз в это время в церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии на проспекте Стачек в Петербурге, устанавливаются мощи преподобного, обретенные в анатомическом музее Военно-медицинской академии.

Дочитали акафист. Поднялись по крутой тропинке наверх, где зияет могила, выкопанная — «о смертном часе непрерывно помышлявший»... — самим преподобным Александром Свирским.

Сейчас на острове возродилась скитская жизнь.

Начальник скита, бывало, и оставался на острове один. А послушникам запрещал...

— Он такое правило дал... — сказал нам сопровождавший нас Сергей. — Говорит, вы не думайте, что вы отшельники. Вы просто — сторожа.

— Духовные? — спросил кто-то из наших поэтов.

— Ага... — ответил инок. — Картошку сторожили...

Далай-лама на Валааме

Приехал на Валаам Далай-лама...

— Можно храм посмотреть? — спрашивает.

Ему показали храм.

— Можно посмотреть, как монахи живут?

Ему показали кельи.

Все расспросил гость с Тибета, все узнал. И все это очень ему понравилось.

— Очень хорошо... — похвалил он. — Очень похоже, как наши монахи живут... Тоже молятся и трудятся, трудятся и молятся... Но, простите... Я не очень хорошо понял, какими у вас боевыми искусствами монахи овладевают...

— Чем-чем? — переспросили у него.

— Единоборствами... Карате... Дзюдо... Или у вас нет такого?

— Отчего же нет... — не растерялся сопровождавший Далай-ламу инок. — Единоборству мы все учимся.

— Какому же, если не секрет?

— Никакого секрета нет... Наше единоборство простое: если тебя по одной щеке ударили — подставь другую...

— И все? А что дальше?!

— А дальше ничего... Дальше — победа...

Крест

День за днем, год за годом, век за веком накалывают на прибрежные камни волны и не смолкает их шум...

На юго-западной окраине Никольского острова — крест...

— Крест водрузился на земли и коснулся неба не яко древу досягну высоту но Тебе на нем и сполняющему всяческая Господи слава Тебе... — с трудом разбираешь тонущие в граните слова, и как-то странно сливаются они своим звучанием с неясным плеском набегающих на берег ладожских волн.

Крест установлен в прошлом веке, а слова древние.

День за днем, год за годом, век за веком звучат эти слова и не смолкают.

Пожар на Валааме

Не обошла нынешняя жара пожарами и валаамские острова. Видно, рыбаки жгли костер на берегу Угровой бухты — загорелся лес...

Три гектара горело вблизи Крестового озера.

Лесной пожар везде беда, но на Валааме тушить его труднее. Накаляются скалы. Еще с войны остались тут финские укрепления, а в них патроны. Стрельба стоит...

Но главное — скалы... Не пророешь траншею... И людей мало. И техники нет.

Монахи лапником сбивают огонь с деревьев, но он тут же вспыхивает в другом месте, белый дым поднимается, заволакивая пространство между деревьями.

— Может, на Преображение Господне дождь пойдет? — говорит один из монахов.

— Какой дождь на Господний праздник... Нет... Тушить надо, — отвечает другой...

Дождь на Преображение, действительно, не шел.

Зато на следующий день, на Собор Валаамских святых, как из ведра полил.

Получилось, что валаамские святые всем Собором и затушили — слава Богу! — пожар.

Немного и пострадали леса.

Архимандрит Панкратий

Вчера мы видели его в скиту Всех Святых, и — в черной вязанной кофте — как-то не сразу признали — такой тихий, задушевный был, как будто старец со старинной фотографии...

А сегодня игумен принял нас в своем рабочем кабинете...

— Наши монастыри открыты миру, — говорит отец Панкратий. — А ведь, чтобы служить миру, надо прежде уйти от него, в пустыни обрести себя... Но как уйти от мира в наших монастырях, которые сейчас приходится восстанавливать всем миром...

И он объясняет, что монашество в России можно возродить, лишь заимствуя опыт афонских монахов. У нас — увы! — прервана монашеская традиция. Четыре мужских монастыря просто не могли сохранить ее, они и не монастырями были, а доказательствами того, что в СССР тоже есть монастыри...

— Однако, — говорит отец Панкратий, — для уныния нет причин. Конечно, тяжело... Но Господь утешает, дает силы исполнить послушание...

Это верно... Причин для уныния нет никаких...

Ведь и в XVIII веке, после жестоких гонений, воздвигнутых на Православную Церковь, возрождение порушенных монашеских традиций тоже начиналось со Святой горы. Афонскими монахами были иноки, положившие начало возрождению старчества...

И — валаамскими, разумеется, если речь идет о старце Феодоре, преподобном Льве Оптинском или Антипе Святогорце...

Афонские монастыри отец Панкратий знает не понаслышке. Он не раз бывал на Святой горе...

— Там тоже, как и у нас, проблема с туристами... Конечно, туристы — это большие деньги. Но это — и неприятности. Особенно у нас... У нас многим влиятельным людям хочется наживаться на Валааме, даже не подпуская монастырь к доходам. Но есть и другая проблема, о которой мы уже говорили... Из-за столь сильного наплыва туристов становится невозможным уход от мира... Мир сам ломится в монастырские ворота.

— Как же тогда удастся возродить на Валааме монашескую жизнь?

— Если какой монастырь и предопределен для возрождения монашеской жизни, то это прежде всего Валаам. Слава Богу, на Валааме есть скиты. Туда не пройти туристам... Там хранится молчание и уединение... Скитами спасается монастырь.

Отец Панкратий говорит, что в скитах, несмотря на скопившуюся там за советские десятилетия грязь, все равно сохранилась благодать, и Собор святых поддерживает новых насельников Валаама...

Еще рассказывает о Дамаскине...

Кто-то и сейчас всегда молится на его могиле. Да-да... Дамаскин и сейчас очень нужен Валааму... Вот такой разговор...

Частью о старчестве, частью о хозяйстве, частью об истории... Но мог ли быть другой?

Валаам — это огромная территория. Огромное хозяйство. Целый клубок социально-экономических проблем... Сейчас в монастыре, считая с подворьями, двадцать иеромонахов. Всего насельников — 120 человек.

А еще местные жители...

Самое страшное, что и сейчас еще на Валааме пытаются строить частное жилье. Поскольку никакого Генерального плана не существует, Сартавало пытается ввести особые условия. Так сказать, в порядке исключения, разрешить местным жителям строить частные дома...

— А что местные жители могут построить? Только сарай. Так что понятно, кто будет строиться под видом местных жителей на Валааме. Новые русские.

А еще — туристы. Это тоже целая проблема... Целый букет проблем...

А еще мы, писатели-паломники, которых надо отправлять назад, на материк.

Об этом архимандрит Панкратий говорит с капитаном судна по телефону... А еще из Приозерска на чем-то надо ехать... Судно придет туда, когда электрички уже уйдут все, на чем добраться до Петербурга.

Прижимая плечом телефонную трубку, архимандрит нажимает на клавиши компьютера, сверяясь с расписанием...

Снова говорит с капитаном, потом набирает другой номер...

Снова спрашивает, снова объясняет, что нет теперь ночных электричек, снова говорит о нас, а сам время от времени заглядывает в лежащее на столе раскрытое Евангелие...

Монастырские коты

Котов в монастыре много и все — разные. И все похожи — монастырские...

Особенно много котов в самом монастыре. Так их не видно, но в нужное время все они подтягиваются к трапезным. Каждый — к своей, кому куда положено.

Главный тут — кот Моня.

— Настоящий монах! — хвалит его отец Савватий. — Без трапезы никогда не уйдет.

На Никольском скиту, что на острове, кот по рыболовной части промышляет. Если увидит кого на мостках, сразу туда, и пока не получит «налог», не отстанет от рыбака...

А в больнице Тяпкиным-Ляпкиным ката прозвали.

— Почему?

— А как у Гоголя... Он порядок любил, вот и прозвали Ляпкиным-Тяпкиным...

— И откликался?

— А как же... Подать сюда, скажешь, Ляпкина-Тяпкина, а он уже сразу тут. Мяукает... Да так строго, требовательно. Чего, дескать, звали? Чего порядок нарушаете?

Ну, а самый смешной кот — на ферме.

Он и церковную службу, кажется, изучил. Как только крестный ход собирается, кот уже обязательно тут. Впереди вышагивает...

Главная новость

Долги монастырские службы... Пока не освободишься от городской суеты, тяжелыми кажутся они, невыносимо долгими. Но потихоньку отодвигаются заботы, втягиваешься, и уже не тягость, а легкость приходит во время служб...

Сегодня — Преображение Господне — и всеобщая особенно долга. А утром — литургия...

Заполнен храм. Горят свечи. Звучат молитвы....

Вокруг монахи и миряне, мужчины и женщины, молодые и старые. Все разные и все одинаковые. Все — православные. И все ждут. Ждут причастия Святых Таин...

Но впереди еще чтение Евангелия.

— Вонмем.

И выходит священник, и начинает читать «Первое соборное послание апостола Петра»...

«О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явлении Иисуса Христа, Которого, не видев любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашею спасения душ...»

Звучат вечные слова и, кажется, что не два тысячелетия назад написаны они, а сегодня или

вчера, и не к кому-то вообще адресованы, а именно к нам, стоящим в храме.

И еще понимаешь, что именно сейчас и узнаем мы самую главную новость. А что там говорят по телевизору, кого еще назначили или сняли — все это пустое. Все равно: главное и важнее того, что сказано в послании апостола Петра, мы не узнаем...

Валаамские чудотворцы

Своенравное озеро окружает монастырские острова, и многие истории и предания связаны тут с чудесными избавлениями от потоплений.

Шли ранней весною олонецкие крестьяне в монастырь. Тут поднялся ветер, взломал лед... Трое суток носило олончан на льдине по озеру, не чаяли и живыми остаться, как вдруг явилось двое светозарных старцев монахов.

— Не бойтесь! — объявили они. — Не погибнете вы в озерной пучине. Но, прибыв в монастырь, закажите, чтобы совершили молебен перед иконой Смоленской Божией Матери, что стоит в чернорабочей избе.

— Кто вы, святые отцы? — пав на колени, спросили паломники.

— Мы валаамские старцы, Сергей и Герман! — был ответ. — Уповайте на Бога и не страшитесь.

Очнувшись, крестьяне увидели, что льдину прибило к подножью скалы, на вершине которой стоит монастырь. Паломники пошли в избу, где жили трудники, и нашли там Образ Смоленской Божией Матери. Перед ним и был совершен благодарственный молебен.

Сколько уже веков этому преданию?

Но вот приехали мы, поселились в Никольском скиту и на следующий день слышали историю о чудесном спасении, совершившемся два дня назад, как раз в тот шторм, в который попали и мы...

Дело так было...

Третий день горело погодой озеро. Рыба засыпала в сети, и скитоначальник отец Антипа решил выйти в озеро, чтобы не пришлось выбрасывать улов из сети.

Вдвоем с трудником пошли. «Кошкой» подняли сеть, но не рассчитали, швырнуло волной в сторону. Пока возились, выравнивая лодку, намотало веревку на винт.

Уже и не рады были, что выехали... Бог с ней, с рыбой, не жалко и сетку загубить, лишь бы самим живыми остаться... Надо бы веревку перерезать, да и нож в воду упал... Попробовали назад грести, да куда там! Весла вспахивают волны, а лодка на месте стоит, волны ее захлестывают...

Вдвоем на веслах сидят, гребут, что силы есть.

— Святителю Николае! — зывают. — Помоги нам, грешным!

— И вдруг, — рассказывал трудник, поведавший эту историю, — будто дернули нас. Будто на веревке кто подтянул. А это, знаете, что было?

— Что? — спросил я.

— Мы потом уже узнали... Оказывается, пришли с монастыря и акафист святителю Николаю в нашем храме читали... Вот тогда и подтянуло нас будто на веревке к острову.

— Да... — признался и отец Антипа, когда я спросил про эту историю. — Был такой случай... Не думали и живы остаться... Слава Богу, отец Гурий пришел акафист с молебном святителю Николаю отслужить в нашей церкви. Вот и услышал нас Николай Чудотворец.

И отец Антипа перекрестился.

Перекрестился и я.

— Угодниче Божий, святителю Николае-чудотворче, моли Бога за мя грешного... — прошептал привычные слова, но как-то иначе звучали они здесь, в Никольском скиту. Больше надежды было, что услышана будет молитва. Совсем рядом святитель Николай...

Новейшая история Никольского скита

Пока не построен был при игумене Дамаскине Никольский храм, остров назывался Крестовым. На вершине его была воздвигнута каменная часовня во имя святителя Николая, в которой на все четыре стороны — окна. В темные ночи возжигали здесь свет, и лучи крестом расходились во все стороны, указывая путь судоводителям.

Храм построили иждивением купца Николая Назаровича Солодовникова в 1853 году, а через пять лет и двухэтажный дом с домовою церковью, освященной во имя преподобного Иоанна Дамаскина.

Но все это — далекая история...

А новая история повествует о вселении в скитской корпус умалишенных.

Потом здесь были квартиры. В церкви Иоанна Дамаскина тоже жили, на месте алтаря стояла кровать.

Когда на островах возродилась монастырская жизнь, начали расселять и скитской (архиерейский) корпус на Никольском острове. С трудом выжили жильцов, занимавших домовую церковь. Сразу принялись расчищать потолок, и из-под слоев побелки проступили грозные лики святителей московских. Было это как раз в день их памяти...

Сейчас церковь восстановлена.

Возобновлена и скитская жизнь.

Хотя одна квартира в «архиерейском» корпусе не расселена до сих пор. Там живет девяностолетний дедушка Андрей Афанасьевич. Бывший коммунист... Однако, с монахами он уживается, а монахи уживаются с ним.

— Свой огород Андрей Афанасьевич так возделывает, что и монахам поучиться можно... — говорит о соседе отец Антипа. Подумав, добавляет. — Одинокий он. Тоже, как монах, только без креста...

Андрей Афанасьевич как бы соединяет в себе новую — советскую! — историю скита с историей новейшей, повествующей уже о возрождении монастыря... И если подумать, то фигура его весьма символична. Сколько таких «монахов без креста» перебирается из советского времени в наши дни...

И одна надежда, что крест, на котором высечены слова: «Крест водрузися на земли и коснуса

небеси не яко древу досягшу высоту»... — доста-
нет и на этих андреев афанасьевичей.

Экскурсовод

В пассажирском салоне на паломническом корабле «Игумен Дамаскин» висела клетка. В клетке сидел попугай. Едва только мы вошли в салон, как попугай затрещал, захрипел, запо-скрипывал, как плохой динамик у экскурсовода.

— Так он динамик и передразнивает...

— Динамик?!

— Ага... Он привык, что только туристы в салон заходят, и экскурсовод сразу динамик включает, начинает рассказывать...

— А чего же он хрипит только?

— Этому только и научился пока...

Поэт

— Я стихотворение придумал... — сказал мой приятель, поэт.

— Прочитай...

— Как солнечно было, когда приезжали сю-
да... — прочитал он. — Как пасмурно нынче,
когда уезжаем...

И замолчал.

— А дальше? — спросил я.

— А что дальше писать, если все уже сказано
тут...

Он махнул рукой и ушел с палубы.

Возвращение

Вот и снова поднимаемся на борт монастырского судна. Только теперь это уже не «Игумен Дамаскин», а буксирчик «Святитель Николай».

Отходим от берега.

Высоко вверху проплывает монастырь с тонущим в голубой высоте куполом собора. Сам собор зарос темными строительными лесами... И снова открываю я машинописную книгу святителя Игнатия (Брянчанинова), и снова — точь-в-точь! — как в книге: «раздался величественный звон колоколов монастырских и вторили ему с разных сторон ущелья каменных гор многоголосым эхом».

И уже не понять, то ли книга святителя вбирает в себя окружающий мир, то ли все звуки с легким дыханием ветерка — из этой книги...

«Скоро мы достигли противоположного берега, оттуда я оглянулся на Валаам, он представился мне, на своих обширных бесконечных водах, как бы планета на лазуревом небе...»

Этими словами кончается книга Игнатия (Брянчанинова).

Не скрою, когда мы подходили к приозерским шхерам, я тоже оглянулся, желая увидеть Валаам, как «планету на лазуревом небе», но — увы! — ничего похожего не разглядел. Не различить было с моим зрением никаких островов позади...

Впрочем, что же грешить на зрение? Может, только святительскими очами, которыми сумел рассмотреть Игнатий (Брянчанинов) в монахе-отшельнике будущего великого игумена, и различается Валаам так... Планетой на лазуревом небе Божией любви?

2000 год

Валаам — Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

АПОСТОЛЬСКИЙ КОЛОКОЛ

ПРОЛОГ	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
ВСТУПЛЕНИЕ	14
ГЛАВА ПЕРВАЯ	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	36
ГЛАВА ПЯТАЯ	40
ГЛАВА ШЕСТАЯ	43
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	51
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	57
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	63
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	76
ГЛАВА ПЕРВАЯ	76
ГЛАВА ВТОРАЯ	84
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	90
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	99
ГЛАВА ПЯТАЯ	111
ГЛАВА ШЕСТАЯ	115
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	139
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	144
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	153
ЭПИЛОГ	155

СВЕТ ВАЛААМА

ВСТУПЛЕНИЕ	161
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	165
ГЛАВА ПЕРВАЯ	165
ГЛАВА ВТОРАЯ	172
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	175
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	187
ГЛАВА ПЯТАЯ	194
ГЛАВА ШЕСТАЯ	198
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	204
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	208
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	213

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	224
ГЛАВА ПЕРВАЯ	224
ГЛАВА ВТОРАЯ	233
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	237
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	241
ГЛАВА ПЯТАЯ	245
ГЛАВА ШЕСТАЯ	252
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	262
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	271
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	285
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	289
ХРОНИКА	289

БАЛААМСКИЕ РАССКАЗЫ

«Игумен Дамаскин»	293
Валаамское время	294
Послушник Александр	296
Лиза	298
Валаамская луна	299
Бесы	300
Изуродованное лицо	301
Костер на берегу	304
Молиться уехал	305
На колокольне	305
Неусыпаемая псалтирь	306
Скит Всех Святых	306
Старец	307
Валаамские острова	309
Святой остров	309
Далай-лама на Валааме	313
Крест	313
Пожар на Валааме	314
Архимандрит Панкратий	315
Монастырские коты	318
Главная новость	319
Валаамские чудотворцы	320
Новейшая история Никольского скита	322
Экскурсовод	324
Поэт	324
Возвращение	325

Серия молитвословов

Издательство «Благо» предлагает боголюбивым христианам серию православных молитвословов. В них содержатся молитвы о помощи в духовных и телесных нуждах: утешения при потере близких, молитвы о спасении и исцелении от болезней, о даровании спутника жизни, от бесплодия, разнообразные молитвы о детях.

Кроме того, в «Молитвослове начинающих» приводятся сведения о различных сторонах церковной жизни, рассказывается о православном храме и правилах поведения в нем, о подготовке к Таинствам Исповеди и Причастия, об отношении к просфоре и святой воде, объясняются некоторые моменты православного богослужения. Обилие вспомогательного материала и последовательность изложения делают молитвослов своего рода пособием по воцерковлению и молитве.

Наши молитвословы помогут подготовиться ко Святому Причащению и благочестиво провести день, прося у Господа вразумления в трудных случаях.

Полный молитвослов

«**П**олный православный молитвослов» включает в себя все разделы, которые встречались в молитвословах, изданных до настоящего времени, в том числе в дореволюционных. Помимо наиболее употребительных молитвословий (утренние и вечерние молитвы, правило ко Святому Причащению, благодарственные молитвы по Святом Причащении и др.), молитвослов включает в себя последования всенощного бдения, часов и Божественной литургии, а также избранные тексты из Цветной и Постной Триодей. В молитвослов также включен акафист одному из наиболее почитаемых святых Русской Православной Церкви — преподобному Серафиму Саровскому. В отдельные разделы вынесены молитвы пред наиболее чтимыми иконами Божией Матери, а также святым угодникам Божиим.

Молитвослов святого праведного Иоанна Кронштадтского

В книге собраны лучшие наставления великого кронштадтского пастыря о значении и сущности молитвы. Отчего мы устаем молиться? Как молиться Господу, Владычице Богородице и святым? Как благодарить Бога за Его милости и благодеяния? Как молиться о усопших и близких, подверженных разным губительным страстям — гордости, злобе, сребролюбию, пьянству, чревоугодию?

Эта книга любима многими православными христианами, которые с благоговением внимают благодатным словам великого духовного подвизника — праведного Иоанна Кронштадтского.

Н. Коняев Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский

Трудно, тяжело страдать... Но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в каком находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все... Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее иметь надо нам, пастырям. Забыть свои самонадеянность, ум, ученость и силы и дать место благодати Божией.

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский

Знамение

В этой книге нет ничего выдуманного — всё в ней изложенное произошло на самом деле. Это может удивлять, шокировать, настаивать... Но многие происходящие с нами события — знак, знамение. И в наших силах увидеть это, взглянуть пристальнее в собственную жизнь... О Божией воле и человеческом разуме, о силе духа и людской немощи — об этом и многом другом вы прочитаете в сборнике рассказов православных авторов «Знамение».

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Случайностей нет

Очень часто в нашей повседневной жизни происходят события, которым невозможно дать логичное рациональное объяснение. Кто-то называет это стечением обстоятельств, кто-то — случайностью... А кто-то говорит просто: это Божие чудо. В этой книге вы найдете немало примеров тому, как необъяснимые и таинственные вещи влияют на нашу жизнь, заставляют взглянуть на нее под другим углом зрения. Чтение этого сборника доставит вам немало приятных минут, благодаря легкому и понятному каждому читателю языку.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Е. Санин
Душа-царевна

«Душа-Царевна» — веселая и добрая сказка замечательного русского писателя и поэта Е. Г. Санина. В ней рассказывается о том, как дочь доброго царя Домоседа Душа-Царевна и ее возлюбленный одерживают победу над злым и коварным царем. В этом сражении им помогают чудесные помощники. Как во всякой хорошей сказке добро победит зло, а правда восторжествует над ложью.

Иллюстрации к сказке выполнены художником-мультипликатором, членом Союза кинематографистов О. А. Сафроновым.

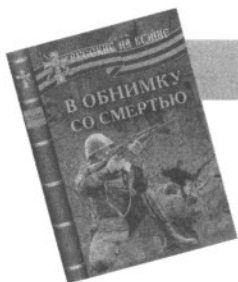
Книга предназначена для детей младшего школьного возраста.

Е. Богушева
Именины у меня

Именины — один из самых главных праздников для православных христиан. Как провести этот день с пользой для души? Об этом расскажет маленьким читателям мальчик Илья — главный герой «Именин у меня». В яркой, богато иллюстрированной книге дети получают начальные сведения о Таинствах Крещения, Исповеди и Святого Причащения, о том, кто такие крестные, Ангел Хранитель, для чего нужно ходить в храм Божий и как себя там вести.

Книга предназначена для детей младшего возраста и их родителей.

В обнимку со смертью

Мы предлагаем Вашему вниманию замечательную книгу, написанную ветеранами Великой Отечественной войны и офицерами — участниками боевых действий в Афганистане, Чечне и других горячих точках.

С волнением читаем о мужестве малолетних узниках фашистских лагерей, о том, как дети вносили свою лепту в Великую Победу, о пленении фельдмаршала Паулюса, как жили, верили и надеялись на Бога люди в тылу, что чувствовали они, когда узнали об окончании войны. В книге есть и воспоминания об Афганистане, рассказ о судьбах наших современников после перестройки. Проникновенная проза перемежается с замечательными стихами. Книга пронизана духом любви к Отчизне, она вселяет отвагу и призывает мужественно отстаивать ее честь, не склоняться перед недругами.

Е. Мосягин

Живое дыхание смерти

Эта книга написана ветераном Великой Отечественной войны Евгением Потаповичем Мосягиным. Вы прочитаете документальную повесть о партизанском движении в Белоруссии, особенно ценную тем, что автор сам воевал в партизанском отряде и был непосредственным участником событий.

Очень интересен рассказ об участии итальянцев в войне против России, поскольку эта тема практически не освещена в художественной литературе.

Так или иначе та страшная война коснулась каждого человека нашей страны, и потому интересны свидетельства очевидца тех лет, который видел, как подвиг оказывался по силам даже слабым людям, которые любили свою Родину, своих близких и ради них готовы были жертвовать собой.

Но и на войне люди продолжали любить, надеяться на лучшее. Это настроение особенно передают высокохудожественные стихи, которые трогают своей лиричностью и глубиной размышления об уроках войны.

Мы предлагаем всем с благодарностью прикоснуться к страницам этой книги.

Моя жизнь во Христе

«**Н**е предпосылаю моему изданию предисловия: пусть оно говорит само за себя. Все содержащееся в нем есть не иное что, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы. Когда мог, я записывал благодатные мысли и чувства, и из этих записей многих годов составила теперь книга.

Протоиерей И. Сергиев»

Вашему вниманию предлагается широко известная и любимая многими книга праведного Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Уникальность данного издания в том, что в конце дается подробный предметный указатель и указатель текстов Священного Писания.

Помощь Пресвятой Богородицы

Вданной книге указано, пред какими иконами Пресвятой Богородицы принято молиться об избавлении от бед, скорбей, напастей, от различных заболеваний. Указаны даты празднования этих икон Православной Церковью, молитвы, тропари, кондаки каждой иконе Пресвятой Богородицы.

Во второй части книги даны общие молитвы, тропари, кондаки и величания Божией Матери, а также молитвы ко Пресвятой Богородице на каждый день седмицы.

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

НА ПЯТНИЦКОЙ

открыт в 1991 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНОГО
СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО
ВО ИМЯ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА

**Посетив наш магазин, Вы сможете по невысоким ценам
приобрести все необходимое для нужд храма
и повседневного православного обихода**

**Получаемую прибыль магазин
передает на содержание Православного
Свято-Тихоновского Гуманитарного университета**

КНИЖНЫЙ ОТДЕЛ
самый большой
в Москве выбор
православной
литературы

ИКОННЫЙ ОТДЕЛ
иконы, церковная
утварь, ладан, уголь
кадильный, лампадное
масло, свечи

ОТДЕЛ ТКАНЕЙ
церковные ткани
и швейная
фурнитура,
готовые облачения

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ**
аудио-видеокассеты
и компакт-диски
с духовной музыкой

ОПТОВЫЙ ОТДЕЛ

духовная литература по издательским ценам,
иконы и церковная утварь

**Бартер. Оптовые скидки. Доставка в любую точку
России (автотранспортом и контейнерами - бесплатно)**

ВРЕМЯ РАБОТЫ: Пн. - Пт. 10.00 - 19.00; Сб. 10.00 - 17.00; Вс. 10.00 - 14.00

119017, Москва, Пятницкая ул., 51/14, стр. 2,

Тел./факс: (495) 951-51-84; 951-34-97; 951-50-44

www.pravslovo.ru; e-mail: pravstvo@umail.ru

www.blago-kniga.ru

**По вопросам оптовой торговли
книгами издательства «БЛАГО»
и размещения рекламы в книгах обращаться:**
E-mail: blago-kniga@blago-kniga.ru
Тел. (495) 953-55-50

Уважаемые православные авторы!
Издательство «Благо» приглашает Вас к сотрудничеству.
Присылайте Ваши рукописи по адресу:
123423, Москва, а/я 27
E-mail: blago-kniga@blago-kniga.ru
Тел. (495) 953-55-50
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Н. М. Коняев
Апостольский колокол

ISBN 5-98509-107-4

© Издательство «Благо», 2006
© Н. М. Коняев

Издательство «Благо», 2006. – 336 с.

Бумага офсетная. Формат 84×108/32. Подписано в печать 7.02.06.
Гарнитура JournalC. Печать офсетная.
Усл. п. л. 17,64. Тираж 10 000 экз. Заказ № 259.
Адрес издательства: 113184, Москва, М. Татарский пер., д. 5, стр. 1.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Документальная повесть Николая Коняева «Апостольский колокол» в 2004 году удостоилась Большой литературной премии России за лучшие произведения.

«Николай Коняев, православный писатель из Санкт-Петербурга, хотя и получает премию за одну книгу, но был представлен на неё рядом работ. Мы все восхищаемся его описанием Валаама, – сказал на вручении Большой литературной премии председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев. – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II на недавней встрече с писателями сказал, что средостение между писателями России и Православием упало, благодаря деятельности Союза писателей России, в том числе, и благодаря подвижническому труду таких писателей, как Николай Коняев...

Его описание Валаама, так понравившееся Святейшему, его рассказы о русских Святых, о храмах Санкт-Петербурга, о Тихвинской иконе Божией Матери, которая сейчас возвращается в Россию, как никогда своевременны и отражают истинный реализм русской жизни...»